

ISSN 0130-3600

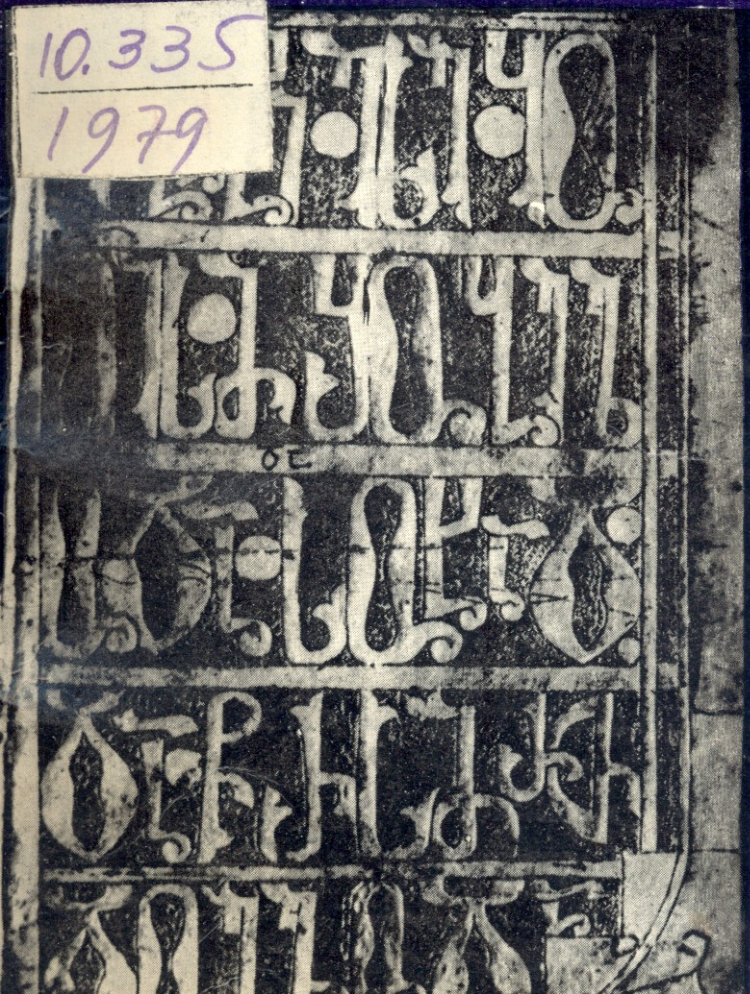
საქართველოს
საბჭოთავო კულტურის

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 12

1979

10.335

1979

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«НАУКА»

«Русская и грузинская средневековая литература». Сборник статей. Отв. редактор Г. М. Прохоров. Ленинградское отделение, 1979. 223 с. 2.850 экз. 1 р. 70 к.

«ЗНАНИЕ»

Анджапаридзе Г. «На пути к герою». Рабочий класс в соврем. зарубеж. литературе. Москва, 1979. 63 с. 129. 700 экз. 11 к.

«МЕРАНИ»

Фейгин Э. Собрание сочинений. т. 3. Роман, повести и очерк. Тбилиси, 1979. 608 с. 20.000 экз. 2 р. 30 к.

«ИР»

Хетагуров К. «Фатима». Кавказ. повесть. Худ. У. К. Кануков. Орджоникидзе, 1979. 143 с. с ил. 3.000 экз. 1 р. 90 к. — Текст парал. на рус. и осет. яз.

«ИСКУССТВО»

Гугушеили Э. «Котэ Марджанишвили». Москва, 1979. 447 с. с ил. («Жизнь в искусстве»). 50.000 экз. 2 р. 40 к.

«ХЕЛОВНЕБА»

Квасхадзе З., Туманишвили И. «Грузинский экс-либрис». Тбилиси, 1979, 101 с. с ил. 5.000 экз. 75 к. На груз. и рус. яз.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

КАРЛО КАЛАДЗЕ. Орден Ленина — Ком-
сомолу Грузии 3

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИРАКЛИЯ АБАШИДЗЕ

ЩЕДРЫЙ ТАЛАНТ И ДОБРОЕ СЕРДЦЕ 4

ПОЭЗИЯ

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Стихи. Переводы
Михаила Синельникова, Михаила Ду-
дина, С. Давыдова, Евгения Винокурова 42

ПРОЗА

ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Год активного
Солнца. Роман. Окончание. Перевод
Ушанги Рижинашвили 7

БОРИС АНДРОНИКАШВИЛИ. Рассказы 47

ТЕЙМУРАЗ ЛАНЧАВА. Рассказы. Пере-
вод Даниила Джанашвили 69

ПУБЛИЦИСТИКА

РОИН МЕТРЕВЕЛИ. «...В связи с конкрет-
ным опытом истории» 81

ПАМЯТИ САНДРО ШАНШИАШВИЛИ

СЕРГО КЛДИАШВИЛИ. Горечь утраты 92

ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Настоящий человек 92

ВЛАДИСЛАВ ШОШИН. Сандро Шаншиа-
швили 93

ГОДУ РЕБЕНКА ПОСВЯЩАЕТСЯ

САНДРО ШАНШИАШВИЛИ. Мальчик Гиг-
ла (Поэма-сказка). Перевод Станисла-
ва Куняева 94

ЛЕЙЛА ЭРАДЗЕ. Стихи. Перевод Л. Миля 99

12

1979

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КОСТА ХЕТАГУРОВА

- ГЕОРГИЙ ДЗУГАЕВ. Истоки поэзии Коста —
в народном творчестве 101
- ШАЛВА ГОЗАЛИШВИЛИ. Коста Хетагуров
и грузинская общественность 105

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ЭДУАРД ЕЛИГУЛАШВИЛИ. Как рожда-
лась книга (Ретроспективный репортаж) 110
- ВЛАДИМИР ХОРОС. Кормчий на тонущем
корабле 114
- АКАКИЮ ГАЦЕРЕЛИЯ — 70 ЛЕТ
- ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Рыцарь без
страха и упрека 123

НАУКА

- ДЖУАНШЕР ВАТЕИШВИЛИ. Предтеча
грузинской печатной летописи (К 350-
летию издания первопечатных грузин-
ских книг) 126

РЕЦЕНЗИИ

- ИЛ. ТАБАГУА, А. ЧХЕИДЗЕ. Ценный науч-
ный труд 150
- АННОТАЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ» 153
- ХРОНИКА 154
- Содержание журнала «Литературная Грузия»
за 1979 год 156
- ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА 160

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алек-
сей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛА-
ШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответст-
венный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГ-
ВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ,
Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (за-
меститель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

НАШ АДРЕС: 380008, Тбилиси, ул. Ленин, 5

ТЕЛЕФОНЫ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

ОРДЕН ЛЕНИНА — КОМСОМОЛУ ГРУЗИИ

Было время, когда и мы были молодыми, и наша древняя Грузия начинала тогда новую жизнь, боролась, закалялась, возводила на реках первые плотины.

В общем трудовом ритме отчетливо ощущался пульс молодого поколения. «22 000» называлась моя первая поэма (пусть не удивляется нынешняя бесчисленная армия комсомольцев, тогда республика насчитывала всего двадцать две тысячи комсомольцев!).

Я хорошо помню и те дни, когда журнал «Момавали» («Будущее») мы переименовали в «Ахалгазрда ленинели» («Молодой ленинец») и комсомол Грузии стал называться Ленинским.

Особенность, характер каждой эпохи отражается прежде всего в жизни молодежи. Набирала силу наша республика, вместе с ней росла, мужала ее молодость. Мы все вместе учились жить. Жить так, чтоб оправдать доверие народа и партии.

Мы с победой прошли войну, ударно трудились на всех фронтах мирной жизни и сегодня победоносно строим будущий мир. Достоянная высокая оценка всему этому — орден Ленина, которым сегодня комсомол республики украсил свою грудь.

Награда эта принадлежит всем поколениям Ленинского комсомола Грузии.

Я горжусь, что могу горячо поздравить нашу молодежь от имени тех, кто верит в негасимую юность народа!

Карло КАЛАДЗЕ

115-239

კ. კალაძის სს. ბიგ. სსრ
სახელმწიფო უწყებოც.
ბიბლიოთეკა

ЩЕДРЫЙ ТАЛАНТ И ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

(К 70-ЛЕТИЮ СО
ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИРАКЛИЯ
АБАШИДЗЕ)

«За свою жизнь Ираклий Абашидзе слышал немало теплых, торжественных, но всегда верных и заслуженных слов в свой адрес. Все, что можно пожелать человеку, которого любишь, талантом которого восхищаешься, я желаю тебе, дорогой Ираклий, в день твоего семидесятилетия. Но самый лучший, самый радостный для тебя подарок то, что во всех уголках родной твоей Грузии, в самых отдаленных районах нашей необъятной страны люди раскрывают книги, на обложках которых ярко и гордо сияет имя автора — Ираклий Абашидзе. Поэта, гражданина, ученого, человека, которому Родина присвоила высокое звание Героя Социалистического Труда», — это строки из приветствия выдающегося советского поэта, Героя Социалистического Труда Алексея Суркова своему грузинскому другу — поэту Ираклию Абашидзе, которого в связи с его семидесятилетием торжественно чествовала вся Грузия, вся Советская страна.

В юбилейные дни был опубликован Указ о присвоении поэту Ираклию Виссарионовичу Абашидзе высокого звания Героя Социалистического Труда и были вручены высокие награды — орден Ленина и Золотая звезда Героя Социалистического Труда.

В эти дни прошли встречи поэта-академика с молодежью, выставки, вечера.

А сколько звучало воистину высоких и торжественных, задушевных и дружеских слов, идущих от сердца, в переполнен-

ном до отказа Большом концертном зале Грузинской государственной филармонии и в не менее многолюдном зале имени Чайковского в Москве, где состоялись юбилейные вечера. Их произносили представители общественности нашей республики, Москвы, Ленинграда, братских союзных республик.

Открывая юбилейный вечер в Тбилиси, представитель республиканской юбилейной комиссии, секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе сказал: «Вся жизнь поэта-коммуниста, ученого, неутомимого общественного деятеля — это пример беззаветного служения родному народу, Советской Родине. Всенародная любовь, которой по праву пользуется поэт, — заслуженное признание его полувековой творческой и общественной деятельности. Творчество поэта — стихи и публицистические произведения — проникнуто духом советского гуманизма, глубоким чувством современности, отмечено печатью зрелости».

«Я люблю тебя, Ираклий, за то, что твоя возлюбленная Грузия всей своей историей, славой и кровью наградила тебя щедрым талантом и добрым сердцем...

...Я слушаю твой голос и иду по следу твоей песни, Ираклий. И перекрестки твоей судьбы, продутые пронзительными ветрами двадцатого века, становятся моими перекрестками.

У твоего Мерани достойный всадник». — Это Герой Социалистического Труда Михаил Дудин.

«...Поэт молод, пока славит жизнь, — пишет Евгений Винокуров. — А именно в последнее десятилетие Ираклий Абашидзе написал ряд стихотворений, проникнутых весенним чувством бесконечности бытия, радости жизни. Один из циклов его «Избранного» так и назван «Гимн жизни на земле».

«Трудно найти в Грузии, да я думаю, что просто невозможно, дом, человека, даже если он и не относит себя к любителям поэзии, что в Грузии тоже довольно редко, где бы не знали и не любили творчество Ираклия Абашидзе. В этой народной любви к поэту мне не раз приходилось самому убеждаться. И в этом огромном счастье Ираклия Абашидзе — поэта и гражданина». Эти слова принадлежат Герою Социалистического Труда Сергею Наровчатову.

Народный поэт Дагестана, Герой Социалистического Труда Расул Гамзатов сказал: «...в день рождения моего друга, сына Грузии и Кавказа, поэзии и века, я хочу пожать ему руку и сказать: «Ты успел создать для людей, для своего народа много прекрасного, но тобою задумано еще много прекрасных дел. Чтобы их завершить, пусть у тебя будет время, здоровье и большое желание. Не останавливаться на полпути тебе, Ираклий!».

«Для нашего поколения, — сказал Джансуг Чарквиани, — Ираклий Абашидзе образец того, как надо жить, любить свою Родину, трудиться».

«Поэзия Ираклия Абашидзе — одна из мощных ветвей гигантского древа грузинской национальной литературы. Ираклий Абашидзе — всегда в гуще жизни, как поэт, как гражданин — сын своего времени, создатель художественной летописи новой действительности. Он внес в классическую модель грузинского стиха новые измерения, новые грани, новое интонационное звучание. Когда стихотворение не блекнет даже рядом с прекрас-

ными классическими образцами — это уже победа». Это высказывание принадлежит грузинскому поэту Шота Нишnianидзе.

Если собрать воедино все горячие слова приветствия, адресованные Ираклию Абашидзе в эти юбилейные дни, то составит-ся том, равный по объему, пожалуй, тому Грузинской Советской Энциклопедии, издание которой поэт-академик возглавляет уже много лет.

И в Тбилиси, и в Москве Ираклия Абашидзе приветствовали и поздравляли М. Дудин, Г. Абашидзе, Г. Цицишвили, Р. Гамзатов, В. Петросян, Л. Новиченко, Д. Кугультинов, А. Абдула, Б. Шинкуба, Ф. Халваши, Н. Джусойты, А. Хакимов, Т. Чиладзе, К. Кулиев, Т. Курбанов, Х. Абдуллин, Б. Ахмадулина, Р. Казакова, А. Вознесенский, А. Тарковский, А. Межиров, С. Михалков, Д. Чарквиани, И. Тарба, Р. Амашукели, коллеги Ираклия Абашидзе по работе в республиканской АН А. Прангшвили, Т. Гамкрелидзе.

Завершающим аккордом торжеств был большой юбилейный вечер в концертном зале им. Чайковского в Москве, на котором присутствовали: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС министр культуры СССР П. Н. Демичев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР П. Г. Гиладшвили, Председатель Совета Министров Грузинской ССР З. А. Патаридзе, заведующий отделом ЦК КПСС Е. М. Тяжелыников, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, товарищи Г. Н. Енукидзе, Г. В. Колбин, Т. Н. Ментешашвили, Д. И. Патиашвили, Н. А. Читанава, Б. В. Адлейба, Т. И. Мосашвили, В. Р. Папунидзе, Ф. С. Санакоев, ответственные работники ЦК КПСС, депутаты Верховного Совета СССР, секретари правлений Союзов писателей СССР, РСФСР, Грузии и других братских республик.

— Стихи Ираклия Абашидзе, — сказал, открывая вечер, поэт Алексей Сурков, — сегодня звучат на многих языках народов СССР, на языках народов мира. Его поэзия несет печать большого поэтического дара, глубокой веры в счастливое будущее своей страны, всего человечества. Мне особенно радостно отметить, что в свое восьмое десятилетие Ираклий Абашидзе вступил с молодым сердцем и молодой душой человека, у которого впереди еще много славных дел».

Поэзия Ираклия Абашидзе поистине источник радости и духовного обогащения миллионов людей, и, присоединяясь к голосам всех поздравлявших в эти торжественные дни Ираклия Виссарионовича Абашидзе, «Литературная Грузия» желает ему долгих счастливых лет, преисполненных творческого горения.

ГОД АКТИВНОГО СОЛНЦА

Роман

Я почувствовал, как сжалось и заняло мое сердце, словно его окунули в чан с кипящей смолой...

Я даже не заметил, как хлопнула дверца машины. И лишь спустя какое-то мгновение пришел в себя.

— Бр-р-р, жуткий холодина! — говорит Нана.

В горах уже ощутимо дыхание осени.

Я сел в машину, медленно стронул ее с места и с предосторожностями въехал в воду. Колеса буксуют, и я равномерно жму на газ. На первой скорости я постепенно продвигаюсь вперед.

Нана молчит, видимо, боясь помешать мне.

Машина легко одолела брод, и мы выбрались на противоположный берег. Мы вновь вернулись к мосту и двинулись по дороге.

— Ты не голодна? — спрашиваю я Нану.

— Какое время голодать! — смеется Нана.

Справа выросла огромная скала. В низине у самого ее основания раскинулась моя деревня, мой родной уголок земли. Оставалось проехать каких-то полкилометра.

— Вот мы и дома, — говорю я Нане и киваю влево.

Нана перегибается в мою сторону, пытается разглядеть деревню в левом окне.

Ее волосы щекочут мне лицо, а упругая грудь упирается в плечо. Я, боясь шелохнуться, с наслаждением вдыхаю пряный аромат ее волос. А Нана с ребячьим любопытством все смотрит и смотрит в залепленное мраком оконце.

— Ничего, кроме деревьев, я не вижу.

— Это ореховые деревья. Скоро покажутся огоньки.

Мои руки напряглись и одеревенели. Машина ползет на первой скорости, но задышливый рокот мотора не действует на меня на нервы. Теперь мною владеет лишь одна забота — как бы Нана не отодвинулась. Изредка машина попадает в рытвины, и тогда Нана прижимается ко мне всем телом. Ее волосы рассыпаются по моему лицу. Я ощущаю легкое головокружение от теплоты и упругости ее молодой плоти.

— Вот они, вот они, огоньки! — радостно захлопала в ладоши Нана.

Я осторожно поворачиваю голову, стараясь не потревожить Нану, доверчиво и радостно прижавшуюся ко мне. Еще немного, и покажется бабушкин дом.

Не успел я проехать и двадцати метров, как увидел нашу оду, высившуюся на пригорке. В одном из ее окон брезжил слабый свет.

Я мягко затормозил.

— Что случилось? — спрашивает Нана.

— А вот и наша ода.

Нана во все глаза глядит в окно.

— Какая прелест!

Я не могу разобраться, к чему относится нанино восклицание. Ведь бабушкина ода едва виднеется отсюда. Может, она радуется, что мы уже приехали? Или ее тронула чуть мерцающая лампочка в окне, один-единственный зримый знак цивилизации в этом безлюдье? А может, то, что после запруженных машинами улиц Тбилиси покой, воцарившийся здесь, кажется ей экзотическим и невозможным?

А может, ей нравится, что мы остались совершенно одни в этой глуши, словно на островке, затерянном в безбрежном море?

Не знаю.

Я медленно выжимаю педаль. Еще несколько метров, и мы свернем с главной проезжей дороги на узкий проселок, ведущий к бабушкиному дому.

А вот и разбитое молнией ореховое дерево. Отсюда начинается наш проселок.

Я кручу баранку влево.

Деревня уже видна, как на ладони. Нана с жадным любопытством рассматривает оды, виднеющиеся сквозь плотный строй ореховых деревьев. Из окон льется слабый мерцающий свет.

Постепенно растет и тяжелеет и без того громадная скала, подчеркнутая мраком. Она грозно нависает над притаившейся у ее подножия деревней. Мои двоюродные братья, наверное, сумерничают на скамейке у родника, в плотной тени раскидистых ореховых деревьев. Они, конечно же, догадались, что машина свернула к их дому. Еще немного, и я вижу, как поднимается со скамейки могучий мужчина. Он неторопливо делает несколько шагов нам навстречу и застывает, пристально вглядываясь в машину. Должно быть, это мой двоюродный брат Элгуджа.

Наверняка, все без исключения с немим любопытством разглядывают две движущиеся к ним фары автомашины, лениво переваливающейся по узкому проселку.

«Кто бы это мог быть?» — верно, гадают они. И перебирают множество имен родных и близких, но ни за что не угадают, ибо меня никто здесь не ждет. Вот уже целых шесть лет, как я не приезжал сюда.

Теперь я отчетливо различаю каждого. Я не ошибся, здоровяк, направившийся нам навстречу, действительно был Элгуджа. А тот, второй, только что поднявшийся со скамейки, — Со-со. А вот и Амиран, Сандро, Мери, Кетеван...

Расстояние между нами неуклонно сокращается. Я с улыбкой смотрю на изумленные глаза своих близких, пытающихся по ничему не говорящему им номеру машины определить личность гостя.

Я остановил машину и распахнул дверцу.

В очаге потрескивает огонь. Сморщенная и как бы высохшая бабушка деловито суетится. Наверное, не существует на свете ничего, что бы могло измерить радость, переполняющую ее сердце.

Нана, накинув на плечи бабушкину шаль, сидит на треногом стуле.

В комнате полутемно, но языки пламени отбрасывают узкие колеблющиеся тени на ее милое лицо. Я вижу, с каким неприкрытым любопытством рассматривают ее соседи и соседки: мужчины искоса, женщины — явно.

Нана догадывается, что она всем пришлось по душе, и не скрывает охватившего ее веселого возбуждения. Глаза ее сияют, а на щеках вспыхивает румянец.

Дверь со скрипом открылась, и в ней показалась жена моего двоюродного брата Элгуджи — Мери — с нахохлившейся индюшкой под мышкой.

Мери скинула чусты и, оставив их у порога, подошла к очагу.

— Ты, как я помню, неравнодушен к индюшатине, — с улыбкой сказала Мери и, обернувшись к мужу, протянула ему тяжелую ношу. — Иди уже, что ли, резать ее пора.

— Да погоди ты со своими поручениями. Вот женщина! Человек из самой столицы приехал, нет чтобы дать с ним поговориться, — проворчал Элгуджа, но встать все же встал.

— Где у тебя топор, Нино? — обратился он к бабушке, забирая у жены индейку.

— Зачем ты беспокоишься, Мери, я уже зарезала кур, — говорит бабушка, заливая горячей водой кукурузную муку в жбане. А рядом хлопочут соседки: кто кур потрошит, а кто на стол накрывает.

Внезапно скрипнула дверь. Воцарилась тишина, и все одновременно оглянулись на этот скрип. Я вздрогнул и вскочил на ноги. В дверях стояла Эленэ, удивительно красивая пожилая женщина, рано овдовевшая и бездетная.

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Я пошел ей навстречу.

— Здравствуй, Эленэ!

— Здравствуй, Нодар, я принесла тебе вяленого гусиного товою водку. Ты, мне помнится, любишь это.

— Спасибо, Эленэ. Не стоило беспокоиться. Познакомься, Нана Джандиери.

— Какая же она красивая! — улыбается Эленэ, целует Нану в щеку и, сбросив шаль, садится.

В глаза мне бросились ее поседелые волосы, и сердце горько сжалось.

Шестнадцатилетний юноша, разгоряченный игрой в мяч, сбегаёт к роднику. Удивительно красивая, статная женщина подставила кувшин под струю воды. Кувшин уже полон, и вода льется через край, но женщина не торопится его убирать. Она стоит согнувшись, придерживая кувшин за ручку.

Юноша не в силах оторвать глаз от ее белой высокой груди, виднеющейся в вырезе платья. Белизна начинается сразу от прекрасной загорелой шеи.

Женщина чувствует жадный взгляд, обжигающий грудь взгляд широко раскрытых глаз юноши. Она почти физически ощущает, как требовательно ласкают ее полураскрытые горячие губы, еще не знавшие женской любви. Ей казалось, что она слышит, как шумит в его жилах подстегнутая страстью кровь.

Женщина даже не пошевелилась, стоит себе согнувшись, упрямо уставившись на кувшин с льющейся через край водой. Она словно бы не замечает юношу, но взгляд его, жадно ласкающий ее грудь, был ей приятен.

Потом она медленно подняла голову и поздоровалась с юношей, словно только теперь и заметив его.

— Ну, здравствуй.

— Здравствуй.

— Да ты весь в поту. Подойди ко мне.

Юноша, как зачарованный, шагнул к ней.

— Как бы ты не простыл! — Женщина нежно дотронулась пальцами до его вздымающейся груди и, улыбаясь, медленно застегнула пуговицу на рубашке. — Что с тобой, малыш, ты, случаем, не онемел? — вновь улыбнулась женщина и пригладила его растрепавшиеся вихры. Перед ней стоял мужчина, и прикосновение к нему было ей приятно.

— А у меня огурцы поспели. Приходи вечером к винограднику, они на заднем дворе посажены.

Женщина нагнулась и ухватила за ручку кувшина. Белая грудь вновь сверкнула на солнце. И женщина ушла.

Юноша не помнил, сколько еще времени простоял он здесь в полном оцепенении. Не слышал он и того, как подъехал к роднику незнакомый старик на арбе.

— Будь добр, подай мне воды! — услышал он глухой старческий голос.

Юноша опомнился. Он молча подошел к старику, сидящему на арбе, взял у него армейскую флягу и наполнил ее водой.

Старик выпил воду мелкими глотками, вылил остаток на землю и вновь протянул флягу юноше.

— Не поленись, будь другом, подай еще!..

Юноша прибежал домой, без сил рухнул на тахту и закрыл глаза.

Тело его была мелкая дрожь. Оно все еще было во власти буйного влечения и страсти, вызванных вдовой. Он чувствовал, что и вдова потянулась к нему. Странное нетерпение овладело им. Он страшился встретиться с глазами близких, не желал никого видеть. Единственно, о чем он мечтал, чтобы солнце побыстрее зашло!

Подойдя к винограднику, он едва не лишился чувств. Усиленным воли он заставил себя успокоиться и огляделся по сторонам. Женщины нигде не было видно.

Внезапно до слуха его донесся шелест листьев, и тут же он увидел горящие глаза вдовы. Все сомнения неопытности мгновенно исчезли. Он не помнил, как подошел к женщине. Юноша ощутил, как зашумела в ушах кровь. Тело его затрепетало, объятое сильной и доселе незнакомой радостью. А губы вдовы, побелевшие от страсти, счастья и наслаждения, шептали, стонали, подстегивали: «О, мой родной! Мальчик ты мой!».

А потом они, обессилев, лежали на теплой, парной земле между лозами и смотрели в небо. Юноша все еще не пришел в себя. Он не мог понять, во сне это произошло или наяву. Тело его по-прежнему трепещет, и волны горячей крови, взрывая перепонки в ушах, захлестывают его.

— Нас никто не видел? — спрашивает женщина.

— Никто.

— А теперь уйди и навсегда забудь все, что здесь произошло.

Юноша приподнялся.

— Уйди, тебе говорят.

Юноша встал на колени. И женщина привстала, уперев руки в землю.

— погоди. Сначала поклянись, что все забудешь!

— Не забуду!

— Тогда поклянись, что никому не скажешь ни слова!

— Клянусь матерью!

— Знай, если ты когда-нибудь нарушишь слово, я в тот же день брошусь в Ингури.

— Клянусь матерью!

Женщина тоже встала на колени, взяла в руки лицо юноши и с любовью заглянула ему в глаза. Сердце ее дрогнуло. Наивные, добрые, в счастливых слезах глаза шестнадцатилетнего мальчика, все еще не осознавшего всего с ним происшедшего, жалобно смотрели на нее.

Она медленно нагнулась и расцеловала мальчика в глаза. И даже неопытный юнец понял, что это были не те поцелуи, которые еще мгновение назад жгли и будоражили и без того кипевшую его кровь.

Вдруг женщина заплакала, горько, навзрыд, и ничком повалилась на землю.

Поблдевший юноша, стоя на коленях, с отчаянием наблюдал, как трясутся плечи глухо рыдающей женщины.

И вновь заскрипела дверь.

Я сразу узнал восьмидесятилетнего дядюшку Владимира, высокого, по-юношески статного, но совершенно седого. Опираясь на суковатую палку, он с улыбкой направляется прямо ко мне.

— Здравствуй, Нодар, дорогой мой! — еще издали раскрывает он объятия.

Я быстро вскакиваю со стула и встречаю его в дверях.

— Как поживаешь, дядюшка Владимир? — крепко обнимаю я старика и его жену тетушку Аграфену.

— Ты с ним погромче говори, сынок, а то он у меня совсем оглох, — целуя меня, говорит тетушка.

— Как поживаешь, дядюшка Владимир? — кричу я ему чуть ли не в самое ухо.

— Хорошо, хорошо, — угадывает он мой вопрос.

— Ты еще не женился, сынок? — спрашивает в свою очередь дядюшка Владимир, церемонно пожимая руку Нане.

Услышав вопрос, все наострили уши. На мгновение воцарилась тишина. Никто не знал, кем приходится мне Нана Джандиери. Лишь бабушке успел я сказать, что Нана моя приятельница, но она, видимо, не поверив, крепко прижала ее к своей груди и долго еще не сводила с нее испытующего взгляда.

Легко представить, какое любопытство мог возбудить в деревенской глуши приезд столь прекрасной гостьи.

По мнению родственников и соседей, Нана должна была быть мне если не женой, так, во всяком случае, невестой и не иначе. Покоренные красотой и достоинством, с каким держалась Нана, они наверняка не могли заподозрить ничего дурного либо предосудительного. Впрочем, по здешним понятиям, молодая и красивая девушка, приехавшая в глухую деревеньку наедине с молодым мужчиной, пусть даже и женихом, не могла рассчитывать на особое расположение.

— Это моя приятельница Нана Джандиери! — прокричал я старику.

— Покричи, покричи, услышит он тебя, как же. Да он же глух, как пень, — появившись в дверях с громадным штофом вина на плече, загоготал Элгуджа. Он осторожно поставил вино на пол.

— Ничего себе, пошел с индейкой расправляться, а вернулся с вином! — улыбаюсь я в ответ. Безотчетная радость переполняет все мое существо.

— Когда я еще дождусь такого гостя! Да это что! Давай в марани сходим. Я сегодня квеври открыл, пропустим по стаканчику — для заправки.

— Что ты еще придумал! Вина у меня нет, что ли, — рассердилась бабушка.

— Ах! — притворно вскричал Элгуджа. — Тебе категорически запрещено нервничать. — Потом он повернулся ко мне. — Я помню, ты в юности хорошими сигаретами баловался.

Я достаю из кармана пачку «Иверни».

— Ну что, нравится?

— Замечательные.

— Вот и кури. У меня в машине еще целый блок.

— Дай тебе бог здоровья. Эй, Амиран, Сандро, Владимир, Жора, айда с нами в марани! — Элгуджа с наслаждением затянулся и обратился к жене. — А ну, сбегай домой, принеси нам хлеба с сыром!

Нана весело присоединяется к нам. Яркие сполохи огня озорно пляшут в ее глазах.

Мы шумно вываливаемся во двор. Коптилка на перилах балкона напомнила мне детство, и сердце защемило от позабытой нежности.

Нана зябко кутается в бабушкину шаль. Уже довольно холодно. Крепко ухватив под локоть жену Элгуджи, идущую впереди нашей компании с коптилкой в руке, Нана осторожно, с опаской ставит ступни на кочковатую тропинку.

Чистое, без единого облачка небо усеяно крупными звездами. И огромная черная скала, нависшая над нами, кажется на его фоне еще выше и громадней.

— Да будет с нами его благость. — Элгуджа крутанул огромной белой чашкой в полном до краев квеври. Принесенный им штоф почти ничего не убавил в бездонном сосуде.

В марани царил терпкий винный дух, поднимающийся от квеври. Лампочка, жалко мигающая на айвовом дереве, почти не светила. Коптилку Мери поставила на крышку бочки, стоявшей под деревом.

— Когда ты только умудрился откупорить квеври? — изумляюсь я.

— Эка невидаль. Да вы уже с час как приехали. Пока вы с бабушкой обнимались да целовались, я мигом управился. Ты гость, тебе и пробу снимать. А ну, тряхни стариной, скажи нам пару слов.

Огромная чашка легко наполнила три стакана. Один из них Элгуджа протянул мне.

— Чего ты на него уставился? Говори же тост, да побыстрее! — подстегнул меня Элгуджа, усевшийся на корточки возле квеври.

— Да здравствует твой марани, да не обделит его бог своими щедротами! — провозглашаю я и опорожняю стакан.

Тепло медленно разливается по всему телу.

Коптилка и небо, сплошь усеянное зрелыми звездами, глухой рокот реки, доносящийся из лощины, и почти невероятная сегодня тишина деревенской ночи доставляют мне невыразимое наслаждение.

Но почему?

Может, это просто ностальгическое кокетство горожанина, которого поначалу приводят в неопишуемый восторг малейшие проявления кажущейся сельской идиллии? Но стоит пройти одной лишь неделе, и все прелести селянства набивают ос-

комину, безумно надоедают, и ждешь не дожدهшься, когда только удастся убежать от еще вчера восхищавшего тебя уклада.

Нет, не это.

Просто до предела опустошенный и утомленный, здесь и ощутил по-настоящему всю вожденность человеческого покая.

Второй стакан Элгуджа уважительно протягивает Нане. Я едва не прыскаю со смеху, наблюдая, с какой неуклюжей грацией ведет себя в обществе Наны этот медведь. Глаза Наны светятся детской радостью. Куда только подевалась ее гордая уверенность в собственной красоте и неотразимости? Теперь передо мной непосредственный и восторженный ребенок, которому чужды всяческая напряженность и неестественность взрослых.

— Что мне сказать? — спрашивает она у меня, принимая стакан от Элгуджи.

— Все что угодно!

— Так да здравствуем все мы!

Она выпила половину стакана и протянула его мне. Я едва сдержался, чтобы не расцеловать Нану. Обычно с такой доверительностью стаканы протягивают только очень близким людям. И теперь здесь, в этом чуждом и непривычном окружении один я и был самым близким для нее человеком, и поэтому с такой искренней безоглядностью протянула она свой недопитый стакан, предлагая мне довершить начатое ею дело.

Я осушил стакан и с улыбкой посмотрел на Нану. Пока я пил, она не сводила с меня своих ласковых глаз. Потом взяла у меня стакан и отдала его Элгудже.

— А теперь слово за дядюшкой Владимиром, нашим старейшиной.

Старик сначала смакует вино, одобрительно покачивая головой, а затем залпом осушает стакан.

— Вот тебе и восемьдесят лет!... — смеется Амиран.

— Это он благословил наш кевври, потому и не позволил себе оставить в стакане даже капли, — разъяснил Элгуджа.

А тем временем Мери принесла яичницу с ветчиной на пышущей жаром сковородке.

Я невольно оглядываюсь на Нану, уловив ее настойчивый взгляд.

Отчего у нее так блестят глаза?

Может, она благодарит меня за сегодняшний день?

А может...

А может, ее тронула безыскусная доброта деревенских жителей и первозданная естественность глухого селения?

Может...

А может, она влюбилась в меня?

А иначе почему она с такой безоглядностью поехала чуть ли не на край света с полужнакомым человеком?

Я просыпаюсь далеко за полночь.

Со сна я не сразу догадываюсь, где нахожусь.

Над головой небо, густо усеянное звездами.

Бабушка постелила мне на балконе.

Проснулся я от холода. Одеяло сползло. Я с головой накрываюсь одеялом, чтобы чуть-чуть отогреться. Сон как рукой сняло и, увы, надолго.

— Что такое, сынок? — послышалось из маленькой комнаты и вскоре показалась бабушка.

— Ты что же, не спишь? — изумленно спрашиваю я.

— Как же я засну, когда ты каждую минуту сбрасываешь одеяло. Что с тобой сделал этот ирод! Можно пить столько вина, я тебя спрашиваю? Нашел с кем тягаться, да он за один присест пуд вина в себя вольет!

— Да и он тоже был хорош!

— Оно-то так, но ты был уставший с дороги.

Ага, значит Элгуджа был в норме.

— Голова не болит?

— Нет, все в порядке. А где Нана?

— Она в зале спит.

Я смутно вспоминаю, что бабушка увела Нану спать, когда мы куролесили во дворе.

— Присядь, пожалуйста! — прошу я бабушку. Потом я обнимаю ее за плечи и крепко прижимаю к груди.

Я чувствую, что в ее иссохшем теле жизни осталось не больше, нежели влаги в давно опорожненном кувшине. Еще немного, и кувшин совсем высохнет. Сердце мое болезненно сжимается.

— Какая замечательная девушка Нана. Кто она, сынок?

— Просто подруга! — тихо отвечаю я и на всякий случай натягиваю одеяло на голову — а что, если Нана тоже не спит? Мне не хочется, чтобы она слышала наш разговор.

Бабушка тихо смеется.

— Ну, признайся, невеста она тебе, да?

— Что, понравилась?

— Мое слово ничего не решает.

— Ну скажи, понравилась, да?

Бабушка опять смеется вполголоса.

— Чего ты смеешься?

— Сказать по совести, не по душе мне, когда женщина в брюках ходит. Но кто меня спрашивает?

Молчание.

Потом бабушка наклоняется ко мне и едва слышно шепчет:

— Пока она не разделась, я ни шагу из комнаты. Ну и фигура же у нее, не сглазить бы, красавица да и только.

Я довольнo ухмыляюсь.

— Впрочем, чего это я, старая, тебе рассказываю. Ты, поди, лучше меня про то знаешь.

Не говоря ни слова, я отрицательно мотаю головой. Ведь я и вправду еще не успел увидеть ее в платье.

— У нее такие длинные и нежные пальцы, что я ума не приложу, как она мчади месить станет, — продолжает бабушка шепотом.

Я смеюсь во весь голос.

— Да потише ты, как бы не проснулась она. Ну и молодец, хорошую девушку ты себе нашел.

— Да не находил я ее. Просто подруга она мне.

06.19359210
2022.11.09 13:33

— Лги, да знай меру!

Бабушка помолчала.

— Чуток поправиться ей не помешает. Да разве ж можно так, за весь вечер и куска в рот не взяла.

И опять пауза.

— Она, надеюсь, беленькая? В темноте глаза мои плохо видеть стали. Мне она смугляной показалась.

— Это она на море загорела. А так она белая, как снег, — успокаиваю я бабушку, зная, как высоко ценятся в деревне белокожие женщины.

— А какого цвета у нее глаза? — никак не может успокоиться бабушка.

— Глаза? Медовые!

— Медовые — это славно. Значит, и волосы у нее каштановые. Не по нраву мне, когда у белолицей женщины волосы черные.

— Да, каштановые они, каштановые, только чуть-чуть подкрашены.

— Эх, это уж никуда не годится, сынок. Ты ей накажи, чтобы она больше не красилась. Краска ей волосы попортит.

— Я-то скажу, если она послушается.

— Что значит не послушается! Да разве ж может жена мужу перечить?!

«Жена», — теплая волна захлестнула меня.

— Сколько раз повторять тебе, бабушка, Нана мне подруга. Она никогда не бывала в наших краях. Вот я и привез ее сюда.

— А институт она кончила? — ловко пропустила она мимо ушей мои слова.

— Еще бы! Она теперь в аспирантуру поступать собирается.

— Дай тебе бог радости, сынок. Может, тебе еще одно одеяло принести?

— Нет. Вполне обойдусь и одним.

— Ну, тогда спи.

— А я уже сплю.

— Если понадобится что, кликни, слышишь?

Я закрываю глаза и молчу. Бабушка уходит. И вскоре до меня доносится скрип тахты. Потом — тишина.

Мои мысли заняты Наной.

Нана.

Нана Джандиери.

Она здесь, рядышком, в каких-нибудь пяти-шести шагах. И окна, и двери ее комнаты распахнуты настезь.

Интересно, спит ли она.

«Какие вы все смешныее!» — слышу я нанин голос.

Наверное, мы и вправду были смешные.

Но с какой нежностью произнесла она это.

Не натворил ли я чего? Помню лишь, как я, Элгуджа, Со-со и Амиран, обнявшись, плясали перхули. А вот Жору поднять из-за стола не удалось. Вспоминается еще, как Элгуджа и Со-со, подхватив Жору, с песней направились по домам. Нет, кажется, все было чин чинном.

Эленэ?

Как она поседела, как сдала. Я чувствую, как краска сты-
да заливает мне щеки.

«Какие вы все смешныеeee!»

Неужели она спит?

Неужели она любит меня?

О чем она сейчас думает, если не спит, конечно?

Все окрест освещено мерцающим светом звезд. Одна-един-
ственная лампочка мигает на приземистом электрическом стол-
бе. А лежать нет никакой мочи. Встать бы, но малейший шо-
рох разбудит бабушку. А спит ли она? Стариковский сон чу-
ток, но и валяться в постели я уже не в силах. Я утыкаюсь ли-
цом в подушку и, пытаясь заснуть, закрываю глаза. Ни о чем
не думать, ни о чем. Заснуть, заснуть, заснуть.

А вокруг ни шороха. Не слышно ни собачьего лая, ни
всполошного крика петухов. Но заснуть все же не удастся. Я
осторожно сажусь в постели. Вдали мерцает белое пятно церк-
вушки.

А может, и не мерцает? Просто я знаю, что там должна
быть белая церквушка, потому и кажется, что я ее вижу.

Гляжу в небо.

Кто знает, сколько космических частиц пронизывают про-
странство, наш дом, мое тело.

Что теперь делается в нашей лаборатории? Я опять ло-
жусь и упрямо зажмуриваюсь.

Может, все, что мы пытаемся делать — глупость? Стоит
ли вообще вмешиваться в дела природы?..

Видно, ночью напряжение в сети возрастает. Свет лампо-
чки на столбе заметно усилился. Почему мне кажется неесте-
ственным свет этой жалкой лампочки, освещающей девственную
природу моего села?

И так ли уж нужно взрывать динамитом горы? И вообще
нужна ли шоссе́нная дорога, постепенно, но неодолимо насту-
пающая на родную деревушку?

Я теперь далеко отсюда, очень далеко. И я вижу, как вра-
щается во мраке громадное тело нашей земли, завернутое в
смертельный туман.

Я даже слышу ее стон.

Нет, это не стон. Земля мычит, нет, не мычит, скрипит зу-
бами, как несломленный мужчина во время пытки.

Стонет земля, и я чувствую, как покалывают мне сердце
тысячи электрических игл.

Я вижу, как четыре миллиарда человек терзают ее обес-
силенное, утомленное, опустошенное тело. Режут, кромсают,
рвут, потрошат. Сравнивают горы, сводят леса, вгрызаются в
сердце. И вокруг остаются лишь траншеи и развалины.

Я вижу землю с прокопченными легкими и перерезанными
венами, истекающую кровью. Я вижу, как из изъязвленных
ущелий, превратившихся в сплошную рану, гноем вытекают от-
равленные реки.

Я слышу ужасающий скрежет. Потом земля покачнулась.
Скрежет усилился. И вдруг оглушительный, леденящий душу
треск. Земная ось переломилась надвое. Планета, вздрогнула,

გ. ზაბაძის ხაზით. სპ. სსსს

потом резко опрокинулась. Моря и реки прорезали воздух и рухнули в черноту разверзшейся пропасти.

«Нодар», — слышу я издали знакомый голос.

«Нодар, Нодар!» — Нет, нет, это зовут не меня.

«Что с тобой, Нодар?».

Это Нана. Да, да, Нана, это ее голос окликает меня.

Я открываю глаза.

— Нодар, опомнись, это я — Нана!

Наверное, ее испугали мои бессмысленные, остекленевшие глаза.

Я окончательно прихожу в себя и улыбаюсь, жалко, через силу. Но Нана успокаивается.

— Не надо было мне столько пить.

Только сейчас я замечаю, что Нана выбежала ко мне бо-
сиком, наспех накинув одежду.

— Бабушка спит?

— Да, наверное, заснула. Иначе она услышала бы твои крики.

Молчание.

Я не знаю, что сказать. И разве можно выразить словами чувства, обуревающие меня? И разве можно измерить и вычислить то состояние счастья, которое сейчас захлестнуло меня? Мне приятна заботливость Наны. Как привлекательны ее лицо, ее встревоженный и нежный взгляд. Постепенно она успокоилась, и я чувствую, как холод сводит ее тело.

— Я пойду.

— Да, да, иди, не простудись! — неискренне говорю я, страшась, что она и вправду уйдет.

Нана встает, медленно наклоняется ко мне, целует в лоб и уходит.

Скрип кровати.

Она здесь, рядышком. В каких-нибудь трех-четыре шагах. Под белоснежным одеялом пульсирует ее упругое тело.

Еще раз скрипнула кровать.

А потом тишина. Непривычная, мертвая тишина.

Может, она уснула?

Нет, не думаю.

Она еще даже не успела как следует согреться.

Интересно, о чем она думает?

Любит ли она меня?

А я? Люблю ли ее я?

Как легко было об этом думать, когда я был пьян. И как неловко сейчас, когда небо посветлело и земная твердь постепенно, но уже отчетливо отделилась от неба.

Люблю ли я ее? Не заблуждаюсь ли я? Неужели я влюблен? Неужели я еще в состоянии любить?

И опять в сердце вонзились тоненькие иглы.

Я закрываю глаза. Так лучше думается. И не так стыдно, когда вокруг темнота.

Если я и сегодня счастлив, если все это не кануло в небытие вместе с бурным вчерашним днем, значит я действительно влюблен.

Эка?

Что скажет Эка?

Как она перенесет такой удар?

Я пытаюсь не думать об Эке. От стыда на лбу проступила испарина. Не я ли еще каких-нибудь полтора месяца тому назад твердил ей, что опустошен, что уже не в состоянии любить и влюбляться? И не говорила ли Эка, что стоит появиться на моем пути какой-нибудь девушке, и я тут же позабуду о своих словах?

«Не оглядывайся назад!», «Не оглядывайся назад!» — слышу я издали чей-то предупреждающий возглас.

Единственное спасение — не оглядываться назад, идти и не оглядываться.

Боже мой, разве не был я безмерно счастлив с Экой целых пять лет? А потом, потом любовь выстудилась и ушла, исчезла, испарилась.

Может...

А может, и любовь к Нане испарится в один прекрасный день?

Нельзя оглядываться назад. Параллели всегда опасны. Параллельные линии сходятся только в душе человека!

Не оглядываться, ни в коем случае не оглядываться!

Но...

Но можно ли отмахнуться от дней, полных счастья? Можно ли навсегда отсечь от себя и позабыть женщину, которую ты так любил, которая так любила тебя и которая подарила тебе столько счастливых мгновений? Можно ли начисто вытравить из сердца и из памяти женщину, которая придала смысл твоему существованию и оправдала твое рождение в этом грешном мире?

Нет, назад оглядываться нельзя. Единственное спасение — ни за что не оглядываться назад. Иначе... Иначе... Иначе шаг, сделанный Леваном Гзришвили, станет неминуемым...

Эка!

Что я наделал!

И вновь скрипнула кровать. Под белоснежным одеялом заворочалось упругое тело Наны. До нее всего лишь несколько шагов, несколько шагов... Я отчетливо слышу, как бьется на нано сердце, как пульсирует ее тело.

И сладостное ожидание счастья захлестывает меня.

Крик петуха.

Хриплый, уверенный крик.

Я открываю глаза. Звезд на небе уже не видно. Чья-то невидимая рука стерла их и выкрасила небо в светло-голубой цвет.

Крик петуха повторился.

Это амиранов петух. Хриплый, насадный крик прорезает тишину.

И наш петух во весь голос вторит ему.

Переключка петухов прокатилась по всей деревне, и на балконе появилась бабушка. Я закрываю глаза; притворяясь спящим. Она посмотрела на меня и, крадучись, направилась к лестнице.

А петухи не унимаются. На востоке сверкнуло солнце, и тут же раздалось глухое мычание коров.

Я осторожно встаю, боясь разбудить Нану. Быстро одеваюсь и на цыпочках иду к лестнице. Взгляд невольно скользит к окну, возле которого стоит нанина кровать. И я вижу каштановые волосы, разметавшиеся по белоснежной подушке. Нана спит.

Я спускаюсь во двор.

Внезапно раздался взрыв динамита, и воздушная волна полоснула по рамам. И еще взрыв, потом другой, третий.

Грохот сначала распластался в воздухе и, чуть помедлив, хлопнулся о скалу. Это прокладывают дорогу к баритовым рудникам. На далекой скале оголился лесистый склон, словно кто-то содрал с него квадратный лоскут кожи.

Во дворе под ореховым деревом я заметил колоду, присел на нее и закурил.

Желтый яд лениво вползает в легкие.

Из хлева раздается мычание коровы. Я слышу, как бьется о стенки ведра пенистая струя молока.

Взрывы динамита сменились лязгом бульдозеров.

Из хлева показалась бабушка с беловерхим ведром в руках.

— Ты уже встал, сынок? — шепотом спрашивает она, видно, боясь разбудить Нану.

— Да.

— Куда торопиться, проспал бы еще.

— Не спится.

— Голова не болит?

— Отчего бы ей болеть?

— И какое только чудовище сидит в брюхе у твоего брата? Как в бочку льет! Вино не то что человека, и квеври ломит.

Я улыбаюсь.

— Нана спит?

— Еще как.

— Не буди ее, сынок, пусть отоспится.

Меня переполняет радость. Мне удивительно приятно, что бабушка с такой заботливостью говорит о Нане, печется о ее покое.

Бабушка осторожно устанавливает ведро на деревянном настиле и направляется ко мне.

— Что это ты спозаранку травмишь себя этой гадостью? — говорит она и гладит меня по лицу своими сморщенными руками. И печально улыбается.

Я бросил сигарету, встал и крепко обнял бабушку за плечи.

Сердце у меня болезненно сжалось, в горле застрял комок. Я физически ощутил, что жизни в этом теле осталось не больше, чем влаги на стенках давно опустевшего кувшина. Еще немного, и она навсегда высохнет, испарится.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Москва.

Домодедовский аэропорт.

— Рейс 936 не запаздывает? — спрашиваю я в справочном бюро.

— Нет. Прилетает по расписанию.

Успокоенный, я отхожу от справочной. Только теперь я чувствую, какой спертый воздух в зале ожидания.

Я выхожу на улицу.

Морозно. На небе ни облачка, светит солнце. Лучи его не греют, но стоять под ними все же приятно.

Смотрю на часы. Через сорок пять минут самолет из Тбилиси сядет на заснеженный аэродром. Нетерпеливое ожидание сводит тело. Так бывало и раньше, когда я ждал Эку. Вот и теперь с каждой минутой расстояние между мной и Наной сокращается на пятнадцать километров.

Нана летит в Москву в командировку. По счастливой случайности ее командировка совпала с моим пребыванием в Москве.

Как она будет выглядеть в зимнем одеянии?

Пока что я не видел ее даже в плаще. Перед моим отъездом в Тбилиси стояли теплые дни. А в Москве уже снег, хотя на дворе лишь октябрь. Солнечный, морозный день. Градусов пять, не больше, но для нас это сильный мороз.

Я медленно направляюсь к леску по левую сторону аэропорта. Надо как-то убить время.

А до прилета самолета целых сорок минут. К этому надо добавить еще хотя бы двадцать минут, пока Нана появится в зале ожидания. Но эти двадцать минут я в расчет не беру. Главное, чтобы самолет приземлился, а там и время пролетит незаметно.

Еще тридцать семь минут...

На душе сделалось тяжело.

Эка...

Разве не так ждал я Эку?

И она не раз встречала меня здесь!

Я энергично трясую головой, как бы стремясь отряхнуть тягостные раздумья.

Холодно.

Воздух упруг и как бы физически ощутим, во всяком случае, для меня. Мороз словно бы сжал и скристаллизовал его. Я иду к лесу, разрезая своим телом холодную, кристально чистую тонкую ткань.

Еще тридцать две минуты...

Как она будет выглядеть в зимнем пальто или шубе? Не утратит ли ее стремительное тело пластики и грации?

Сердце мое переполняется нежностью.

Но капелька горечи все-таки отравляет настроение и смущает душу.

Эка...

Видно, Эка всегда будет стоять между нами...

Но почему?

Неужели я по-прежнему люблю Эку?

Глупости!

Просто меня мучает совесть.

Может, мне не надо было встречать Нану здесь, в этом аэропорту, чтобы не повторять состояния, уже испытанного мною в ожидании Эки? Тот же аэропорт, тот же лесок, тот же зал ожидания...

Видно, меня угнетает неразличимое сходство этих двух одинаковых ожиданий.

Лучше бы я приехал сюда с другом. Тогда у меня не возникло бы столь острого ощущения сходства. Тогда я не столь болезненно воспринял бы полной идентичности состояния и антуража.

Неудивительно, что меня мучает совесть.

Неудивительно, что так сильно угнетает меня все вокруг и внутри.

Угнетает?

Нет, просто мешает ощутить неповторимость и полновесность радости ожидания любимой женщины.

Еще двадцать пять минут...

Словно бы это произошло вчера.

Академик Леван Гзиришвили внимательно изучает пластинку, на которой запечатлен след распада доселе неизвестной и странной элементарной частицы.

Какое-то небывалое волнение овладело мной, когда я увидел на пластинке ломаный след. Сам по себе этот ломаный след не был новостью. При полете распад частиц обычно вызывает ломку следа. Вот частица распалась надвое, а на пластинке идет всего лишь один след. Впрочем, и это — давно изученное и известное явление: при прохождении через камеру Вильсона нейтральная частица не оставила на пластинке туманного следа, ибо не смогла создать ионного ряда.

Меня взволновало нечто другое.

Я перебрал в сознании все известные случаи. Сомневаться не приходится: кольцо, изображенное на пластинке, подтверждало существование совершенно неизвестной доселе элементарной частицы. После долгих размышлений я пришел к выводу, что на пластинке запечатлен тяжелый нейтральный мезон, масса которого должна вдвое превосходить массу протона. Неизвестная частица, решил я, принадлежит к семейству, отличающемуся особой кратковременностью жизни, и рождается в миллион раз реже, нежели даже пи-мезон.

Старый академик долго и придирчиво рассматривал пластинку. Наконец он повернулся ко мне, посмотрел прямо в глаза и спокойно сказал: «Я убежден, что не сумел бы вычитать на этой пластинке и трети того, что вычитал ты». Академик отложил пластинку в сторону и еще раз внимательно посмотрел на меня.

«Я не хочу, чтобы мои слова испортили тебе настроение и лишили надежды...»

Я помню, как он целиком погрузился в раздумья и несколько раз повторил про себя: «Надежда... надежда... надежда...»

Слова академика словно окатили меня ледяной водой. Радость моя померкла, но до конца убедить меня в том, что мои выводы слишком смелы, они так и не смогли. В глубине души я был непоколебимо убежден в своей правоте.

Свои соображения я послал и в Дубну, и в Серпухов. Я знал, что подтвердить открытие доселе неизвестной элементарной частицы — дело довольно трудное, если я, конечно, верно расшифровал ее сущность. Но в одном я был убежден твердо — на пластинке была запечатлена неизвестная элементарная частица. Я рисковал попасть в довольно-таки неловкое положение, окажись мои соображения далеки от истины.

И вот однажды...

Разве легко представить, что произошло однажды?

Сразу же по возвращении из лаборатории в Тбилиси я позвонил Нане. «Она на работе», — сухо отрезала какая-то женщина и повесила трубку.

Раздосадованный, я быстро обежал по лестнице. Машина была вся в грязи. Я решил сначала заехать в институт и только потом помыть ее.

В коридоре я столкнулся с Гией.

— Нодар, на твое имя письмо из Серпухова! — вместо приветствия сказал он.

— Из Серпухова?!

Кровь прилила к вискам.

— Да, из Серпухова. Оно пришло еще позавчера, но я не стал тебе сообщать. Знал, что ты должен приехать сегодня. Я его сейчас принесу.

«Письмо из Серпухова!».

Подумаешь, письмо. С чего это я взял, что оно обязательно должно касаться моих соображений (я суеверно не произнес «открытия») относительно неизвестной элементарной частицы?

Может, это просто рядовое приглашение на какой-нибудь там симпозиум или совещание?

Вскоре прибежал Гия с письмом в руке.

Я едва поборол искушение, чтобы не броситься навстречу Гие и не вырвать у него из рук вожделенный серый конверт.

Стараясь быть равнодушным, я медленно протянул руку за конвертом. Потом я неторопливо направился к своей комнате. Гия последовал за мной. Я прикрыл дверь, небрежно бросил конверт на стол и распахнул окно. Свесившись в окно, я окинул взглядом машину. Потом вразвалку подошел к столу и уселся на стул. Я не хотел, чтобы Гия заметил мое волнение. В случае, если в конверте окажется простое приглашение, Гия не должен видеть, как луч надежды погаснет в моих глазах.

Я достаю из кармана сигареты и протягиваю Гие.

— Не хочу. Я только что курил.

Я жадно затянулся.

А взгляд невольно обратился к конверту. Я на глазок прикинул его толщину, словно от этого могло что-то зависеть.

Новая затыжка.

Не докурив сигареты, я вдавил ее в пепельницу и взял письмо.

Позже я тщетно пытался восстановить в памяти, какое чувство я испытал, когда молниеносно проглотил все письмо сразу. Мне почудилось, что мощный заряд электричества пронизал мое тело, потом сердце сжалось и тут же расширилось, не в силах вместить восторг, переполнявший меня.

Я успокоился неожиданно быстро.

Еще раз пробежав письмо глазами, я молча протянул его Гие.

Потом встал, зажег сигарету, погасил спичку, бросил ее в пепельницу и подошел к окну.

— Поздравляю! — бросился мне на шею Гия. — Я сейчас же позову всех.

— Не надо. Успеется.

Мне действительно не хотелось никого видеть. Я взял письмо у Гии и еще раз внимательно прочел его с начала до конца.

Мое предположение подтвердилось. Объединенная европейская организация атомных исследований и смешанная группа советских ученых в отдельности, независимо друг от друга провели эксперимент в Серпухове на мощном ускорителе Института физики высоких энергий. При бомбардировке протонов мезонами обе группы пользовались различными методами, но результат был получен один и тот же. Была обнаружена одна и та же частица — нейтральный мезон, масса которого полностью совпала с моими расчетами и оказалась вдвое больше массы протона. Из Серпухова сообщали также, что мои предположения относительно продолжительности жизни новой элементарной частицы согласуются с их определением — десять в минус двадцать третьей степени. Верными оказались и мои соображения о том, что вновь открытая элементарная частица порождается в миллион раз реже, нежели такая, к примеру, частица, как пи-мезон. В письме признавался мой приоритет в открытии нейтрального мезона и предлагалось назвать новую элементарную частицу «и-мезоном».

Серпуховцы приглашали меня приехать для ознакомления с фотопластинками, снятыми и отобранными сотрудниками института.

Мое спокойствие поражало меня самого.

Гия в какой уже раз перечитал письмо. На лице его блуждала улыбка, улыбка, выражавшая искреннюю радость.

«Прибыл самолет из Тбилиси рейсом 936. Повторяем: прибыл самолет из Тбилиси рейсом 936».

— Вас двое? — спрашивает официант.

— Нет, четверо!

— Почему же четверо? — Нана не может скрыть удивления.

— Какая разница? Пусть накроет на четверых. Я не хочу, чтобы к нам кто-нибудь подсел и помешал нам говорить.

061935940
30220110333

— Что будете пить?

— Что будем пить? — спрашиваю я Нану.

— Почему, интересно, ты спрашиваешь об этом меня? — смеется Нана.

— Ну хоть что-то ты выпьешь? Может, шампанского?

— Так и быть, пусть шампанское.

— Бутылку коньяка и бутылку шампанского.

Официант уходит.

— Неужели тебе завтра же необходимо быть в Тбилиси? — с сожалением спрашиваю я.

— Да. Вечерним рейсом.

— Как же ты успеешь все сделать?

— Что там успевать. Я почти все сделала сегодня. Завтра меня просто поставят в известность, когда мы получим бумаги и литературу. К одиннадцати я уже буду свободна.

Официант ловко подкатил к нам столик на колесах. Официанту лет двадцать, не больше. У него симпатичное доброе лицо и хорошие манеры.

— Симпатичный мальчик, правда? — по-английски спрашивает меня Нана.

— Лучше говорить по-грузински, — улыбаюсь я. — Английский он наверняка знает. Как-никак школа «Националя».

— Вот этого я и не учла. Ты прав.

— А если ты полетишь послезавтра?

— Невозможно. Послезавтра в институте защита. Мне необходимо там быть.

— Увы, а мне еще пару дней надо побыть в Серпухове.

Официант достает из серебристого ведерка бутылку шампанского и, обернув ее салфеткой, разливает вино в бокалы. Я наливаю себе коньяк.

— Будь здорова, Нана! — Чокаюсь я с Наной и, не таясь, с нежностью смотрю на нее.

После возвращения из деревни Нану я не видел. Десять дней мне довелось быть в горах, в лаборатории космических лучей. Потом совершенно неожиданно, не успев приехать в Тбилиси, я на следующий же день улетел в Москву. Перед отъездом я позвонил Нане, но дома ее не оказалось. Пришлось улететь, даже не сообщив ей о своей командировке в Москву. Звонить из лаборатории было невозможно, а до райцентра — тридцать километров. Не так уже и далеко, но я просто не хотел звонить. Когда мы возвращались из деревни, я сказал Нане, что на десять дней уезжаю в лабораторию. Она и не ждала моего звонка, ибо я объяснил, что звонить оттуда нет никакой возможности. Расставаться с Наной, даже не успев с ней как следует поговорить, мне было жаль, но в глубине души я даже радовался своей отлучке. Мне просто было необходимо хоть несколько дней побыть наедине с собой, чтобы разобраться в своих чувствах и думать о Нане на расстоянии.

Но для того, чтобы убедиться в своей любви к Нане, мне оказалось вполне достаточным расстояния от Тбилиси до Мцхе-

та. «Незачем торопиться с выводами, — увещевал я себя. Скороспелые заключения на поверку часто оказываются ошибочными».

Но дни шли за днями, и моя уверенность, что Нану, все больше крепла...

Я позвонил ей из Москвы и узнал, что она прилетает в командировку двадцатого октября первым рейсом.

Когда самолет коснулся бетонной дорожки, у меня тяжелый камень свалился с души. Куда только подевались пустота и ощущение собственной беспомощности? Тело обрело необычайную легкость и жажду действия. Неужели это любовь к Нане вернула мне остроту ощущений и беспричинную веселость?

А что, если любовь к Нане всего лишь минутный импульс?

Неужели наступит тяжелое похмелье, и я вновь выдохнусь и сникну?

Не встречу я Нану, вряд ли письмо из Серпухова так окрылило бы меня. Теперь все радовало и воодушевляло меня — Нана, как раньше Эка, поддерживала во мне жажду жизни. Эка...

Что-то оборвалось в груди...

Ресторан постепенно заполнился людьми. Преобладали иностранцы. Необычное и торжественное окружение всегда возбуждало и волновало меня.

Я присматриваюсь к Нане. Меня интересует, не слинула ли нанина красота в огромном, сверкающем зале, в пестроте и многолюдье? Мои страхи оказались напрасными. Более того, торжественность обстановки и чуждость среды придали наниной красоте новые грани. Ее грациозность и привлекательность как бы приобрели больший масштаб.

Я убежден, что Нана привлекает внимание каждого нового посетителя.

— Пей! — уговариваю я.

— Но я уже выпила целый бокал!

— Пей еще!

— О чем ты подумал, когда я поехала с тобой в деревню?

Пауза.

Я смотрю Нане в глаза и лихорадочно соображаю, что ей ответить. Чего-чего, а такого вопроса я не ждал.

— О чем подумал? Неужели трудно догадаться, о чем я мог подумать? Ничего плохого, во всяком случае! Или я дал тебе повод думать иначе?

— Прости! — улыбается Нана.

— Прощаю! — улыбаюсь я в ответ. — Но, чур, пить до конца.

— Этот бокал я обязательно допью. Только не торопись. Ладно? Но большего обещать не могу... Так ты хочешь знать, почему я поехала с тобой в деревню?

— Что ж, послушаем.

— Меня очень заинтересовала твоя особа.

— Но неужели...

— Я догадываюсь, что ты хочешь сказать. Наша встреча в поезде тут не при чем. Хотя, впрочем, и она здесь повинна.

Я закуриваю.

— За несколько часов до самоубийства академика Гзиришвили ты, оказывается, был у него и разгадал его намерение.

— Откуда ты знаешь?

— Что ни говори, а наш Тбилиси все же маленький город, ничего утаить невозможно. К тому же событие это не обошлось без сенсации.

— Ну и как? Я удовлетворил ваше любопытство в качестве объекта для наблюдения?

— Представь себе, больше, чем я ожидала.

Нана помолчала.

— Знаешь, Нодар, если бы ты тогда неправильно меня понял, я навсегда потеряла бы веру в...

Нана не закончила фразы — на глазах ее показались слезы.

Я едва сдержался, чтобы не расцеловать ее. Я хотел что-то сказать, но комок застрял в горле — не сглотнуть. Наконец я совладал с собой и взялся за ножку спасительного бокала.

Гиви Рамишвили стоял у входа и осматривал зал. Наверное, искал свободный столик. Когда он увидел меня, в глазах у него блеснула радость, и он направился прямо ко мне.

— Здравствуйте, Нодар! — обняв меня, сказал он.

Я был не настолько старше Гиви, но обратиться ко мне на «ты» он не осмелился.

— Познакомьтесь: Нана Джандиери, — поддержал я топ.

В ответ на улыбку Наны Гиви вежливо поклонился.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил я ему стул.

— В вестибюле меня ждет друг.

— Присядьте хоть ненадолго.

Гиви сел.

— Вас ждет коллега?

— Да нет, одна девушка, мы скоро собираемся пожениться.

— А-а. Так просим вас поужинать с нами. Стол накрыт как раз на четверых!

— И вы никого не ждете?

— Никого, просто я не хотел, чтобы к нам подсаживались посторонние.

— А мы вам не помешаем?

— А может, это вам хотелось посидеть наедине?

— Что вы, что вы, напротив. Нам будет очень приятно поужинать с вами.

Гиви ушел.

— Кто это? — спросила Нана.

— Гиви Рамишвили. В университете он учился на геофизическом, на два курса позже меня.

— А где он теперь работает?

— Если не ошибаюсь, заведует отделом в институте теоретической физики. Может, тебе неприятно их общество?

— Ну, отчего же!

— Не пригласить их было как-то неловко. В зале ни единого свободного места.

— Почему ты извиняешься?

Широкая дубовая дверь распахнулась, и в ней появилась Гиви Рамишвили в сопровождении девушки.

Моя рука, протянутая за сигаретой, застыла в воздухе. Тысячи тончайших иголок вонзились мне в сердце.

Эка!

Она идет неторопливо, еще не видя нас. Глаза ее, ища предназначенный им столик, скользят по незнакомым лицам.

Еще мгновение и...

Эка оступилась, Гиви подхватил ее.

Две струи ледяного воздуха пронзили мое тело.

Потом...

Потом я ничего не помню. Лишь ночью, оставшись в полном одиночестве в своем гостиничном номере, я попытался восстановить, что случилось до того, пока Эка и Гиви подошли к нашему столику.

Нана, естественно, уловила выражение моего лица и, стремясь понять, что же произошло, обернулась в поисках причины моего изумления. Я испугался, как бы Нана не догадалась. Моя рука продолжила свой путь к сигарете, а я, собрав последние силы, привстал.

— Познакомьтесь!

— Эка! — с улыбкой кивнула Эка Нане.

Потом повернулась ко мне.

— Мы уже знакомы, — сказала она Гиви.

— Знакомы? — удивился Гиви.

— Да, — говорю я и чувствую, как на лбу у меня выступила испарина.

Эка собралась было сесть рядом с Наной, но помешал Гиви.

— Как-то неловко, чтобы женщины сидели по одну сторону, а мы по другую, — сказал он. — Тебе лучше сесть рядом с Нодаром.

И Эка покорно опустилась в кресло рядом со мной.

Мучительная, неестественная улыбка прилипла к моим губам.

Все уже давно уселись, и я с изумлением обнаружил, что все еще стою на ногах.

Невольно я взглянул на Нану. Неужели она обо всем догадалась? Не думаю. Во всяком случае по выражению ее лица этого не скажешь. Она с нескрываемым восхищением и одобрением разглядывает Эку.

И Гиви ничего не заметил.

А я боюсь даже глаза поднять на Эку.

К тому же никак не удастся содрать с губ грубо намалеванную жалкую улыбку.

Откуда-то издалека до слуха моего долетел шум моря. Постепенно шум усилился. Волны сначала едва обозначи-

лись, потом сделались выше и, наконец, встали на дыбы, словно горы. Я отчетливо вижу, как длинная горная цепь волн покрывается белоснежной шапкой пены.

Собравшись с силами, я всячески пытаюсь заглушить в себе яростный рев волн.

— Вы в командировке? — словно из подземелья, донесся до меня приглушенный голос Гиви.

— Что вы сказали? — никак не могу понять, о чем он меня спросил.

— Вы здесь в командировке?

— Ах, да, конечно. И не в Москве, а в Серпухове. Я немного успокоился. Рокота волн уже почти не слышно.

В глубине зала я заметил нашего официанта и подозвал его.

— Если вы не обидетесь, заказ сделаю я, — неуверенно сказал Гиви.

— Сегодня вы наши гости, и, пожалуйста, не будем больше говорить об этом.

«Наши гости».

Гиви сдается.

Наконец-то мне удалось закурить.

Ядовитый дым просачивается в легкие.

К счастью, заиграл оркестр.

«Наши гости», — повторяю я про себя и пытаюсь представить, как подействовали на Эку мои слова.

А может, никак? Может, в душе она просто посмеялась надо мной?

Чутьчку осмелев, я слегка поворачиваю голову к Эке. В глаза мне бросилась необычайная бледность ее лица.

Сердце мое болезненно сжалось.

— Покурить не найдется? — спрашивает меня в туалете порядком подвыпивший мужчина.

Я шарю в карманах и только потом вспоминаю, что оставил сигареты на столе в ресторане.

Я отрицательно мотаю головой. Потом открываю кран на полную мощность и подставляю лицо под холодную струю. С каким наслаждением я смочил бы волосы, но, увы, как-то неловко. Выпил я вроде не так уж и много, но лицо горит. Я разглядываю в зеркале свое отражение и с изумлением отмечаю, как сильно вздулись у меня жилы на висках. Даже дотронуться больно.

— Покурить не найдется, а, друг? — спрашивает все тот же мужчина. Видно, он меня не узнал.

Мелодичный блюз под сурдинку.

— Может, потанцуем? — обращается к Эке Гиви и встает.

— А вы танцевать не собираетесь? — с улыбкой спрашивает Эка Нану.

— Сие от меня не зависит! — говорит Нана, незаметно показав на меня глазами.

— Мы ведь еще ни разу не танцевали с тобой, Нана. А теперь мне как-то не до танцев. Для первого раза такое настроение вряд ли подойдет. Отложим до лучших времен. Идет? — оправдываюсь я перед Наной, когда Гиви с Экой смешались с толпой танцующих.

— Как угодно, — улыбается Нана.

Я сижу спиной к оркестру и, естественно, не вижу, что делается на танцплощадке.

Зато Нана пристально разглядывает танцующих.

Я беру в руку полную рюмку коньяка и опрокидываю ее, не сказав ни слова.

— Нодар, кто такая Эка?

Вопрос застал меня врасплох. Смешавшись, я поднял глаза на Нану, ожидая встретить взгляд, полный жгучего женского любопытства. Но Нана продолжала скучающе наблюдать за танцующими парами. Я успокоился.

— Как тебе сказать. Обыкновенная девушка, преподаватель музыки.

— Ты давно знаком с ней?

— Ну, не так, чтобы очень...

Пауза.

Почему Нана спрашивает меня об этом? Неужели она о чем-то догадывается? Наверное. От женщин ничего нельзя утаить. Наверняка догадалась.

Пауза.

Но о чем она могла догадаться? Допустим, что Эка когда-то даже нравилась мне? И что из того? Разве это что-нибудь значит теперь!

Я закуриваю.

И чувствую, как желтый ядовитый дым лениво щекочет горло.

— Какая она красавица, правда?

И опять нанин вопрос ставит меня в тупик. Я испытующе смотрю на нее, пытаясь разгадать тайную подоплеку вопроса.

Нанино лицо совершенно невозмутимо.

— Да, она очень красивая!

Мне не нравится мой придушенный голос.

— Знаешь, она относится к тому типу женщин, которые чем дальше, тем краше. Как ты думаешь, сколько ей лет?

— ???

— Хотя бы на глазок. Как тебе кажется?

— Ну, лет двадцать семь, двадцать восемь.

— Вот и я так подумала.

Пауза.

Я наливаю в рюмку коньяку и пью залпом, но облегчения не чувствую. Ничего не могу с собой поделаться. Ни улыбнуться, ни хотя бы перевести разговор на что-то другое. Только бы не молчать, только бы не давиться этим тягостным молчанием. Надо бы собраться и принять максимально беззаботный вид. Неужели Нана о чем-то догадывается? Да, но о чем она может догадаться? С Экой меня уже ничто не связывает. Ну и что из того, что мы случайно столкнулись здесь сегодня?

Что из того, что настроение у меня непоправимо испорчено? Обычная неловкость и только. Меня выбило из колеи чувство вины перед Экой. Не прошло и двух месяцев с тех пор, как мы расстались, а я уже влюбился в другую, весел и счастлив с другой. А ведь я упорно пытался убедить Эку, что окончательно выхолощен, опустошен и не способен больше ни работать, ни влюбляться.

Но сколько я ни твердил себе, что все дело в неожиданной и неловой ситуации, в которой мы все невольно оказались, чем дальше, тем я все меньше в это верю.

Нет, мое нынешнее состояние вовсе не похоже на состояние человека, застигнутого на месте преступления. Совершенно иное переживание и боль отягощают мою душу...

Может, я по-прежнему люблю Эку?

Глупости.

Но что же тогда со мной происходит?

Может, все дело в зависти? Но чему я завидую и кому? Разве не должен я радоваться, что Эка наконец-то нашла свою дорогу и создаст семью? Может, чувство ревности к тому, другому, еще резче напомнило мне о годах, полных любви и счастья?

Нет, здесь повинны вовсе не зависть, не ревность и не чувство стыда, пробужденные нежданной встречей.

Может, где-то в глубине души опять вспыхнула искорка моей любви к Эке?

Невозможно!

— Четыре кофе, пожалуйста!

— Нести сразу?

— Минут так через десять-пятнадцать.

— Будет сделано.

— Как вы здорово танцевали! — говорит Нана Эке.

— Неужели? — улыбается Эка.

— Вам так идет танцевать!

— Благодарю за комплимент.

На пальце у Эки я заметил кольцо, привезенное мной в подарок из Дамаска.

Я чувствую себя препаршиво, и рука опять тянется к коньяку. Я до краев наполняю свою рюмку, ибо гивина по-прежнему нетронута.

— Выпьем! — говорю я Гиви. — Скажите что-нибудь!

— Ну что я могу сказать? Давайте выпьем за сегодняшний вечер.

Не дождавшись окончания фразы, я жадно опрокинул содержимое рюмки в рот.

Не успел Гиви выпить, как я приготовился налить по новой.

— Больше не надо пить, Нодар! — говорит в отчаянии Эка.

Я едва не онемел от испуга. Голос Эки, отчаянное восклицание «больше не надо» с головой выдали ее. Такую заботу выражают, как правило, о близком человеке. Взгляд мой невольно обращается к Гиви, но он ничего не заметил. Затем я

перевел взгляд на Нану. И она улыбается, как ни в чем не бывало. Я вздохнул с облегчением.

Как бы не придав никакого значения экиным словам, я неторопливо и спокойно наполнил рюмки.

На сей раз Эка промолчала. Интуитивно угадав причину моего испуга, она только теперь и сама поняла, что выдала себя.

Опять заиграл оркестр.

— Можно мне пригласить Нану? — спрашивает Гиви.

— Да ради бога, — натянуто улыбаюсь я.

Я остаюсь с Экой наедине. Я бессмысленно смотрю в тарелку и тупо молчу. Оба мы сидим спиной к оркестру и танцующим. Какой-то выпивший молодой человек направился к нам, собираясь, видимо, пригласить на танец Эку. Но, встретившись с моими бешеными глазами, он замаялся и попятился от нашего стола.

Горькая улыбка заиграла на экиных губах.

— Так ты здесь в командировке, Нодар?

— Да. Меня вызвали в Серпухов!

— Это насчет той частицы, которую ты обнаружил, да?

— Вот именно.

— Ну и как? Твоя догадка подтвердилась?

— Да, и притом дважды, двумя группами, работающими независимо друг от друга.

— И что же? Они признали твой приоритет?

— Потому меня и вызвали.

— Я тебя поздравляю, Нодар!

— Спасибо, Эка!

«Спасибо, Эка». Неужели это сказал я? Неужели я когда-нибудь мог представить, что стану так говорить с Экой?»

Рада ли она?

Конечно, рада. Я уловил, как искорка радости сверкнула в ее печальных глазах.

Пауза.

Не зная, как продолжить разговор, я закурил.

Я волнуюсь, чертовски волнуюсь. Впрочем, вряд ли можно назвать волнением ту тягостную тревогу, которую я сейчас переживаю.

Эка сидит рядом со мной. Я тушуюсь, словно мне стыдно своего взгляда, который нет-нет да и скользит в сторону Эки. Расстояние между нами неумолимо увеличивается.

Молчание становится невыносимым.

«Что мне сказать ей?» — лихорадочно соображаю я.

Что?

Нервы напрягаются до предела.

И Эка как воды в рот набрала. Она старается быть безразличной и с напряженным интересом рассматривает людей за соседними столиками. Если бы мы сидели лицом к танцующим, мне бы ничего не стоило сделать вид, что я увлечен танцующими парами. Но обращаться у меня просто не хватает духу. И мы нудно молчим.

— Ты давно здесь? — как и мгновением раньше, протягивает мне руку помощи Эка.

— Да, уже больше недели.

Я затыгиваюсь и чувствую, как горечь обжигает гортань. Наконец я решаюсь и беру в руку бокал с шампанским. — Выпьем за тебя, Эка! — тихо говорю я и едва замето, чтобы не заметили Гиви с Наной, приподнимаю бокал

— Спасибо, Нодар.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива! — И воровато осушаю бокал.

Я едва не сказал Эке «вы». Неужели мы сделались так чужды друг другу? Неужели расстояние между нами так непоправимо увеличилось?

Эка ничего не сказала в ответ и только печально улыбнулась.

— Не надо больше пить, Нодар. Ты уже пьян, — словно стараясь предупредить мое новое поползновение наполнить бокалы, сказала она.

Музыка смолкла.

Я обернулся. Среди множества пар, возвращающихся к столикам, я нашел глазами Гиви и Нану. И сердечно улыбнулся, чтобы Нана невзначай не заметила горечь, которая, постепенно накапливаясь в сердце, не могла не отразиться на моем лице.

Гиви предупредительно предложил Нане кресло.

— Спасибо! — сказал он, и я догадался, что благодарность адресована мне. Гиви сел и отпил кофе.

— В какой гостинице вы живете? — неожиданно спросил Гиви.

— В «Будапеште».

— Отличная гостиница. И главное — тихая, — обернулся Гиви к Нане.

— Я живу в «Москве», — быстро ответила Нана.

— А вот мы в «России», в разных блоках, — пояснил Гиви и разлил в рюмки остатки коньяка. — Удивительная вещь, не переносу ресторанов гостиниц, где живу.

— Я должна идти! — внезапно сказала Эка.

Гивина рука с бутылкой застыла в воздухе.

— Посидим еще немного!

— Нет. Завтра у меня уйма дел.

— Ну что ж, пойдем, — с явной неохотой согласился Гиви.

— Большое спасибо за прекрасно проведенный вечер. — Гиви по очереди улыбнулся сначала Нане, а потом мне. — Надеюсь, завтра мы встретимся снова. Только, чур, завтра уже наш черед. Я запишу вам номер моего телефона. — Гиви поставил рюмку на стол, достал из нагрудного кармана авторучку и записал номер на бумажной салфетке. Потом протянул ручку мне. — На всякий случай запишите мне ваш номер.

Я не помню наизусть номера своего телефона и лезу в карман за визитной карточкой. Обмениваться телефонами глупо. Видеться с ними еще я не в состоянии. Во что бы то ни стало я постараюсь уклониться от завтрашней встречи. Но бумажную салфетку с гивиным номером я тщательно складываю и, не моргнув глазом, кладу в карман.

Гиви поднял рюмку, по очереди чокнулся с каждым из нас и выпил. Я без слов последовал его примеру.

Эка быстро встала, видимо, желая предупредить дальнейшее продолжение разговора.

— Всего вам доброго, — Гиви с сожалением отодвинул свое кресло и нехотя встал.

Эка ласково улыбнулась Нане, вежливо кивнула мне и направилась к выходу. Гиви поцеловал Нане руку, потом крепко пожал мою, сделал поклон и пошел вдогонку за Экой. Я стоял до тех пор, пока массивная дубовая дверь не закрылась за ними.

— Какая прекрасная женщина! — сказала Нана.

Я, словно и не слышал наниных слов, обернулся и стал искать глазами официанта. Все, что угодно, лишь бы Нана не видела выражения моего лица.

Оркестр заиграл на полную мощность.

— Потанцуем? — спрашивает меня Нана.

Мне не до танцев, но отказываться нельзя.

Нана прижалась ко мне. Я с тоской ощутил теплоту ее гибкого тела, но бывшего волнения уже не возвратить.

Неужели Нана не почувствовала всего, что произошло?

Неужели она ничего не заметила? Неужели я так хорошо владел собой, что ничем не выдал своих переживаний и чувств? А Гиви Рамишвили? Неужели и он не почувял чего-то неладного?

Одна лишь Эка догадалась, что творится в моей душе. Но ведь и ей самой было несладко!

В горле застрял горький ком.

Нана...

Нана Джандиери...

Полузакрыв глаза, она самозабвенно танцует. Каштановые волосы рассыпались по ее плечам. Ее упругая грудь, туго обтянутая черным ролингстоном, высоко вздымается.

Как ей идут тяжелый серебряный браслет, крупный дагестанский перстень и массивные японские часы.

Невольно сравниваю ее с Экой. Эке не подошли бы такие экзотические украшения. Она более изысканная и нежная, более камерная, что ли.

А вот у Наны спортивный тип. Иногда она напоминает мне чистокровного английского скакуна, нетерпеливо перебирающего ногами, и с ноздрями, подрагивающими от затаенной и ищущей выхода энергии... Теперь она целиком во власти ритма, и глаза ее полуприкрыты в истоме.

Неужели она ни о чем не догадывается?

Неужели мне удалось провести всех? Но у женщин есть шестое чувство, которое редко их подводит. Может, она просто делает вид, что ничего не заметила?

Нана Джандиери...

По типу ей больше подошли бы рок или шейк, а не этот плавный блюз.

Представляю, как засверкают ее глаза при сумасшедшем ритме, как блеснут ее крупные белые зубы, как страстно дрог-

нут ее полные губы, какими энергичными и четкими делаются движения ее сильного тела.

Неужели она действительно ни о чем не догадалась?

— Какой снег! — кутаясь в шубу, говорит Нана. — Хочешь, немножко прогуляемся!

Она берет меня под руку, и мы не спеша идем по улице Горького.

Уплотнившийся морозный воздух, покаяывая, натирает мне лицо.

Мы согласно молчим.

Снег приятно поскрипывает под ногами.

Как счастлив я был еще каких-нибудь три часа тому назад. А теперь я отчетливо ощущаю, как мое окаменевшее сердце подернулось толстой ледяной коркой.

Мне вдруг страстно захотелось остаться одному, как-то разобраться в себе и в перипетиях сегодняшнего вечера, все основательно взвесить...

«Взвесить»? Но что взвешивать, когда все уже давным-давно измерено и отрезано. Ведь это я сам решил навсегда расстаться с Экой. Так почему же сегодня все перевернулось и пошло кривь и вкось? Отчего у меня так потяжелело сердце? Куда подевалось счастливое возбуждение, которым я был переполнен до краев?

Может, на меня подействовало чувство вины, которое я испытал по отношению к трем людям сразу — к Нане, к Эке и Гиви?

Нет, нет и еще раз нет!

Мною двигали совершенно другие чувства, нечто другое причинило мне невыносимую боль. Но что?

Идет снег.

Скрип снега под ногами преследует меня, как наваждение.

— Мне холодно. Пойдем назад! — говорит Нана.

У входа в гостиницу мы долго стряхиваем снег, облепивший одежду и шапки. Теплая струя воздуха ударила в замерзшие лица.

— Когда зайти за тобой? — спрашиваю я Нану.

— Когда? — переспрашивает Нана.

— Ну да. Завтра...

Молчание.

Я закуриваю.

— Не надо за мной заходить ни завтра и вообще никогда, Нодар!

Зигзаг молнии пробежал по моему телу.

— Нана...

— Прощу тебя, не говори мне ничего! Все и без того ясно. Разговоры тут не помогут...

И опять молчание.

Потом Нана печально улыбнулась.

— Ты хороший парень, Нодар, очень хороший. Я рада, что не ошиблась в тебе. Рада, что такие, как ты, люди все еще существуют на свете... Будь счастлив. Прощай!

Нана повернулась и ушла.

Не сводя глаз с удаляющейся Наны, я как истукан застыл на месте. Дверь лифта захлопнулась. Нана даже не обернулась.

Знаменитый
Экран
Экран
Экран

Почему я не побежал за ней? Почему не догнал, не схватил за руку, почему не объяснил, что лишь одну ее и люблю на целом свете?!

Я прямо в одежде лежу в постели лицом к стене. Рядом с кроватью я поставил стул с пепельницей, коробкой сигарет и зажигалкой. Я не помню, как я проделал все это. Не помню и того, как я добрался до гостиницы. Смутно вспоминается лишь, что я шел пешком и что у Малого театра какой-то мужчина попросил у меня закурить.

Интересно, сколько времени прошло с того мгновения, как я расстался с Наной? Часы у меня по-прежнему на руке, но свет зажигать не хочется. Стоит только ему зажечься, и в комнате нас сразу станет двое — я и я. В минуты переживания мой безжалостный двойник усугубляет и без того тяжелое состояние.

Да, лучше лежать в темноте, чтобы не видеть собственно-го тела, в отчаянии распятого на постели.

Комната едва освещена светом с улицы, проникающим в окно.

Я поворачиваюсь лицом к окну.

Нехотя закуриваю.

Который все-таки час?

Я глубоко затягиваюсь.

Желтый шершавый дым царапает стенки легких.

Наверное, не меньше половины второго. А может, и больше. На улице тишина, нарушаемая шумом редких автомашин.

Я долго шарю рукой по стене и, наконец, зажигаю бра. Свет резанул меня по глазам. И сразу исчез мир, в котором я обретался до самой последней минуты.

Десять минут четвертого.

Я вновь гашу свет.

Как могло пройти столько времени?

Поразительно!

И ничего-то вроде я не обдумал, точнее, ничего не взвешивал и не решил. Стайки мыслей легко вспархивают и уничтожают друг друга, совсем как частицы и античастицы.

Конечно же, Нана обо всем догадалась, догадалась с того самого мгновения, как при виде Эки у меня окаменело лицо. Как же я не понял этого? Как же я поверил, что Нана не сумела вычитать историю моей любви к Эке по моим потерянным глазам?

Целый день я избегал ходить по улицам, где не раз, бывало, прогуливался с Экой. Даже память о счастливых и волнующих днях, проведенных здесь вместе с Экой, я усиленно старался заглушить и подавить в себе... Но ничего не поделаешь, волей-неволей мы с Наной то и дело оказывались то на улице Горького, то на Манежной площади, то в Столешниковом переулке... А Эка постоянно оказывалась между на-

ми. И я ничего не мог поделать с этим — утишить память ни как не удавалось.

Я нарочно избрал «Националь», где ни разу не бывал вдвоем с Экой, и, на тебе, надо же такому случиться...

Эка.

И опять я шарю по стулу в поисках сигарет...

Да, я всячески избегал ресторанов, где все еще мог видеть призрак нашей любви, где мы сидели с Экой, весело чокаясь бокалами с бодрящим вином, где мы танцевали, тесно прижавшись друг к другу, и я целовал нежные руки, ее милые родные глаза, светящиеся любовью ко мне, ее легкие волосы, прикосновение которых к моему лицу рождало в душе сладостное чувство восторга. Я чувствовал, как дрожит и дышит в моих руках ее тело, и нежность захлестывала все мое существо. И как я мечтал тогда остаться наедине со своей любимой...

И вот живая, во плоти Эка явилась моим глазам там, где я меньше всего ждал ее встретить, где вместе мы никогда раньше не бывали.

Что это было?

Знак судьбы?

Или просто случайность, которая часто бывает сильнее судьбы?

Может, все же это было чувство стыда, что Эка застала меня в ресторане с Наной, что все мои разглагольствования, которыми я заморочил Эке голову, оказались ложью, низкой ложью?

Нет, чувство стыда не могло так подавить и смять меня.

Может, я по-прежнему люблю Эку?

Я крепко смыкаю веки и затягиваюсь.

Горький запах паленого фильтра напоминает мне, что сигарета докурена.

Нет, нет, я так не думаю!

Но почему же тогда я не догнал Нану? Почему не остановил ее, почему не поклялся в вечной любви? Какая сила сковала меня? Может, как раз то второе я, которое сидит во мне, принимает решения и часто действует и думает наперекор мне?

Неужели я по-прежнему люблю Эку?

А может, это была лишь остаточная реакция любви к Эке, все еще теплившейся в моем мозгу и сердце и ждавшей своего часа, чтобы выплеснуться мощно и будоражаще.

Но если это так, то почему я не почувствовал облегчения, разрядки, почему с души моей не спал давящий тяжелый камень?

Все это потому, что я люблю Эку, люблю действительно и неотменимо!

И все остальные рассуждения — лишь жалкая потуга преодолеть эту любовь.

Я люблю Эку, лишь Эку и больше никого!

Иначе почему я не остановил Нану? Почему?

Почему? Почему? Почему?

Какая сила удержала меня на месте, связала по рукам и ногам?

Как это я не почувствовал, что Нана обо всем догадалась? Но как здорово она себя держала, даже бровью не по-вела.

Сила воли, чувство собственного достоинства не дали ей проявить свои истинные чувства.

А может, просто Нана недостаточно сильно еще любила меня и неожиданный удар не смог выбить ее из колен?

А рука опять тянется к сигарете. Но коробка пуста, безнадежно пуста. В сердцах я грубо смял коробок и бросил его на стул.

Эка...

Словно это произошло сейчас, в эту минуту... Я почувствовал, как расплавились наши тела и как мы проникли друг в друга.

В моей крови властно зазвучала горячая экина кровь, в моем теле мощно и призывно пронесся электрический заряд, перелившийся из нежного экиного тела...

Эка...

Только Эка и никто больше.

Я ложусь ничком, стремясь забыть, зарыться лицом в подушку, чтобы не ощущать тяжести собственного тела и терпкой горечи собственных мыслей, отовсюду лезущих ко мне и своими громкими возгласами стремящихся заглушить все остальные попытки подать голос.

И вновь я ощутил на лице струю горячего воздуха.

Откуда я помню этот сухой, раскаленный воздух?

Я открываю глаза. Куда ни кинь взгляд, повсюду простирается бескрайняя пустыня. И лишь теперь я вспоминаю, что некогда уже бывал здесь, на этом самом месте. Вокруг ни души. На раскаленном песке разлеглась смерть. И лишь посреди пустыни движется время. Я отчетливо вижу, как лениво и туманно тянется оно.

Мертвая тишина, ни шороха, ни звука.

А время идет, идет себе медленно, упрямо и твердо. И я не могу оторвать глаз от того, как по-драконьи тащит оно свое промоздкое серое туловище, тащится и тащится, пропадая где-то далеко в горах, там, за горизонтом. Впрочем, откуда тут взяться горам, когда вокруг бесконечная песчаная пустыня? Да, время идет и идет, и нет у него ни конца, ни края. Лениво переваливается его круглое серое туловище.

Внезапно мной овладевает страстное желание коснуться времени рукой, но я не смею этого сделать.

Наконец, я все же решаюсь и осторожно тяну к нему руку. И вздрагиваю. У меня такое ощущение, что рука моя погрузилась в облако раскаленного пара.

Сердце мое учащенно забилось. Нет, я не ошибаюсь. Отчетливо вижу людей, погруженных во время. Они быстрыми шагами идут вперед. Скачут всадники в военном снаряжении. За ними тянутся повозки с женщинами и детьми. И движутся они бесконечно. Столетие сменяется столетием.

Панический страх овладевает мной. Где я? И где мое столетие?

«Ты теперь в другом времени-пространстве», — слышу я таинственный голос.

Меня прошибает холодный пот.

Я оглядываюсь по сторонам. По-прежнему ни души вокруг. Я опять смотрю на время, а оно все так же тащит свое громоздкое серое тело.

Я стараюсь вновь заглянуть в его парообразную массу. И слышу шипение. Глаз отчетливо различает до зубов вооруженных людей. Это уже другое столетие.

Так скоро?

От страха и изумления волосы на голове встают дыбом. Но тут же я вспоминаю, что нахожусь в другом времени-пространстве, и немного успокаиваюсь. Потом мною вновь овладевает отчаяние. Почему это я в другом времени-пространстве?

А может, я вовсе не в другом времени-пространстве? Может, какая-то сила вообще вытолкнула меня из времени и пространства? Липкий страх закрадывается в душу.

Внезапно издалека до слуха моего доносится какой-то гул.

Что бы это могло быть?

Я внимательно оглядываюсь вокруг. Ничего не видно. Но гул все приближается и нарастает.

И вновь я в страхе озираюсь по сторонам. И вновь ничего не видят мои глаза. А гул все усиливается, словно мотор надывается под самым ухом.

Я в воздушном корабле. Спокойствие овладевает мной. Все, что я видел до сих пор, кажется мне дурным сном. А в воздушном корабле теперь мое столетие, мое время-пространство заключено между его овальных стен. Я даже вижу знакомые лица. Вот Гия, Дато, Мамука Торадзе! А вот и Эка!

Но что случилось? Почему они не здороваются со мной? Неужели они не узнали меня? Неужели Эка намеренно отводит от меня глаза? Нет, просто она не узнала меня. Неужели мы сделались так чужды друг другу? Я несколько раз прошел совсем близко от нее, пристально заглянул в глаза, но она так и не узнала меня. Неожиданно и мной овладевает такое чувство, что передо мной вовсе не Эка, а некто чужой.

А корабль летит.

Печаль зажала меня в свои тиски. В таком огромном корабле нет ни единой души, которой я мог бы поведать свою печаль.

А вот и мои братья. Но почему Резо так старательно прячет глаза, неужели и он не признал меня? Неужели я так сильно изменился? А Резо уже исчез, испарился где-то.

Не видно уже ни Гии, ни Дато. Неужели эта женщина с русыми волосами и есть Эка? Нет, это не Эка! Она о чем-

то спрашивает, и я покорно отвечаю. Но о чем она спрашивает, и что я ей отвечаю? Нет, нет, это не Эка!

Я в отчаянии кидаюсь от одной стенки корабля к другой. Потом выглядываю в иллюминатор. Вокруг корабля бесконечное пространство. А часы нашего времени-пространства, закрепленные на стене рубки штурмана, непрерывно тикают. Минуло уже тридцать пять лет с тех пор, как я заключен в этот корабль, целых тридцать пять лет я следую неумолимому течению этого времени-пространства. Я задыхаюсь. Корабль мнится мне казематом, за стенами которого открытое, вольное пространство. Я в исступлении бросаюсь на стены, ища выхода. Но все тщетно — стены прочны и герметичны. Я в бешенстве молочу кулаками по иллюминаторам, стремясь сокрушить их, чтобы вырваться наружу, уклониться от бесцельного бега времени.

Но усилия мои ни к чему не приводят.

А корабельные часы оглушительно и безжалостно отсчитывают мгновения, корабль несется, вспарывая плотный воздух.

Внезапно я заметил в стене крошечную щель, не больше булавочной головки. Надежда вновь вернулась ко мне. Может, хотя бы таким путем смогу я уйти отсюда, высвободиться из уз времени-пространства, заключенного внутри корабля?!

Но радость моя оказалась преждевременной. В эту крошечную щель не протиснуться даже волосу, не говоря уже о другом.

Отчаяние обрушилось на меня и, словно обвал, понесло в своем вихревом потоке.

Неожиданно сознание мое прояснилось. Я понял, что эта щель предназначена для душ, покидающих корабль. Решение мое бесповоротно: пусть тело мое навсегда остается в корабле, зато душа легко проскользнет в щель, покинет все времена-пространства и очутится в мире вне времени и пространства, где не слышно этого взрывающего перепонки монотонного тиканья часов.

Я просыпаюсь от ощущения холода.

Медленно открываю глаза.

И не сразу понимаю, где нахожусь.

Я в одежде лежу на постели и протираю глаза.

Наконец вырисовываются знакомые контуры гостиничного номера...

Постепенно я прихожу в себя.

В окне серый рассвет. Свет ламп на улице померк под натиском нового дня.

Комната затуманена удушающим табачным дымом. Я задыхаюсь. Сердце бьется едва слышно, с перебойми.

Я с трудом поднимаюсь с постели и тащусь к окну.

Идет снег.

Красивые, крупные снежинки весело и беспечно порхают в воздухе.

Я распахиваю окно настежь. Тугой, холодный воздух стремительно врывается в комнату так, словно вода прорвала ненавистную плотину. И все вокруг погружается в чистый покалывающий голубой воздух.

Легкие вздохнули с облегчением, кровь веселее ринулась по жилам и стремительно обожгла мое тело. Затуманенное сознание прояснилось.

Ночной кошмар исчез, растворился, оставив в душе лишь неясное чувство легкой горечи. Безотчетная радость переполнила меня, тело сделалось невесомым, как снежинки за окном.

А на улице снежит.

Снежит не переставая.

Перевод Ушанги РИЖИНАШВИЛИ.

СОНЕТ

Гончару Ираклию Зазанашвили

Наполнишь рог вином иль скрутишь в рог
бараний
И превратишь в сосуд ленивой глины вал,
Ты вновь напомнишь мне беднягу Пиросмани,
Когда он дворника в подвале рисовал.

Спасибо, брат, люблю дела твои и длани.
Из цеха своего меня не изгоняй!
Зову тебя на пир — зову на поле брани,
Как саблю, протянув чурека острый край!

...Вот подбоченился горшок, и, беса теша,
Выпячивает грудь красotka-азарпеша,
И крыльев пожелал кувшина птичий лик.

И старомодная блестит глазурь, искрится,
И в пламя на живот ложится черепица,
И сохнет винный чан, как шар земной, велик.

* * *

Не погонит начало романа,
Как бывало, в туман и метель.
Стало меньше того, что желанно,
Больше — памяти, спавшей досель.

Меньше — радости, день перемолот,
И арена все уже, а там —
Постаренья арктический холод
Приближается медленно к нам.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Р. S.

Я говорю избитые слова
Затем, что в них подозреваю средство
Как можно дольше сохранить права
На юность и на золотое детство.

Я отдал дань новаторству и вновь
К своей старинной возвращаюсь лире.
И лучше рифмы, чем: «любовь» и «кровь»,
Увы, не нахожу в подлунном мире.

Банальность иль душевное тепло,
Наивность, запросившая отстрочку, —
Та самая, что мудро и светло
Естественностью оживляет строчку?!

Так будем откровенны до конца,
Оценивая — не играя в прятки, —
Высокие банальности лица
Поэзии, оставшейся в достатке.

Банальна ласка материнских глаз
И старые Истории страницы,
И женщины прекрасной, как алмаз,
Взгляд, поражающий из-под ресницы,

Он был в употреблении. Он стар,
Тот блеск алмаза яркий и печальный,
Тот Время поражающий кристалл,
Как вечностью, Поэзией банальной,
Как тем самозабвением в ночи
Неповторимой страсти без расчета.

...А впрочем, хватит, сердце, не стучи
В давным-давно открытые ворота.

ГОД 1970

След Человека на лице Луны
И всех движений лунохода фазы
Мы как Победу принимать должны,
Но сны мои тревогою полны,
Когда я вижу эти метастазы.

ПОЧЕМУ!

Когда мы сердимся на сыновей, —
Мы признаемся в слабости своей.

Когда ж мы гневаемся на отцов,
Нам упрекать самих себя не нужно.
В нас гнев кипит. И мы в конце концов
Находим для возмездия оружие.

«ПОЭТ»

Оседлав трибуну с бою,
Словно пушечный лафет,
Крутит лихо головою
Перед публикой поэт.

Хлещет спереди и сзади,
А потом — наоборот,
Словно пулю в пулю садит,
Длинной очередью рот.

Шпарит, рифмами играя,
Той картиной веселя,
Где «от края и до края»
Простирается земля».

И смеется, и зевает,
И печалится народ,
Потому что точно знает,
Что он скажет наперед.

Где прибавит к «солнцу» — «ярко»,
Где вздохнет — и потому
В виде лучшего подарка
Аплодируют ему.

Обе стороны неплохо,
Словно разные миры,
Соблюдают без подвоха
Твердо правила игры.

И смолкают в общем трансе
Восхищения вдвоем...
А земля плывет в пространстве,
Словно бомба с фитилем, —

Мимо ада, сбоку рая,
И не ведает о том,
Что «от края и до края»
Простирается» кругом.

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД

Дымится воздух. Высохли моря.
Земля дрожит и крошится порода.
Бежит, о снисхожденье не моля,
В боях с людьми разбитая Природа.

Хрипят ущелий пересохших рты.
Земные недра стонут от разбоя.
И, как legionеры правоты,
Деревья молча умирают стоя.

Уходит жизнь из своего жилья.
Как ток, как стог, пылает поле боя.
И больше не услышать соловья
Потомкам в час вечернего покоя.

Уходит все. Последний чуя срок,
Бегут олени, уползают змеи.
И тигру инвентарный номерок
Уже не сбросить с арестантской шеи.

Природе не понять своей вины.
Все уже круг. Все ближе оккупанты.
И скверы в городах обречены
На верную погибель, как десанты.

С большим запасом прочности не зря
Построенные, беспощадно жалки,
Как всех военнопленных лагеря,
Бетонные пустыни-зоопарки.

Мы выиграли славную войну,
Мы вырвали победу у Природы, —
Громами оглушили тишину,
Леса срубили, отравили воды.

Чего ж еще! Давай кричи «Ура!»,
Пока не дорасходавана смета
И не пришла последняя пора,
Последний срок последнего рассвета.

Перевод Михаила ДУДИНА

* * *

Нет безымянной смерти на земле, —
не исчезает человек во мгле.
Окончен путь, и умираешь ты
у Родины, у Дружбы, у Мечты,
у нежных рощ, старинных горных рек...
Во мгле не исчезает человек.

Жизнь и тебе придется завершить.
В глазах других твой отблеск будет жить.
Живи прямей и умереть сумей
хоть у детей, у матери своей.

Перевод С. ДАВЫДОВА

* * *

На месяц снятая
холостяцкая
однокомнатная квартира...
И вот только тогда
мы вспоминаем,
что на свете есть — Любовь.

В отпуск мы приезжаем на курорт
к берегу моря...
И вот только тогда
мы замечаем,
что есть — Природа.

Похороны. Кто-то умер...
И вот только тогда,
под стук комьев земли
о крышку гроба,
мы радуемся,
что мы-то еще — живы.

МЫСЛИ ОТПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Когда под утро
по еще темным улицам
я мчусь в автобусе
к аэродрому,
с которого я должен улететь
на реактивном самолете
далеко, черт знает куда,
когда,
оставшись один на один
с провиденьем,
качаясь в ладонях рока,
гадаю:
увижу ли я завтра
восход солнца
в том краю,
где восход опаздывает
на несколько часов,
вот тогда
я становлюсь похож
на осужденного,
которого везут в повозке
на казнь,
и страшные, предсмертные
пронзительные мысли
приходят ко мне —
о незавершенном стихотворении,
о жене и детях,
которым я так и не смог
доказать свою любовь,
и о родине,
забыть которую для меня —
значит умереть.

Перевод Евгения ВИНУКUROVA

РАССКАЗЫ

ИНВЕРСИОННЫЙ СЛЕД

Они приехали на аэродром, и тут выяснилось, что рейс задерживается. После ахов и охов решили пойти в ресторан. Но вылет отложили еще на два часа и потом еще на два. В зале они встретили знакомых, которым послали вино, а те в ответ тоже прислали им несколько бутылок. День был прекрасный, в небе висело всего два облачка. Но вот объявили вылет, они выпили за возвращение — венец любого путешествия. Александр Георгиевич и Катюша сели в самолет, а Ило с веранды для пассажиров посылал им воздушные поцелуи, пока самолет наконец не взлетел. С аэродрома Ило поехал к товарищу, с которым они долго сидели за ужином, с хорошим кахетинским вином, и при этом Ило все время помнил, что пока Сандро и Катюша отдыхают, он должен жить у них, смотреть за квартирой и кормить собачку, эту шустренькую Джексу, которая иной раз лает на него. Жена и дети были в деревне, и ему все равно было, где жить. Он два раза даже проверил в кармане ключи, и вот он от товарища приехал к ним домой, открыл дверь и улегся в столовой на диване. Все ему было постелено еще утром, когда они выезжали на аэродром. Он тут же уснул.

Он спал крепко, без сновидений, на рассвете же разлепил очи, чтобы полюбоваться в окно на чудесный начинающийся день и опять сладко уснуть, как вдруг увидел, что дверь из спальни бесшумно открывается и оттуда выходит Александр Георгиевич в трусах. Он следует через комнату, слегка шаркая ночными туфлями, и сворачивает в туалет. Ило испуганно закрыл глаза. Что это? — спросил он себя под нарастающий стук сердца. Если сон, то почему такой неинтересный, а если галлюцинация, то тоже не очень возвышенная, словно он и не достоин иного. Он настороженно ждал, надеясь, что видение больше не повторится, но вот дверь в уборную открылась и Александр Георгиевич столь же торжественно прошествовал назад, в спальню. Через некоторое время мимо Ило прошелестела Катюша. Но ведь оба они вчера улетели? Они поднялись по трапу и перед тем, как войти в самолет, помахали ему. Затем трап отъехал, дверь задраили и самолет улетел. Ило стоял, пока он не скрылся в солнечной дали, оставляя за собой дымный след. И вот теперь они ходят у него перед носом в туалет.

Мысли у Ило забегали. Что это значит? Он тревожно стал вспоминать все, как было. Вот они сели за столик у окна. Какой-то лайнер долго разогревал моторы, как бы испытывая на людях силу звука. Сандро сказал:

— Самолеты такие большие, тяжелые, а сами гибнут от столкновения с обыкновенным гусем.

— Как это? — удивилась Катюша.

— Не только с гусем, но и с голубем, — подтвердил он, Ило. — На некоторых аэродромах птиц отгоняют специальными громкоговорителями.

Но Катюша не поверила.

— Тогда зачем артиллерия? Пускали бы на них голубей. Она долго смотрела на самолеты и сказала:

— Какие они невозмутимые, правда?

— Невозмутимые и не совсем понятные в силу их равнодушия к законам тяжести, — ответил Александр Георгиевич ирриво. — Ведь в пространстве ничто не удерживается, а самолеты каким-то образом летают и даже покачивают крыльями в знак того, что у них хорошее настроение.

— Но ведь летают же птицы! — возразила Катюша.

— Но птицы не такие тяжелые. И они не несут груза.

Потом подошел тот знакомый инженер, которому посылали вино, с сообщением, что взят Пномпень. Он еще сказал:

— Рейс откладывается... Переучет... Совещание... Санитарный день... Ушла на базу... Это все явления одного порядка.

Потом Александр Георгиевич встретил знакомого писателя. В ответ на жалобу, что вместо того, чтобы улететь, он целый день торчит в ресторане, писатель ответил:

— Ну и что? И в ресторане очень много интересного... Наверно, что-нибудь испортилось.

Ило еще подумал: хорош писатель с таким безмятежным лицом. Писатели должны размышлять, а этому все ясно. Ни тени сомнения или тревоги.

Потом Ило ходил звонить на работу, чтобы предупредить, что он задерживается по непредвиденным обстоятельствам. Потом Сандро сказал Катюше:

— Те два облачка, которые висят там в неопределенности, напоминают нас с тобой. Из дому мы уже выехали, но не двигаемся дальше.

На что Катюша ответила:

— Те два облачка, в отличие от нас, находятся на свежем воздухе, а не сидят в душном ресторане.

— Но я не виноват, что рейс откладывается.

Потом они улетели. Каким же образом они очутились тут?

Очень простым. Пьешь, пьешь и все удивляешься. Надо быть честным перед собой. Да, но недавно в Кахетии выпили еще больше, кутили целых четыре дня, даже на лошадях ездили, а тут из-за того, что задержался самолет, такая ерунда. От долгого и томительного ожидания можно даже с ума сойти, не то что галлюцинировать. Еще хорошо, что привиделись свои близкие люди, а не чудовища со свинячьими рылами.

Вот и пришел час искупления, печальный час. Сколько было прекрасных пирушек и дружеских встреч, и вот за все это теперь приходится расплачиваться. Не за грехи приходится пла-

пить, а за веселье. Что ж, ему теперь совсем не пить? Вышел, а потом утром вокруг него будут ходить те, с кем он расстался накануне.

Да, интересно устроен мозг человека. Например, галлюцинации. Они, как миражи в пустыне, отображают то, чего нет или что далеко.

Он слышал, что галлюцинации бывают очень убедительными, их от яви и не отличишь, но все же такой высшей формы достоверности он не ожидал. Если бы его спросили, какие у Сандро трусы, он бы ни за что этого не вспомнил, а галлюцинация каким-то образом выкопала их из его памяти.

Видение время от времени повторялось, выводя его из дремы. Вот Катюша и Сандро вышли одетые уже по-дорожному, как вчера. Они сели завтракать и деликатно разговаривали вполголоса, чтобы его не разбудить. При этом Сандро сказал: — Как крепко он спит.

Они включили радио, чтобы проверить время, и оно тут же передало, что взят Пномпень. Пномпень? Значит, это действительно галлюцинация, так как про Пномпень передавали вчера.

Сейчас много говорят о раздвоении личности. и вот вам пример. Они находятся одновременно и здесь, и там. Там они сейчас тоже, наверное, встают и радостно отправляются в парк, здороваясь со всеми подряд.

— Подумать только, как здесь красиво. Эти старые деревья изумительны.

— Это дубы.

— Но разве дубы не деревья?

— Деревья, деревья.

Он в прошлом году сочинил там стихотворение, которое Катюша потом всем читала.

Слетали с дубов желуди,
а над лесной поляною
кружились в небе голуби,
от радости, как пьяные.
А у лесной опушки
от радости, как пьяный,
я пиво пил из кружки,
любуюся поляной.

И Катюша подтверждала, что он действительно пил там пиво и над дубами вились голуби.

Он вчера беспокоился, как бы эту поляну чем-нибудь не застроили. Она хороша именно своей первозданностью и тем, что на ней стоит ларек с пивом.

Они покормили собачку, и Катюша сказала:

— Ну, все! Теперь можно ехать.

Ило усмехнулся. Опять почему-то собрались на аэродром. Сложили сумку, тревожно смотрят на часы. Галлюцинация — и то совершенно реалистическая. Никакой фантазии, выдумки, буйной игры красок и форм. Они даже не колеблются в размерах и не делают гримас. И говорят обыкновенными фразами:

— Я тебя прошу: сегодня, пожалуйста, не пей. Что за от-
дых, если мы все время будем сидеть в ресторане?

— Но я не виноват, что самолет задержали.

Нет чтобы сказать что-нибудь значительное, как вчера
писатель...

— Что все наши волнения по сравнению с вечностью?

Он вспомнил привидение, которое видел в детстве. Привидения — это и есть, наверное, галлюцинации. Вечером в пионерлагере им захотелось слив. После отбоя они перелезли через забор и пошли. Дорога огибала кладбище. Впереди, как раз перед тем садом, в который они хотели залезть, кто-то курил. В ночи ярко алел огонек. Слева, облитые лунным светом, виднелись кресты и надгробия. Они залегли. Их пионерлагерь находился на месте бывшего поместья. Владелица его, по рассказам колхозников, ночью часто бродила по деревне. И вот они увидели, как между могил возникла женская фигура. Она была во всем белом, скользила над землей и была прозрачной: кресты просвечивали сквозь нее. Цигарка, которая описывала до этого равномерные полукружия, замерла на полдороге. Ило и два его товарища затаили дыхание, а привидение прошло в сад сквозь плетень. За плетнем зашлась собака, цигарка полетела на землю, а они долго еще лежали в тишине, преодолевая страх, спрашивая друг у друга:

— Ты видел?.. Что это было?.. Это та женщина?..

Когда он потом рассказывал об этом, то неизменно встречал недоверие и насмешки.

Встретив как-то одного из тогдашних своих спутников, он и от него услышал жалобы на неверие окружающих.

— Говорят: сказки!.. Но мы ведь видели!

Хорошо бы сейчас очутиться где-нибудь, где есть горячие пирожки и люля-кябаб, обжигающий, пахучий, засыпанный луком и зеленью. Или хинкали, которые, как по волшебству, сами прыгают прямо в рот. Сейчас привидения уйдут, и он тоже встанет. Неясно только, что он будет потом об этом рассказывать. Как в истории с привидениями.

— А дальше, дальше? Что оно сделало?

— Ничего. Скрылось за плетнем.

— И все?

Над ним смеялись:

— Тебе надо писать сказки. Только чтобы привидение входило не в плетень, а во что-нибудь более интересное.

А сейчас ему придется рассказывать, как они укладывали сумку и пили чай. Катюша, заметив, что он открыл глаза и отсутствующим взглядом смотрит на них, спросила:

— Проснулся?

Но он опять закрыл глаза: не разговаривать же ему с призраками.

Сандро сказал:

— Пускай спит. Поехали.

Они погладили повизгивающую собачку и захлопнули дверь.

Ило встал. Через галерею он увидел, как Сандро и Катюша остановились во дворе с соседом. Ило отпрянул от окна, чтобы не встретиться с ними глазами, и вошел в ванную.

Катюша и Сандро тем временем распрощались с пенсионером и вышли за ворота. Катюша остановилась и сказала:

— Ты знаешь, Сандрик, он посмотрел на нас очень странным взглядом.

— В каком смысле?

— Он не поздоровался, ничего не сказал. Он смотрел на нас из галереи и даже не удивлялся, что мы здесь.

— Он понял, что самолет не улетел. Он еще не проснулся.

— Да, но он вообще ничего не сказал. Он же мог сказать хоть что-нибудь.

— Это не обязательно.

Но Катюша все-таки повернулась и пошла назад.

Она стала стучать в ванную.

— Ило! Ило! — звала она.

Ило только усмехался, поливая себя душем.

— Но меня-то ты можешь впустить! — крикнул Александр Георгиевич.

«Надоедливая какая галлюцинация, — думал Ило. — То уехала, а теперь опять вернулась. Наваждение!».

— Открой на минутку! — требовал Александр Георгиевич.

Ило сбросил крючок. Александр Георгиевич вошел и сказал:

— Там, на полке, тархунная водка. Выпей и придешь в себя.

И он ласково похлопал Ило по плечу.

Ило замер. Галлюцинация бывает зрительная, слуховая, когда, говорят, звонят какие-то колокольчики, но осязательная? Он успокоил себя. Они, бывает, даже душат людей, так что потрепать по плечу для них сущий пустяк. Все же у него зашевелилось сомнение. Он пристально взглянул на Александра Георгиевича и спросил:

— Неужели это ты?

Александр Георгиевич неуверенно ответил:

— Конечно, а то кто же?

Ило натянул трусы и протиснулся из ванной. Сестра во все глаза глядела на него. Он опустился на стул и провел рукой по лицу.

— А ты думал, мы кто? — спросил Александр Георгиевич, выходя следом.

— Я думал, это мне кажется, — ответил Ило растерянно.

— Как же кажется, когда сейчас самолет улетит! — вскричал Александр Георгиевич нетерпеливо.

— Опять?

— Что опять?

— Но он же улетел вчера?

— Никуда он не улетел. Он благополучно опять сел... Ты вчера куда пошел?

— Когда?

— Когда мы улетели.

— К Нугзару.

— Вот потому ты ничего и не соображаешь.

— Значит, вы теперь здесь?

— Нет, мы там. А здесь только наши тени.

И Александр Георгиевич даже подпрыгнул, чтобы показать, какой он бесплотный.

— Мы там сейчас, встаем, завтракаем и идем в сад, — сказал он.

— Где дубы?

— Да.

— Понятно, — сказал Ило непроницаемо. — А отсюда куда едете, раз вы уже там?

— Я сегодня проснулся и тоже думал, что у меня галлюцинация. Я рассчитывал проснуться там, а оказался опять здесь. Жизнь вообще — это сплошная галлюцинация. Это заметил еще Платон.

— Скажи мне, Пномпень взят? — спросил Ило, подумав.

— В каком смысле?

— В смысле его завоевания.

— Взят, взят, — лицо Александра Георгиевича стало тревожным. — Не беспокойся.

— Это ведь теперь называется Кампучией?

— Да, — согласился Александр Георгиевич с легким раздражением.

Ило подошел к телефону и набрал номер товарища.

— Скажи, Нугзар, Пномпень взят или нет?

Товарищ развеселился.

— Да.

Ило положил трубку и взялся за голову.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Ведь я видел инверсионный след! Значит, вы вчера улетели.

— А кто же тогда мы?

— А хрен вас знает!

Катюша заплакала.

— Ило, скажи мне, что с тобой? Что у тебя болит?

— Пойми, наконец, мы прилетели назад! — сказал Александр Георгиевич неуверенно.

— Верхом на щетке?

Они заговорили наперебой. Самолет будто бы сделал над Тбилиси большой круг («Увеселительный! — добавил Александр Георгиевич. — Как было на заре авиации») и опять сел. Пассажирам объявили, что рейс откладывается до утра. В самолете Александр Георгиевич только успел задремать, как Катюша разбудила его, и он все вертел головой и недоумевал:

— Как, уже прилетели?

— В этот момент я тоже подумал, что у меня галлюцинация, — сказал он.

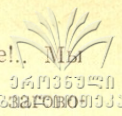
— Мы решили ехать домой, не сидеть же всю ночь на аэродроме... Тебя не было, когда мы пришли.

Ило слушал их рассказ с неопределенным выражением лица, слегка кивая. Если это все-таки галлюцинация, то откуда-нибудь должен появиться и вчерашний инженер.

— Проснись, наконец, скажи хоть что-нибудь! — взмолилась Катюша, и в этот момент со двора раздался крик:

— Сандро!.. Катюша!..

Ило тоже подошел к окнам и с горечью убедился в точности своего предвидения: инженер стоял посреди двора.

— Я так и знал, что вы еще не выехали. Скорее! Мы опаздываем...

— О, это очень кстати! Спасибо! Сейчас идем, — сказала Катюша, а Александр Георгиевич закричал:

— Это ты или галлюцинация?

— Я! Я! Только быстрее!

Ило мрачно отошел от окна. Он стал стелить постель, а они опять взяли в руки сумки.

— Сам позавтракай, тут все стоит, — сказал Александр Георгиевич, а Катюша сказала:

— Улыбнись хоть, не будь таким кислым. Ну, пожалуйста!

— Он потом улыбнется, когда придет в себя, — сказал Александр Георгиевич, и они уехали.

Ило тут же опять позвонил Нугзару.

— Послушай, твой двоюродный брат, этот врач, он где сейчас?

— Наверно, на работе. Они в субботу работают. А что?

— Выходи, я за тобой сейчас заеду.

Врач был волосатый, но приветливый. Нугзар уже объяснил ему, что у Ило сегодня было видение и он хочет проконсультроваться. Он усадил их и попросил Ило рассказать все подробно. Ило рассказал, что проводил сестру и ее мужа, видел инверсионный след, а утром они оказались дома. Он видел, что его рассказ, как и в случае с привидением, беден событиями и лишен занимательности.

— И след таял в воздухе...

Врач выслушал его, а потом спросил:

— А вчера как вы заснули?

— Очень хорошо.

— И ничего вас не мучило?

— Нет.

— И раньше ничего подобного не было?

— Нет.

— Ты расскажи, расскажи про привидение, — вмешался Нугзар. — Ты же говоришь, что видел его?

— Я не говорю, а действительно видел.

— Очень интересно! — сказал врач мягко. — Где это произошло, при каких обстоятельствах?

Ило вяло рассказал и это.

— Так... А еще что вы можете к этому отнести?

— Только влюбленность, — сказал Ило задумчиво. — Увлекаешься, боготворишь избранницу, а когда чувство проходит, она оказывается совершенно иной. Сначала она кажется чудом, царицей небесной, причем, как и во всякой другой галлюцинации, это кажется только тебе.

Врач рассмеялся. Он сказал, что это очень интересная мысль, но психиатрия ею еще не занималась. Влюбленность не поддается пока научному анализу. Теперь даже землетрясения предсказывают, а когда и в кого человек влюбится, предсказать совершенно невозможно. Тут своеобразные законы, во многом еще загадочные. Иногда смотришь на объект чьей-нибудь любви и просто диву даешься, а влюбленный в восторге.

— Это и есть галлюцинация!

— Но прекрасная! — сказал врач.

Затем врач обстукал Ило молоточком, измерил давление, послушал сердце, легкие. Нугзар куда-то ходил, а, вернувшись, молча положил перед врачом какую-то бумажку.

— Ну, что я вам могу сказать? — начал врач, вымыв руки и усаживаясь за стол. — Никакой галлюцинации у вас не было. Самолет действительно из-за неисправности опять сел и рейс отложили до утра. Нугзар звонил на аэродром и все проверил. Сейчас самолет улетел и ваши родственники, наверное, уже на месте. Пьют нарзан, закинув голову и обливая грудь... А вообще, надо сокращать возлияния. В нашем возрасте организм уже не выдерживает большие нагрузки. Отклонений у вас нет. Давление немного повышенное, но это, конечно, после вчерашнего. Так что выбросьте из головы нечистую силу и не думайте о ерунде.

— Но все было так реально, — сказал Ило, вставая.

— Потому и было реально, что это были они.

На улице Ило возмущался:

— Для чего, скажи, они выпускают клубы дыма? Чтобы показать, как они уверенно летят и как далеко улетают?

— С этим хваленым Аэрофлотом всегда путаница. Не объявят толком...

— А Пномпень? Передают без конца одно и то же!

— Да. Как сыграло «Динамо» Тбилиси, не передают, а это передают.

— Но почему я так сразу поверил, что это галлюцинация?

— Потому что пить надо меньше.

Сначала они хотели пойти в хинкальную, но Нугзар сказал:

— Поедем лучше на Комсомольскую аллею. Оттуда виден весь город. Там прекрасно.

На аллее они встретили знакомых водителей из парка, сдвинули столы. Лупоглазый буфетчик сам обслуживал их. Внизу, в ботаническом саду, гуляли люди. День прошел, как одно мгновение.

С Комсомольской аллеи он приехал уже затемно. Настроение было отличное. С водителем он обсуждал соотношение между разумом и чувством. Разум не передает всего, что переживает человек. Как передашь, например, любовь, красоту или запах хорошего мяса?

— Для чего же тогда разум?

— Чтобы объяснять.

— А чувство?

— Чтобы наслаждаться.

В руке он держал пакет для собачки, в который собрал куски мяса со стола и даже зелень.

Он вышел из машины и завернул за угол. Вечер был под стать дню, тихий, благостный. Вон звезды. Мигают. Какая-то там Кассиопея. Вино было замечательное. Кахетинское вино — лучшее в мире. Но все же придется пить его меньше, а то в самом деле начнутся галлюцинации. Опять сегодня выпил целую бочку. «Ну и хорошо», — сказал себе Ило, выходя из подворотни. Он сделал по инерции еще два шага и остановился. Все

окна у Александра Георгиевича и Катюши были распахнуты и освещены, а сами они сидели за столом и пили чай. В глубине комнаты мирно работал телевизор.

Сколько времени прошло, осталось неизвестным. 961935920
1933
Первой его заметила Катюша. Она выглянула во двор и увидела, что он стоит под окном и, как безумный, глядит на них.

— Ило, это мы, мы! — вскричала она, а Ило спросил:

— Что, опять самолет не улетел?

Она еле завели, усадили, суетливо объясняя, что самолет-то улетел, улетел, это они остались, потому что утром он был не в себе и Катюша сказала, что не сможет отдыхать спокойно.

— Она решила полететь позже, когда ты уже не будешь внушать ей тревогу.

— Значит, я виноват?

Ило разбушеваясь. Он кричал, что никому не будет внушать тревоги, если его оставят в покое. Он никого не трогает, хочет жить нормально и заниматься какими-нибудь понятными делами, а не соображать без конца, галлюцинация у него или нет. Тут он замолчал, напряженно вслушиваясь в передачу, в которой рассказывали про актинидию, редкое растение, растущее на Дальнем Востоке. В Югославии оно пользуется большим спросом. Плод его покрыт волосками. И вот теперь, злобно продолжал он, он должен быть благодарен какому-то редактору, который на сон грядущий неизвестно для чего включил в передачу эту тему. Благодаря этой актинидии он может спать спокойно, без сомнений о том, нормальный он или нет.

— Это почему?

— Потому, что я слышу о ней в первый раз. Если вы плод моего воображения, то откуда тогда взялась актинидия? Из моей памяти она выскочить не могла.

— А мне какую посмотреть передачу, про какой редкий цветок, чтоб узнать, когда мы наконец отсюда улетим? — спросил Александр Георгиевич.

СМЖ

На строительство ДСК он пришел недавно. И уже с первых дней услышал о СМЖ, «СМЖ! СМЖ!». А что это, он и понятия не имел. Он раньше работал в Шахтострое, у них там была своя специфика, но и до того он о СМЖ никогда не слышал. Цеха стоят готовые, необходимо скорее завозить оборудование и в том числе СМЖ, целых тридцать восемь штук, а он не знает, что это такое. Два дня он держал заявку у себя под предлогом, что должен еще кое-что уточнить, но и за два дня ничего не изменилось. Все называли СМЖ, но смысл таинственного наименования не раскрывали. А у подчиненных тоже не спросишь: скажут, хорош главный инженер, не слышал даже о СМЖ, не знает таких простых вещей.

А директор был человек энергичный. Распоряжения отдавал кратко и решительно. Они обсудили, какие вопросы он должен решить в министерстве, и в конце директор ему сказал:

— Да, кстати! Узнайте там насчет СМЖ. Нас уже поджимают сроки.

Поехал он в министерство, поговорил там обо всем, а в конце спросил:

— Как насчет СМЖ?

И ему ответили:

— Будут к июлю.

— Директора беспокоит этот вопрос.

— Он всех беспокоит, — ответил инспектор отдела капитального строительства. — Они должны были прибыть к первому июня, а теперь сроки передвинулись. Вот, пожалуйста.

Он узнал историю вопроса, но к раскрытию секрета не приблизился. Вернулся и доложил директору:

— Что касается СМЖ, то они будут к июлю.

— Как так?.. Почему?.. Это нам грозит срывом плана. Займитесь вопросом сами. Надо срочно писать на завод. Составьте требование, свяжитесь с ними.

Пришел он к себе и стал думать, как бы ему узнать о СМЖ, не компрометируя себя. СМЖ... Что бы это могло означать? Строительно-монтажное... Но что? Какое-то оборудование, но ведь надо знать точно, вдруг кто-нибудь спросит.

Тут к нему зашел главный механик. Они поговорили о делах, обсудили все необходимое, а потом он сказал:

— Сейчас главное — СМЖ. СМЖ может нас подвести.

— Нас может подвести не только СМЖ, но все, что угодно. Мы работаем на пределе, изо всех сил, но все равно идем с отставанием по всем линиям. А ведь первая очередь должна вступить уже в конце года. Шутка ли, сто тридцать тысяч квадратных метров в год!

— Сто тридцать две, — поправил главный инженер. — Да, мы зависим от многих факторов. Задержат СМЖ, и главный корпус не сдадим.

— Главный корпус мы сдаем десятого октября, — продолжал главный механик. — А остальные объекты?.. Склад фактурных составов еле-еле сдали тридцатого апреля с опозданием на девять дней. Зарядную на восемь мест и АДК сдаем только сейчас. Меня волнует больше всего компрессорная и блок вспомогательных служб. Это у нас наиболее слабый участок.

— Тут мы хотя бы зависим от наших организаций, а СМЖ нам поставяет Украина.

— Не только от наших. Еще от Южстальконструкции и Главснаба.

— Такова наша СМЖ! — сказал главный инженер, а механик удивленно взглянул на него. — СМЖ — строительно-монтажная жизнь, — объяснил он.

— А! В этом смысле... Действительно.

Главный инженер так и не решился. Ладно, как-нибудь утратится.

— Я побываю сегодня в компрессорной, — сказал он.

Но прежде он пошел к асфальтчикам. Это тоже было важно. В конце новой укатанной дороги, проложенной прямо посреди поля, с разворотами и подъездами около будущих корпусов, виднелись катки и другая техника. Возглавлял асфальтчиков его старый товарищ Котэ. Они работали вместе еще десять лет тому назад.

— С тобой теперь на «ты» разговаривать или на «вы»? спросил Котэ.

— Почему?

— Потому, что ты главный инженер, а я простой Асфальт недодают, сказал Котэ. Слой укладываем более тонкий, не по нормативу. А ведь здесь будут ездить тяжелые машины, многотонки. Главный инженер знал, что асфальт является дефицитом, его пускают налево все, кому не лень и в результате толщина слоя в восемь миллиметров не соблюдается, и покрытие быстро изнашивается. Дороги всюду плохие, зато частные дворы заасфальтированы прекрасно.

— Каждый день представляй мне сводку, сколько должны были дать и сколько дали фактически.

— Да это бесполезно. Их эти сводки так же интересуют, как меня положение в Сингапуре.

— А я их отдам в райком. Стройка под контролем, так что посмотрим...

После этого он сказал:

— Сейчас главное — СМЖ. Без него мы главный корпус не сдадим.

Котэ неопределенно кивнул.

— Строительство большое, разветвленное, — сказал он.

— Ты ведь знаешь, что такое СМЖ?

— Откровенно говоря, нет. Мне хватит своих сокращений. А что это?

— Это такое оборудование, — разочарованно сказал главный инженер.

У АДК — административно-директорского корпуса — он встретил директора по снабжению. Тот пулей вылетел из машины, но, увидев главного инженера, остановился.

— Опять в Бермудском треугольнике нашли покинутое судно! — прокричал он. — И опять ни следов борьбы, ни сигнала бедствия!.. Все вещи на местах, на камбузе еще теплый кофе! Какая-то жуткая тайна!

Слушая, как кофе чуть ли не кипит там, в покинутом судне, он думал, спросить или не спросить. Из всех тайн его сейчас больше всего интересовала та, которая скрывалась за буквами СМЖ.

— Когда мы начинали, тут было ровное поле, — сказал замдиректора, глядя вдаль, — А теперь?.. Приятно видеть плоды своих рук.

Закатное солнце освещало готовые, но пустые еще корпуса, груды стройматериалов, между которыми островками зеленела трава.

— Триста тысяч квадратных метров жилой площади в год! А еще недавно на этом месте ничего не было.

— Да, но СМЖ, СМЖ! Меня это очень беспокоит.

— Уф! Все приходит с опозданием, но приходит.

— Ты ведь на строительстве с самого начала?

— Конечно!

— Как правильно понимать эти буквы? — решил главный инженер.

— Честно говоря, я не знаю. Какое-то сокращение... Меня не касается. Прибудут, тогда и узнаю.

В этот момент из подъезда вышел главный механик, как всегда подобранный, дисциплинированный. Он деловито зашагал по свежезаасфальтированной аллее.

— Джемал, что значит СМЖ? — окликнул его замдиректора.

Джемал остановился.

— Строительно-монтажная жизнь, — сказал он, нехотя улыбаясь.

— Это да, но я спрашиваю про оборудование.

— Точно не знаю, — сказал он, косясь на главного инженера, который смотрел в сторону.

— Ну, а не точно?

— И не точно не знаю, — обозлился главный механик. — Их некоторые бумаги разгадываешь, как ребус. Просто это СМЖ — и все! И так понятно.

Главный механик ушел.

— Интересно, что это может быть? — продолжал замдиректора. — Строительно-монтажное... Но что? Железо? Но ведь это не железо, а оборудование. На ум приходят такие слова, как жемчужина, женщина, «Жигули». Все, что составляет цвет жизни.

Слушая его болтовню, главный инженер испытывал досаду, что только напрасно раскрылся перед ним. Таких трудов ему стоило решиться на это, а он не знает. Он замкнулся и помрачнел.

На следующее утро на пятиминутке директор обратился к нему:

— А как обстоят дела с СМЖ?

Главный инженер подробно осветил историю вопроса, которую узнал еще в главке и потом скрупулезно проверил по документам. Называя цифры, даты, уверенно оперируя номерами бумаг, он все же не знал, что же такое СМЖ — всюду таинственное оборудование крылось под этими тремя буквами. Затем он сказал, что подготовил письмо, согласно указанию директора, и протянул его ему. Директор проглядел письмо и сказал:

— Все правильно, но надо хотя бы в одном месте... вот здесь, например, раскрыть шифр. А то неудобно. Может быть, по-украински это у них называется иначе.

— Этот шифр идет во всех бумагах из Минстроя СССР. Так что у них должно быть то же самое.

— Все-таки раскроем, чтобы не было путаницы.

Получив такое неприятное задание, главный инженер вернулся к себе и стал думать. Но тут же позвонил директор и сказал, что едет секретарь райкома, пусть он опять идет к нему.

С секретарем пошли по стройке, показывая объекты. Начали с уже готовых, затем подошли к главному корпусу. Пояснения давал директор.

— Тут мы закончили устройство колонн и ригелей, теперь занимаемся установкой подкрановых балок и ферм. Через месяц приступим к монтажу оборудования. Но нас беспокоят поставщики. СМЖ, например, они должны были поставить к первому июня, а теперь перенесли поставки на июль. Июль — еще терлимый срок, но дальнейшая задержка может сорвать все на-

ши планы. Об этом подробнее доложит главный инженер. Он как раз вчера по этому вопросу разговаривал в главке.

— Прошу вас, Автандил Дмитриевич, — сказал секретарь райкома.

И главный инженер, немного волнуясь, повторил все то, о чем уже докладывал утром на планерке. Вторично за день повествуя о таинственном СМЖ, он даже удивлялся, как гладко и уверенно говорит. На глазах он становился специалистом по СМЖ. Если секретарь райкома спросит, что это такое, он ответит: оборудование. Если же он захочет уточнить, какое, он скажет: для главного корпуса.

— В Калининграде возводится такой же ДСК, мощностью в 300 тыс. кв. м. общей площади в год. Там тоже сдают первую очередь на 132 тысячи в конце года, получают такое же количество СМЖ, что и мы, но им почему-то отдано предпочтение. Мы должны ждать, пока они укомплектуются полностью, и только тогда...

— Надо решать этот вопрос на месте. Кому-то из вас надо ехать и решать.

После отъезда секретаря они с директором прошли в его кабинет, где директор сказал:

— Правильно. Надо кого-то туда послать. А то пока бумага дойдет, пока то да се. Пошлем главного электрика.

Он взглянул удивленно, и директор пояснил:

— Он парень хват. К тому же он всех там знает.

Главный электрик, высокий лохотный парень, ходил и на работу в галстук и был очень доволен собой. Он молодецвато вошел в кабинет. Говорили, что он в дождь ходит с зонтиком. Главный инженер с любопытством глядел на него.

— Это дело потребует дипломатии и, главное, напора. Я надеюсь на тебя, — сказал директор. — Ты и в ресторане умеешь себя вести, и на совещании не растеряешься.

Главный электрик снисходительно улыбнулся.

— И к тому же он нравится женщинам. А в наш век всеобщей и поголовной эмансипации это немаловажный фактор... Так что давай. Пробей нам СМЖ, чтобы у нас не было срывов. Поезжай сегодня же или завтра.

— Сегодня не смогу. Надо же собраться.

— А что тебе собираться? Возьми с собой коньяк и керамику.

— Сегодня не успею.

— Ну, тогда завтра. Сейчас все оформим.

— А что такое СМЖ? — спросил главный электрик.

— Автандил Дмитриевич тебе объяснит, — ответил директор и принялся куда-то звонить.

Главный инженер ответил:

— Оборудование.

— Я понимаю, что оборудование... Но какое?

— Для главного корпуса.

Электрик неуверенно кивнул головой, давая понять, что теперь ему все ясно.

— Ознакомься с документацией по этому поводу, чтобы быть в курсе.

— Да, вообще-то надо...

К концу дня было составлено письмо поставщикам, главный электрик ознакомился со всей перепиской, относящейся к делу, но основная часть находилась в главке, и он поехал туда.

Вернувшись, он со смехом сказал, что главный консультант, кажется, не знает, что такое СМЖ.

— Почему ты так думаешь?

— Я у него спросил, а он ответил, что дело не в буквах.

— А в чем же?

— В основном; главное, чтобы СМЖ были поставлены не позднее 1 июля, в противном случае ответственность за срыв плана ляжет на поставщиков.

— Это действительно главное. Возможно, если вопрос не решится на месте, тебе придется поехать в Москву. Держи нас в курсе ежедневно.

Электрик вяло попрощался и ушел, а он стал думать, как быть. Когда работаешь на новом месте и еще не знаешь людей, не можешь ни к кому обратиться. Такой пустяк, а не дает покоя. Если б он спросил сразу, все было бы ничего. А теперь, когда он стал специалистом по СМЖ... Можно было бы попросить Котэ, чтобы он узнал от себя значение магических слов, но это тоже опасно: у Котэ острый язык, на строительстве могут узнать, что главный инженер не знает, что такое СМЖ, хотя без конца докладывает о нем. Да и у кого он может спросить? Снабженец не знает, механик не знает, он не знает. Остается директор. Нет, это опасно. Однажды он уже сделал подобную глупость, когда после окончания института явился на стройку прорабом и не стеснялся у всех все спрашивать. Тогда строили мельницу в Авчалах.

— А это что?.. А это для чего?.. Какая тут марка цемента?..

На практике ведь часто делают не так, как учат в институте, вот ему и хотелось во все вникнуть, в частности в смеси цемента разных марок. Ему охотно объясняли, но вскоре по всем смежным сферам распространился слух, что он пареньничего, но полный неуч. С тех пор он научился узнавать все потихоньку.

Он собрался в компрессорную, но тут позвонил директор.

— Авто! — сказал он. — Явился корреспондент. Поговори с ним, я его сейчас пришлю.

— Но мне неудобно. Я работаю всего лишь...

— Это не имеет значения. Его интересует наверняка состояние работ на сегодняшний день, первостепенные проблемы. А это ты все знаешь. Объясни ему, что главный узловой вопрос сейчас — это СМЖ, основное оборудование, без которого комбинат не может быть пущен в строй. Нам важно, чтобы эта наша тревога прозвучала в статье.

— Но мне кажется, что вы как директор...

— У меня сидит ОБХСС, я этим вопросом сейчас заниматься не могу. Объясни ему, что такое СМЖ и какое оно имеет значение.

«От этого СМЖ не избавишься», — с досадой подумал он, кладя трубку.

Корреспондент пришел, расположился за столом, приготовил диктофон. Одет он и причесан был по моде. Наверно, тоже ходит под зонтиком. Главный инженер пояснил, что он работает на строительстве всего лишь несколько дней и поэтому лезть на него не стоит, это неловко перед теми, кто начинал стройку.

— Тут было ровное поле...

— Ваш ДСК один из самых крупных в Союзе.

— Да. Их четыре таких, самых крупных. Фактически у нас создается новая отрасль производства. Те панельные заводы, которые у нас были, в счет не идут. Ведь ДСК будет не только производить все, что требуется для дома, но и сам строить их.

— Значит, что он будет производить? Панели...

— Панели, перекрытия, санузлы, ванные, словом, все, что необходимо для дома. Второй цикл будет заключаться в возведении жилых корпусов.

— На каком этапе находится строительство сейчас?

— Фронт работ довольно широкий. Строятся одновременно бетоно-смесительный цех, склад заполнителей и цемента, блок вспомогательных служб и еще целый ряд объектов. Некоторые готовы, в других идут отделочные или монтажные работы. Но основное — это главный корпус. Если мы можем какое-то время обойтись, скажем, без АДК или склада заполнителей, то без главного корпуса ДСК работать вообще не сможет. Это сердце завода. Ему мы уделяем первостепенное внимание. К сожалению, нам портят нервы поставщики. Оборудование для главного корпуса задерживается, а это бьет по всем нашим планам.

— А что это за оборудование?

— Так называемое СМЖ. Строительно-монтажное оборудование. Его нам поставляет Украина. Сегодня мы отправили на завод нашего крупного работника и надеемся, что ему удастся протолкнуть этот вопрос. В противном случае мы бессильны завершить строительство в срок.

— СМЖ — это главное, что вас волнует?

— Да. Хотя нас все волнует. Например, мы получаем песок из Тамарисского карьера, а он то ли оскудевает, то ли у него завышенный план, но в последние дни мы получаем песок с перебоями. Кроме того, там систематически что-то заливают. Я собираюсь ехать туда, разбираться на месте. Нужно посмотреть самому. Наше дело такое, что помимо трудностей уже существующих, мы должны предвидеть будущие и по возможности застраховываться от них. Сейчас у нас запас песка на неделю есть. Так что проблем достаточно.

— Но все-таки основное — СМЖ?

— Песок мы можем достать в другом месте, но СМЖ — нет.

Корреспондент, наконец, ушел.

Последующие два дня он провел на совещании в Тбилгорстрое, где обсуждались общие вопросы выполнения плана. Там ему тоже пришлось говорить о СМЖ, о зависимости плана от поставщиков. И другие говорили об этом, а также о хроническом дефиците запчастей, что приводит к простоям техники;

считается, что строительства обеспечены механизмами, а на самом деле эта техника только числится. Директор, счастливый человек, остался на заводе, а его опять подставил вместо себя. И вот он сидел и тратил тут время. Один из ораторов говорил о необходимости координации МРЭУ, в проекте постановления тоже упоминалось об этом. «Опыт работы МРЭУ»... Сосед спросил у него шепотом:

— Что такое МРЭУ?

— Не знаю.

— Никто не знает. Я уже у десятерых спрашивал.

— Спроси у него, — посоветовал главный инженер, кивая на трибуну, а сам подумал, что, возможно, и докладчик не знает этого.

Он встал и уехал. В кабинете директора они ждали звонка электрика.

Он позвонил в восемь вечера и сказал, что вопрос будет решен окончательно завтра или послезавтра.

— Решен в положительном смысле? — спросил директор.

— Ну, а в каком же, Георгиевич? Я только за положительными вещами езжу.

— Ну, хорошо, хорошо. Молодец. Звони нам каждый день.

— Отрицательные вещи я не люблю.

— От тебя даже в трубку пахнет горилкой и варениками.

— Это необходимо, Георгиевич.

— На здоровье. Лишь бы дело было сделано.

— Завтра или послезавтра доложу вам окончательную...
реляцию.

— Очень хорошо... Неужели наступит такой день, — сказал директор, положив трубку, — когда эти СМЖ придут и можно будет, наконец, взглянуть на них. Вот тогда мы будем спокойны за план. Более или менее спокойны.

А на следующий день вышла статья, и в ней было написано, что главный корпус — это сердце завода, а в нем основное — СМЖ, Строительные Машины Жилья. Газета ходила по рукам и многие, в том числе и директор, уже не говорили СМЖ, а:

— Строительные машины жилья...

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ

Только он вышел из университета и видит: стоит иномарка и возле нее у тротуара лежит массивный золотой браслет. Издали он был похож на свернувшийся желтый лист, но Гиги сразу понял, что это не лист, подошел и сунул его в карман. В машине никого не было. Гиги постоял немного с ребятами, а потом они пошли, и он как бы забыл о браслете, хотя и помнил о нем. Пришел домой и сразу объявил:

— Я нашел браслет!

Сбежались домашние. Браслет пошел по рукам.

— Девяносто шестая проба, — определила мама, а бабушка сказала, что золото не украшает человека, а только портит его, без него он гораздо лучше.

— Но тогда можно сказать, что и деньги тоже портят его? — возразила мама Гиги.

— Да, конечно.

— Но человек ведь всю жизнь работает ради денег?

— Нет, он работает ради созидания, чтобы жизнь стала лучше.

— Это идеализм, — сказала мама.

— Сейчас идеалистом называют каждого честного человека, а вообще идеализм не это означает.

— А что?

— Неумение и непрактичность.

Сестренка спросила:

— Если б я была старше, ты подарил бы его мне?

— Я и сейчас тебе его дарю, — ответил Гиги.

В общем, браслет рассмотрели со всех сторон, а мама даже взвесила его на руке.

— Не знаю, сколько он стоит, но не меньше трехсот рублей. Молодец! — сказала она, и тут приехал отец. Ему радостно сообщили о находке. Но он как будто не обрадовался. Молча выслушав, как браслет лежал у машины, он спросил:

— А больше там ничего не лежало?

— А что там должно было лежать?

— Я не знаю. Бриллианты, жемчуг... Сапфиры.

— Нет, не лежало.

— И никаких других золотых украшений?

— Только еще золотые осенние листья.

Он присел к столу, любезно глядя на сына, и спросил:

— А кто еще видел, как ты его нашел?

— Многие... Мы только вышли с лекций. Народу было полно.

— И прохожих?

— Да.

— И никто не заметил браслета?

— Нет.

— Чудеса прямо какие-то... Куда же они все смотрели, на небо, что ли? Как там летают птицы и насекомые?

Гиги пожал плечами.

— Я вам сказал все, как было, а там что хотите, то и думайте.

— Другие не обратили внимания, а он заметил, — сказала мама. — Что тут такого удивительного?

— Удивительного тут много. Например, что браслет валялся на улице, а не лежал себе в шкатулке, и что он попался на глаза именно Гиги.

— Ну, а как же находят? Находит всегда кто-нибудь один. Отец отмахнулся.

— Почему ты его не вернул?

— Кому?

— Владельцу.

— А кто его владелец?

— Наверно, хозяин машины.

— Может быть.

— Надо было спросить у него.

— Если бы он что-нибудь искал. А то он пришел с дочкой, спокойно сел и уехал.

— Все равно надо было спросить. Он, может быть, еще не хватился.

— А если браслет не его? Так можно спросить у любого, и он тебе скажет «да».

— Почему любой? Я бы ответил «нет».

— Да, ты бы ответил «нет». Но ты исключение.

— Нет, я не исключение. Исключение те, кто сказали бы «да»... Кто еще видел этот момент?

— Все, кто вышли вместе со мной.

— И никто не обеспокоился, что браслет нужно вернуть?

— Но кому, кому?

— Что ты от него хочешь? — сказала мама. — Он нашел браслет и принес его домой... Ты сомневаешься, что он его нашел?

— Я прожил на свете сорок лет и не находил не то что золота, а даже рубля.

— Откуда же он его, по-твоему, взял?

— Вот это я и хотел бы знать.

Гиги подождал еще вопросов и ушел к телевизору. Мама недовольно накрывала на стол. Бабушка сказала, что не стоит из-за этого ссориться. Ну, нашел и нашел. Ведь он же не специально его искал. Браслет сам попался ему на глаза.

— Браслет, значит, виноват?

— Я вообще не понимаю, как можно брать чужое, — сказал отец. — Ведь если это не твое, значит, трогать нельзя.

Недавно он ехал на машине и вдруг знакомый инспектор попенял ему, что он накануне сделал нарушение, а после свистка не остановился. Удивленный Шота ответил, что этого не может быть, так как он весь вечер был дома.

— Я сам свистел тебе, — сказал инспектор. — Что, я твою машину не знаю?

Шота счел, что он все же ошибся. Но через несколько дней другой инспектор опять сказал ему, что он проехал на красный свет и опять будто бы уехал. Шота еще больше удивился. Затем машину стали замечать то там, то сям, но она каждый раз уходила. Наконец, ее задержали в Сололаках. За рулем был Гиги. Выяснилось, что когда Шота засыпал, а ложился он рано и рано вставал, Гиги — иногда даже с ведома мамы — брал ключи и куда-нибудь уезжал. Шота был взбешен.

— Я чужую даже газету не смею взять...

— Но ведь машина не чужая, — возразила мама.

— Не чужая, но и не его... Чужая! Еще не хватает, чтобы он угонял чужие машины.

Он долго допытывался у Гиги, почему он брал машину без спроса.

— Я спросил несколько раз, но ты не разрешил.

— Я сказал: получи права и будешь ездить. Ездишь без прав, нарушаешь, обманываешь!.. Что это такое?

С тех пор в нем поселилось недоверие к сыну.

И вот теперь браслет, который, оказывается, невинно лежал у тротуара, в густой толпе, чуть ли не испуская призывное сияние, попался на глаза именно Гиги.

— И так голова пухнет от того, что творится на работе, а тут у меня у самого растут дома похитители браслетов и автомобилей.

— Но еще не доказано, что он похитил браслет, — сказала мама.

— Вот потому, что ты всегда его защищаешь, он и не чувствует себя виноватым!

Гиги в этот момент обернулся от телевизора и сказал:

— В кино все выглядят такими умными...

— Вот, пожалуйста! Его кино больше интересует, чем то, что где-то сейчас переживают потерю браслета.

— Что ты хочешь сказать, я не понимаю? Ему не надо было его вообще поднимать?

— Да, не надо было! Ведь он не его?

— Но в таком случае его взял бы кто-нибудь другой. Он все равно не лежал бы там неподвижно в ожидании хозяина.

— Он его не сделал, не купил, не получил в подарок, но домой принес. И вот все слезы, которые теперь, быть может, проливают из-за браслета, падут на него.

— Да он, может, какого-нибудь жулика, который в состоянии купить их десятками.

— Тем более браслет жулика не должен быть в моем доме.

— А если почтенного человека?

— У почтенных людей браслетов не бывает.

— Вообще, ты прав, — сказала жена, желая умиротворить его. — Но ты прекрасно знаешь, что жизнь устроена не так. Каждый старается схватить то, что лежит плохо. Не взял бы он, схватил бы другой. И не мучился бы так этими вопросами.

Утром Шота приехал на завод, и его тут же вызвали к директору.

— Достань где-нибудь автокран. Пришло оборудование, и его нужно сегодня же разгрузить. Наш на ремонте.

Их веткой пользовались две организации: их и «Сельхозтехника». Шота поехал. Сначала он поехал в Глдани, где его товарищ был начальником автобазы, потом объехал еще несколько мест. Наконец, он достал кран и отправил его на завод. Техники не хватает, а сроки жмут, думал он. Когда наконец прекратится беспорядок! Другие нормально трудятся, а они не работают, а все время выкручиваются из положения. А в главке не волнуются. Он один раз был с директором у начальника. Директор сказал:

— Хорошо, на этот раз я достану технику, как-нибудь выкручусь. А дальше?

— Не сомневаемся, — ответил начальник главка, — что ты выкрутишься. Потому тебя и назначили.

Отправив кран, он поехал в университет. Летя по коридору, он думал в раздражении, что здесь учат всему: и интеграль-

ному исчислению, и старославянскому, и классификации минералов, и только одному не учат — как быть честным человеком. Он опросил гардеробщиц, не слышали ли они, чтобы кто-нибудь что-нибудь потерял, или о краже. Потеряны были головной платок, диссертация. Но диссертацию потом нашли.

— Когда?

— Позавчера.

— А еще что?

— Еще?.. Из четырнадцатого кабинета пропал стул.

Комендант сказал, что в прошлом году у него пропала собака. Это было в Кикети.

Затем Шота обошел уборщиц. Но никто не слышал ни о каких пропажах.

В обеденный перерыв он опять поехал по этому делу. В Бюро находок ему сказали, что к ним ни сегодня, ни вчера никаких заявлений об утерях не поступало.

— Они вообще бывают очень редко. Наверно, люди не очень надеются, что потерянное можно вернуть. А некоторые вещи лежат у нас по году, и за ними никто не приходит.

— Значит, кто-то все-таки сдает?

— Да, изредка.

— Запишите мой телефон.

— А что вы потеряли?

— Я не потерял, а нашел... Золотой браслет.

— И вы его принесли?

— Как видите.

В равнодушных глазах сотрудницы зажглось любопытство. Она стала его расспрашивать, пытаясь выяснить, что стоит за его странным поступком.

— Вы ищете того человека, который потерял?

— Да.

— Для чего?

— Чтоб вернуть ему утерянное.

— Вам нужен он сам?

— Ну, а кто же еще?

— Это мужчина?

— Не знаю.

— Значит, вы ищете не конкретное лицо?

— Конкретное. Того, кто потерял.

— Это очень приятно, — сказала она неуверенно.

— Пусть позвонят мне, если обратятся к вам.

Когда он сел в машину, увидел ее изумленное лицо в окне.

Потом он поехал в ГАИ. В ГАИ он повез Гиги, которого снял с лекции. Гиги должен был описать машину. Его товарищи тоже вспоминали приметы, и Шота заодно убедился, что Гиги в самом деле нашел браслет. В ГАИ знакомый сотрудник спросил:

— Он сделал вам какую-нибудь пакость?

— Кто?

— Владелец этой машины.

— Нет.

— Тогда зачем вы его ищете?

— Чтоб отдать его вещь.

— А-а! Понятно.

Но видно было, что ему ничего не понятно.

— Так удивляются, как будто я делаю что-то сверхъестественное, — ворчал Шота по дороге домой.

— Конечно, — сказал Гиги. — Еще бы они не удивлялись.

Машин марки «Таунус» в городе оказалось три. После работы он обзвонил владельцев, спрашивая, не пропало ли у них что-нибудь. У одного пропала собака, колли, и он очень обрадовался, у другого украли бочку с дачи. Хозяин колли, после того как выяснил, что Шота нашел не собаку, очень просил оказать содействие в ее поисках, сказал масть, рост, что звало у Гиги и жены большое веселье.

— Нет, уважаемый, я не ищу все подряд.

У них сидел их родственник, врач. Он сказал:

— После того, как найдешь собаку, поищи бочку. Ведь надо все возвращать владельцам.

В промежутке позвонила свояченица, которая сказала, что потеряла в прошлом году в Гаграх кольцо и если оно попадется Гиги, чтобы его тоже передали ей. Но Шота упорно продолжал названивать.

Третий обладатель, уяснив, что речь идет не о домашней пропаже, обрадованно сказал, что его сын потерял вчера золотой браслет.

— Этот браслет он купил в...

— А где он его потерял?

— Он дал его поиграть дочке. Это было в машине. Но машину мы всю обыскали. Она могла выронить его у машины, когда они ждали маму около университета. Или на скамейке во дворе.

— А что такое? — поинтересовался он. — Он этот браслет купил в...

— Вы не давали объявления о пропаже? — опять перебил Шота.

— Куда? Кому? — рассмеялся абонент.

— Опишите мне браслет, — попросил Шота, а потом повесил трубку.

— Поехали, — сказал он жене.

— Если ты это делаешь в воспитательных целях, — сказала жена, дождавшись, когда Гиги равнодушно вышел из комнаты, — то напрасно, так как он уже все понял.

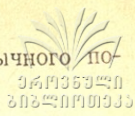
— Я это делаю не в воспитательных целях, а потому что чужое надо вернуть.

— Я считаю, что ты правильно делаешь, — сказала жена неуверенно.

Она собралась, они одели все лучшее и поехали.

Хозяин открыл им дверь, провел в комнаты, усадил. Он был любезен, предупредителен, даже суетлив, но несколько рас-терян. Он как будто ждал чего-то с их стороны, может быть,

просьбы или хоть какого-то объяснения такого необычного поступка.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԾԱՆԻԿԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

На всякий случай он пробормотал:

— Сейчас все очень сложно...

Предложил кофе и чай, но Шота ответил:

— Нет, нет, мы сейчас уходим.

— Скажите мне хотя бы, кто вы. Мой сын зайдет к вам поблагодарить. Он сейчас в отъезде.

— Это незачем.

— Кто мы, не имеет значения, — подтвердила жена.

Убедившись, что им ничего не нужно, он спросил:

— Может быть, мы можем быть вам чем-нибудь полезны?

— Нам ничего не нужно.

— Не знаю, как вам передать мое удивление, — сказал хозяин браслета, убедившись, наконец, в их полном бескорыстии. — Если бы мне рассказали подобную историю, я бы не поверил. Но вот вы передо мной, и это факт.

— Еще хорошо, что у вас такая необычная машина, а то я вряд ли бы вас нашел, — ответил Шота сердечно.

— Да. Дают, понимаете, ребенку... А разве это игрушка? Вот и потеряли. Хорошо, это попало к вам. У таких родителей, как вы, и сын, конечно, благородный мальчик. Он хорошо учится?

— Так себе.

Они откланялись и уехали.

Хозяин, конечно, выглянул в окно, запомнил номер машины и узнал таким образом, кто они.

Вскоре до них дошло, что хозяин браслета, не переставая их хвалить и удивляться их поступку, все же сказал:

— Но все же такой жест — великолепный, эффектный — могут позволить себе только обеспеченные люди. Не будь они состоятельными, небось припрятали бы браслет. Кто работает на строительстве, тот может возвращать другим браслеты.

Шота был уязвлен. Гиги сказал:

— Видишь, все равно тебя не оценили. Лучше бы ты продал этот браслет и купил новые покрышки...

Шота в этот момент сидел перед телевизором. Там сказали:

— Мы живем в удивительное время...

И вот Шота сказал обиженно:

— Мы живем в такое удивительное время, когда сделаешь что-нибудь нормальное и потом сам же чувствуешь себя ненормально.

Я родился в Кутаиси в 1947 г. Окончил историко-филологический факультет Кутаисского пединститута. Впервые мои рассказы были опубликованы в газете «Литератури Сакартвело» в 1972 г.

После первой книги рассказов «Моя веселая грусть» у меня вышло еще несколько сборников: «Дорога ведет к солнцу», «Сны без сна», «Тайна неба». Печатаюсь в республиканских газетах и журналах.

Работаю главным редактором Кутаисского филиала издательства «Сабчота Сакартвело».

БЫЛА ВОЙНА...

С тех пор как он подросток, он ни разу не смотрелся в зеркало. Сжег и карточку, сделанную лет десять назад, и успокоился.

Сам понимал, что второго такого урода нет во всем городе, поэтому и избегал людей.

Его веснушчатое лицо было изрыто оспинками. Бугристый подбородок словно свиньей изжеван. Глаза косили, а вместо бровей были чуть приметные рыжеватые ворсинки. Он вечно молчал, и на месте губ виднелась одна лишь прямая линия. На изрядно облысевшей голове, словно картофелина, красовался жировик. На худой шее в разные стороны, как пьявки, разбегались фиолетовые жилки.

Он был слаб. В ветхом пиджачишке, как пугало размахивая худенькими руками, он с трудом волочил за собой тяжелые сапоги с обрезанными голенищами.

Не за кем ему было присматривать, как некому было присматривать за ним. Все встречные отводили от него глаза, и лишь детишки, которые еще не ведали страха, улыба-

лись ему, и для них у него всегда находилась конфетка-дру-
гая.

Ранним утром он в одном конце города встречал восход солнца, а ночью в другом конце взирал на выползавшую на небо луну.

Когда солнце теряло тепло, он начинал работать кочегаром на одном маленьком заводе, а ранней весной шел в лесорубы.

Он так привык к окрику «Эй, ты!», что на другое обращение не откликнулся. Зарплату тратил на хлеб да курево, а если что оставалось — складывал в какой-то древний сундук, стоявший под кроватью.

Он совсем не чувствовал голода, душившего город во время войны. Теперь не только дети, но и взрослые не чужались его куска, так что из трудом добытого хлеба ему оставалось с гулькин нос.

В доме, где ему досталась жалкая комнатуха, в основном жили рабочие, здоровые мужики, во всем проявлявшие усердие, а уж в увеличении численности населения они принимали такое активное участие, что все диву давались.

Улица начиналась маленьким финским домиком, где жил один лейтенант. Он, помимо того, что был военным и тем привлекал всеобщее внимание, имел красивую жену, красоте которой было просто тесно в том околотке. Когда его брали на войну, он долго смотрел на жену влажными, умоляющими глазами.

Но напрасно беспокоился уходивший на войну лейтенант. Всех добрых мужиков вместе с ним погнали на запад. На весь околоток остались лишь урод да горбатый одноглазый пекарь, которого вскоре хватил паралич, высушивший одну его половину, как ошпаренную кипятком доску.

А город голодал. И тысячи ненасыщающихся желудков пробавлялись только слюной.

Однажды урод, возвращаясь к себе и заметив у сломанной калитки жену лейтенанта, изменил своей привычке, замедлил шаг и оглядел женщину с ног до головы. В этот миг он напоминал человека, всем сердцем жаждущего приобрести очень ценную вещь, хотя в кармане нет ни гроша. Косые его глазки заметили, что грустные глаза, глядящие из-под спущившихся на лоб волос, улыбаются ему, хотя он так и не понял — улыбаются или насмеваются.

В тот вечер к нему пришел маленький сын лейтенанта. Подтянув спадавшие с исхудавшего животика штанишки, он сказал:

— Дяденька, я кушать хочу.

Кроме слова «дяденька», ничему не удивился урод. Еще больше скосил глаза — не обманывает ли, мол, слух?

— Кушать хочешь? — спросил он, и мальчуган заметил, как в его щербатом рту затрепетал язык.

— Да, дяденька.

Урод откинул крышку древнего сундука, достал деньги и вложил их в худющую детскую ручонку вместе с куском хлеба.

В ту ночь он лег голодным, голодным и усталым. А утром у калитки ему вновь улыбнулась смуглая женщина. По всему

его телу прошел озноб, он подтянул латаные брюки и смущенно потупился.

Потом целую неделю не было видно ни мальчика, ни женщины.

А дома только урод клал голову на подушку, чудилось ему, будто лейтенантова жена хохочет над ним, хохочет до слез, и эти слезы, словно кипяток в бане, обжигали его веснушчатое тело.

Как-то всю ночь шел снег, и возвращавшийся с работы урод с трудом прокладывал себе дорогу. Он почему-то взглянул на крышу лейтенантова дома, на трубу и, не увидав дыма, огорченно махнул рукой.

У дверей его дома ветер намел сугроб. Сначала он ногой хотел разметать его, но когда в сапоги набился снег, он сорвал с забора доску и ею расчистил проход.

В комнате стоял жуткий холод, а в керосинке ни капли керосина. Он почистил луковицу, заел ее хлебом и завалился спать. Сначала он никак не мог согреть ноги, а когда подоткнул одеяло, его не хватало в длину. Он укрылся еще куском тонкой, пестрой, как имеретинский пейзаж, материи и задремал.

Чуть погода послышался стук. Он подумал, что ему почудилось, но заскрипевшая дверь окончательно разбудила его. Он повернулся на постели и...

У дверей стояла красивая жена лейтенанта с заснеженной головой и посиневшими губами.

— Мальчик? — Уроду ничего другого не могло прийти в голову. Он поспешно спрятал под одеяло жидковатое колено.

— Он третий день лежит, — женщина говорила, словно читала с листа, она медленно сделала два шага и присела на край кровати.

Урода обдало жаром, потом по телу побежали мурашки.

— Третий день... — Женщина скинула с плеч мужнину шинель и повесила ее на спинку кровати.

— Я зажгу огонь, — пробормотал он сильным голосом, но вспомнил пустую керосинку и огорченно развел руками. Потом краешком глаза заметил, как дрожащие руки женщины расстегивают пуговицы на платье. Все было как во сне.

Женское благоухание заполнило все, благоухание, подобное тому, что испускает при пробуждении нагретая солнцем почка.

Он крепко зажмурился, потом раскрыл глаза и...

По голым ее плечам струились локоны.

Ниже живота он не глядел. Опустив голову, он сполз с постели, вытащил из-под кровати свой сундук, нащупал сконканные деньги, дрожащими руками поднял с пола упавшую шинель (казалось, что она все еще пахнет лейтенантовым потом), укутал ею одеревеневшую женщину, сунул в карман деньги, потом раскрыл дверь и взглянул на заснеженную дорогу. Когда жена лейтенанта скрылась за сугробами, он сорвал тряпку со старого зеркала.

В эту минуту он был самым красивым мужчиной.

Гиоргобистве!...

Противный дождливый вечер. Кругом сплошная слякоть. В отвислое брюхо хмурого неба вонзились голые ветви деревьев.

В этот месяц откуда-то появляются черти. Не оставляя следов, перебегают пашни, сиротливо обнаженные виноградники.

На цыпочках прокрадываются во дворы. Бесшумно проскальзывают под веранды, втискиваются в оставленные без присмотра амбары. А как стемнеет, по-кошачьи осторожно и ловко взбираются по одной из стен дома, на цыпочках подкрадываются к трубе и заглядывают в нее. Если дым ест глаза — они, обиженные неприступностью человеческого логова, тотчас меняют место. Рассыпаются по проселочным дорогам, тропинкам, лесным тропам, бесятся на могильных плитах.

Гиоргобистве...

Противный дождливый вечер...

Черт, заглядывая одним глазом в трубу, медленно протягивает тело и, ухватившись передними конечностями, скользит вниз по цепи, висящей в дымоходе.

- Здорово, человек!
- Здорово, черт!
- Чего это огонь у тебя не горит?
- Понимаешь, дров пожалел.
- А знаешь, как холодно на дворе?
- Знаю, черт.
- А то, что на днях снег пойдет, знаешь?
- Да, черт.
- Человеке, холодно мне.
- Этого одеяла мне самому не хватает.
- Удели, человек, и мне немного тепла.
- Боюсь, черт.
- Меня?
- Нет, самого себя. Сколько тепла я раздал — назад ничего не вернулось.
- Холодно, человеке, очень холодно.
- Так иди в другое место. Сейчас у многих горят камины, иди и грейся.
- Огня боюсь.
- Кто огня боится, тот никогда не согреться.
- Дай в ногах у тебя посижу, устал я очень.
- Черт с тобой.
- Краешком одеяла прикрою колени.
- Черт с тобой.
- Может, чуточку подвинешься к стенке...
- Черт с тобой, чертово отродье, только уж гляди, не отбирай у меня это лоскутное одеяло.
- Эй, человек, да ты холоден, как лед!
- Погоди, думаю.

— О чем?
— О тепле.

Гниргобистве...

В этот месяц откуда-то появляются черти. Осторожно бесшумно прокрадываются во дворы, поднимаются по стенам домов, заглядывают в трубы и, если оттуда не валит дым, с хохотом врываются в человеческое жилище.

Долго они беседовали.

Черт посоветовал ему отправиться в город.

— Город велик, — улыбнулся нечистый. — Попробуй судьбу, ну, что тебе, попробуй еще раз, — не отступал он, и человек поверил.

Обманул его черт.

Поднял человека рано утром, а сам завернулся в одеяло и задал храпака.

Бедно был одет человек. Штаны на коленях прохудились. Все, что имел, на себе носил. Холодный ветер пронизывал его до костей. Отшагал он тропинку, дорожку, аробную дорогу, прошел все знакомые пути и оглянулся назад. — Много, оказывается, я прошел, — сказал и краешком глаза заметил ворону, сидящую на эвкалипте. Не понравилась. — Тьфу, ты! — Сплюнул сердито и нагнулся за камнем. Поднялся, а вороны и след пррстыл. Опять пошел и шагал до изнеможения, аж пот прошиб. Взметнувшись к небу дома ошеломили, придавили его к земле. Уж очень крохотным казалось небо, словно сидишь в квеври и изнутри вверх смотришь.

Город еще спал, вернее, люди спали. Все очень напоминало сновиденье — окаменевший город, человек с широко раскрытыми глазами и вздыбившиеся каменные столпы.

Он задержался у перекрестка.

— Иди прямо! — послышалось сзади.

Обернулся, видит — черт догнал его, строит рожи, улыбается.

Дороги, разбегающиеся во все четыре стороны, напоминали крест, а он стоял посередине, небритый, оборванный, как Христос перед распятием.

Стой рядом кто-нибудь, посоветуй кто—послушал бы, скажи кто вернись, мол, — вернулся бы.

Единственное жалкое лоскутное одеяло было у него и камин без огня, а впереди длинная холодная зима и...

Поверил черту.

По пути увидел здание с раскрытой дверью. Внутри горел свет — обрадовался, заглянул. Никто не воспрепятствовал, он и зашел.

— Ты что, не спал или прямо с гулянки на похмелье явился? — спросил его краснощекий пузатый мужик, стоявший за стойкой.

Сел за стол, обернулся к кухне.

— Глухой! — ухмыльнулся толстяк, взял длиннющий никелированный нож, нарезал тонкие ломти хлеба и положил их на тарелки. Потом поправил фартук и, повернувшись к кухне, гаркнул:

— Караман, полное кладь! Первый на почин!

Хлебал и хлебал он деревянной ложкой вкусную похлебку, сверх того и пол-литра водки добавил, потом встал и пошел к двери.

Рассердился, чего это, мол, ноги заплетаются, а еще больше рассердился, когда у дверей его за рукав схватили. Улыбнулся, услышав, что заплакать забыл.

— Эй, паря! — Думали, что он уже не в состоянии, и сами кинулись к карманам, да куда там, не было карманов.

Удивились бескарманному человеку, удивились, решили, что добра ждать сегодня не приходится, хорошо его отmaterили, дали пинка под зад и захлопнули дверь.

Водка все сильнее разбирала его. Перед глазами все кружилось, а зад, куда пнули его, сильно саднил. На повороте споткнулся о камень, растянулся на дороге, а встать даже и не пытался.

Один низенький мужичок замедлил возле него шаг, хотел поднять, даже нагнулся, но подумал — подниму, а он выше меня! — махнул рукой и смылся.

Когда в первый раз продрал глаза — солнце стояло над головой, когда во второй — милиционер.

— Вставай! — приказал милиционер.

Целых двое суток продержали в вытрезвителе. Думали, придет кто за ним, сдадим, а заодно и штраф выпишем.

Наконец (это «наконец» было на второй день перед заходом солнца) начальник чином повыше сказал подчиненному — беспризорный он.

— Беспризорный? — обрадовался чином пониже и тоже дал мужику под зад.

Голодный и продрогший остановился он возле одного в голубой цвет окрашенного дома.

На веранде блондинка с растрепанными волосами развешивала белье.

Долго рассматривал он сорочки, висевшие на веревке. Потом на женщину перевел взгляд. Только собрался уходить, как женщина поправила волосы, оперлась о перила и махнула ему рукой.

А он разинул рот и смотрит на нее.

Вновь улыбнулась ему блондинка и махнула рукой.

Одним духом одолел он лестницу и застыл на месте. Женщина стояла, нагнувшись.

— Здравствуй! — сказал он, когда женщина выпрямилась, подняв с пола мыло.

— Пришел? — Женщина спросила так, словно они еще раньше договорились о встрече и она с нетерпением ожидала его.

Женщина раскрыла дверь и подмигнула ему.

Комната была розовой. На всех четырех стенах висели маленькие четырехугольные зеркала. А под ними благоухали цветы персиков.

В одном углу стоял древний рояль с подсвечниками, напротив него — мягкое ложе, такое, что качается туда-сюда и клонит ко сну.

— Как звать-то? — спросила женщина, расстегивая платье.

Мужчина передернул плечами.

— Не хочешь говорить? Секрет? — расхохоталась женщина.

— Даже и не помню, — вздохнул мужчина.

— Ладно уж, не хочешь, не говори. Я тебя буду Бено звать.

— Бено?

— Да, так моего четвертого мужа звали. Хороший был человек, перед его мастерской всегда очередь была. Такие гробы делал, пальчики оближешь.

— А теперь?

Женщина обняла его за плечи.

— Кушать хочешь? — спросила вдруг.

Наевшись, человек повернулся к стенке и захрапел.

Проснулся он поздно. Раскрыл глаза и увидел женщину.

В руках она его штаны вертела.

Притворился спящим.

— Эй, соня! — растормошила его женщина.

Он потянулся, протер глаза и присел на постели.

— Здорово, Бено! — приветствовал он сам себя в зеркале. Пригладил рукой взлохмаченные волосы и туже затянул веревку на штанах.

Солнце заглянуло в окно. Поднялся ветер, и сорочки на веревке зашуршали, как ошалелые.

— Зачем тебе столько сорочек, к тому же разноцветных? — удивился человек, завязывая шнурки на туфлях.

— Кому какой цвет нравится, — нежно сказала женщина. — А тебе?

Долго думал человек.

— Мне все равно, — сказал наконец.

— Поэтому, наверно, и не поинтересовался моим именем. Да? — Уставилась на него женщина.

— Ты прав, — согласилась блондинка, раскрыла клетку и насыпала канарейкам корм.

— Согрелся? — спросил черт, когда человек вышел за ворота.

— А ты откуда здесь? — удивился человек.

— Прошлой ночью я под вашей кроватью спал, — хихикнул черт. — Тебя бескарманные брюки выручили, — сказал он, кончив смеяться.

— Как это?

— Были бы они у тебя с карманами, не отпустила бы.

— А теперь куда? — окликнула его женщина сверху.

— Прямо.

— Не вернешься?

Человек мотнул головой — не знаю, мол.

— До свиданья! — Женщина махнула ему рукой, застегнула ворот и сняла с веревки черную рубашку.

Человек еще раз оглядел женщину и проглотил слюну.

Повернув направо, он задержался у маленькой, пестрой будки. По улице с песней шагали солдаты. Одеты они были

в серые шинели с блестящими пуговицами, на головах теплые ушанки, и у каждого на лице одно желание: «Эх, дайте мне волю!».

В глазах стоящего у будки человека все они превратились в одну сплошную серую шинель, а их единый громкий голос доносился издалека, и понял человек, что не солдаты это маршируют, не солдаты поют, а закон, закон шагает строем и поет...

После солдат на улице осталась тишина. Долго шагал он, не поднимая головы. Шел за своей тенью, словно гончая, спущенная на дикого зверя. Когда тень исчезла, он поднял голову и увидел вокруг бессчетное множество разноцветных лампочек.

Перед каким-то зданием стояла длинная очередь. Заинтересовался он и встал в очередь... Постепенно очередь уменьшалась. Люди по двое, по трое входили в открытые двери, откуда временами доносились мощные звуки оркестра.

— Заходи же, чего ждешь? — заорали на него задние.

Билетерша жалостливо оглядела его одежонку и тихо, чтоб не слышали другие, сказала: — Ну, проходи же, товарищ, проходи!

По канату, натянутому меж двух столбов, медленно шел клоун. У него был нос редиской, толстые красные губы и волосы ежиком. В одной руке он держал зонтик, в другой — цветы. Достигнув середины зала, клоун замялся. Канат запрыгал, и в воздухе замелькал зонтик.

Человек закрыл глаза. Ему почудилось, что в зале сидит несчетное число клоунов с накрашенными губами, а по канату идет он сам. В одной руке держит золотую шкатулку, а в другой — голод. В конце каната на подносе лежит жареная курица, и от нее пар поднимается. Сквозь пар заметил он множество протянутых худющих рук. Потом эти руки, растерзав курицу, набросились на золотую шкатулку.

Раздался крик, и он очнулся.

Зонтик медленно опускался вниз. У распластанного на земле клоуна с накрашенными губами в глазах постепенно гасли разноцветные огни.

— Прекратят, видно, исполнение номера, — грустно произнес сидящий рядом верзила.

— Ну да, люди ведь деньги платили! — возразил кто-то.

Вдруг из-за кулис выскочили обнаженные женщины. Лишь у талии у всех узкая опояска из блестящей материи. Словно серебряные монеты, бросили они в толпу свою красоту и исчезли.

Последним номером показали львов.

Не понравились они человеку, вот уж вправду котят да и только. Осторожно, чтобы не помешать другим, на цыпочках вышел он из здания и остановился у развесистой чинары.

Холод здесь был жуткий. Мороз. Поднес он ко рту ладонь, дохнул в нее паром, потом потер заледеневшие уши. — Пчих! — чихнул.

— Будьте здоровы! — услышал он зычный голос. Обернулся. На него смотрит толстый мужчина.

— Простите, за одного знакомого принял, — извинился толстяк и собрался было уходить.

— Собственно, какое простите. Ведь все равно, вы или Коля, человек же, так будьте здоровы, и баста!

— Спасибо! — сказал человек, глядя, как поплелся тот по пестрому от теней асфальту. Довольно долго слышался тяжелейший придых уходящего. Потом он вернулся и:

— Неужто верить тому?

— Чему? — удивился человек.

— Что ты не тот?

— Какой еще тот? — Пожал плечами человек.

Из цирка донесся львиный рык.

— Т-ш! — Человек приложил к губам палец.

— Да они каждый вечер рыкают, надоели уже, — рассердился толстяк.

— А львы и должны рыкать, — обрадовался человек.

— Друг у меня был один, — начал тот, — с ним тебя спутал.

— Друг? И у меня было много друзей, но, оказывается, не было их у меня, — сказал человек и засвистел.

— Вальс Шопена? — обрадовался толстяк.

— У соседей был старый граммофон, с тех пор и помню.

— Великолепно!

— Что, свист?

— Я о вальсе говорю.

Человек оборвал свист. Рассмеялся: «На этом месте пластинка сломалась».

— Ай, ай, ай! — всплеснул руками толстяк.

— Ну что, похож я на кого-то? — спросил человек.

— Как две капли воды.

— И свистел тот, как я?

— Еще как, любую оперу мог исполнить. Ну, мы пришли, — сказал толстяк, остановившись у какой-то калитки.

— Пришли? «И» — окончание множественного числа, — поправил человек.

— Главное, что я пришел... — Улыбнулся толстяк.

— Главное?

— Еще и то, что такую дальнюю дорогу в беседе скоротали. До свиданья!

Когда он свернул с центральной улицы, уже стемнело. Кое-где мерцали лампочки. Дороги пошли похуже. В одном месте он чуть в яму не угодил. В большинстве домов уже спали.

Из темной улочки вновь вышел на широкую освещенную улицу, на одной стороне которой стояло большое сияющее огнями здание. Из витрины улыбалась ему женщина-манекен.

На ней было платье в черный горошек. Глаза голубые с длинными ресницами и гладкие длинные волосы. В витрину пробралась кошка и сладко прикорнула у ее ног.

Неожиданно кто-то положил ему на плечо тяжелую руку. Он вздрогнул. Когда обернулся, первое, что увидел, был полированный ствол ружья, висевшего у мужчины за спиной, и лишь после этого заметил желтые, как веники, брови и торчащую изо рта папиросу.

— уве
061935020
2020000033

— Этот универмаг мне в добрую пулю обходится, ренно сказал усач.

— А мне в копейку, — улыбнулся человек.

— Только вчера приняли товару на миллион, — ночной сторож.

— Какой черт тебя из дома прогнал ради чужих миллионов? — вскинул бровь человек. Вновь взглянул на манекен, на кошку у его ног, на задумчивое лицо усача. — Человек твоего возраста сейчас с внуками спит, либо в кресле сидит да деньги накопленные пересчитывает.

— Конечно, считать хорошо. Ты скажи, как накопить. — Ухмыльнулся сторож.

Мимо с противным воем промчалась машина скорой помощи. На светящемся фонаре резко выделялся красный крест.

— Кто-то, видимо, со смертью борется, — уныло произнес усач. Снял с плеча ружье, поставил его дулом вниз и оперся на приклад.

— Если не желает быть с тобой, отцепись, и точка. — Развел руками человек.

— От чего?

— От души!

— Как это?

— Просто, зажмурь глаза и пусть себе катится, куда хочет.

— Трудно, — вздохнул усач.

— Тогда стой и сторожи чужие богатства. — Человек попрощался с ночным сторожом, еще раз взглянул на улыбающиеся губки манекена и пошел.

— Этого старика я хорошо знаю, — сказал черт, когда они отошли довольно далеко.

— Порядочный упрямец он, видно.

— И не говори, может неделю голодать и не притронуться к хлебу, если он чужой.

— А я бы слюной подавился, — сказал человек.

— Не люблю таких, — скривился черт.

— Зато считается честным человеком.

— Ха-ха-ха! — расхохотался черт, перекувырнулся и вцепился руками в водосточную трубу.

— Чего смеешься? — нахмурился человек.

— Как услышу эту фразу, так и смеюсь.

— Почему?

— К кому я пристану, тот забывает это слово. Хочешь, я пристану и к этому старику, что одной ногой в могиле стоит? Хочешь?

— Не делай этого! — вскричал человек.

— Почему вдруг? — скривился черт.

— Только это и положат с ним в могилу. Жаль последнее отнимать у человека.

— Жалостливое у тебя сердце! — Черт напряжился и вскочил человеку на плечо. Человек вздохнул, застыл на месте и закрыл глаза.

— Шагай! — приказал черт.

— Спать хочу! — зевнул человек.

— С закрытыми глазами иди!

— Не смогу. — Вновь зевнул человек.

— Всю свою жизнь ты ходил с закрытыми глазами, а сейчас вдруг не можешь? — Черт уселся ему на шею.

— Устал я, очень устал, — вздохнул человек.

Черт ловко соскочил на землю. Один конец веревки, опоясывавшей человека, удлинил, привязал им его к себе, как теленка, и прошептал:

— А ну, давай. Следуй за мной, да-да — следуй!!!

И в прошлый раз он так же следовал за чертом. И в прошлый раз сказал тот ему — закрой глаза, доверься мне. Доверился.

За два года отгрохал хоромы, купил машину, во всех ресторанах его называли «своим», в каждом городе имел по любовнице, толпы «друзей» роились возле него. На море личный катер, вертолет, во дворе — бассейн...

— Иди, — науськивал его черт, отплясывая вокруг него, и казалось человеку, что весь мир — карусель. Все кружилось, крутилось по одному кругу. А он стоял в середине повелителем, всемогущим существом, но...

Кто-то остановил карусель, и на миг застыло все, настоужилось.

— Почему и отчего все крутится вокруг тебя, а ты стоишь и даже голова не закружится? — неожиданно спросил его.

Ничего он не ответил.

А потом?..

Десять лет отсидел человек в тесной клетушке. Каждый день по часу выводили его подышать свежим воздухом. Десять лет кидали ему нищенский кусок. Когда объявили, что свободен, впервые заципало у него в глазах, что-то подступило к сердцу, и это что-то превратилось в слезы...

Плакал человек.

Вспомнил свой старый, еще дедом ставленный, дранкой крытый домик, сырую постель. Дал передохнуть уставшему телу и...

— Шагай, говорю! — вновь приказал черт и потянул за веревку.

Как труп тащил его за собой, полусонного, механически переставлявшего ноги. На колючках совсем обтрепалась его одежда.

Черт, вспотев, что-то сердито бормотал, с губ срывалась тошнотворная пена.

Когда человек размежил глаза, холодный озноб прошел по телу. Почти голый, изнуренный и уставший стоял он среди неоглядного поля, усеянного крапивой да колючками. Вокруг могильная тишина. Лишь черт хихикал, забравшись на замшелую глыбу.

Жалкими глазами уставился человек на него.

— Прощай! — Черт помахал ему маленькой мохнатой ручкой и спрыгнул с глыбы.

— Бросаешь? — с отчаянием взревел человек.

- Ухожу, — сказал черт.
— Хоть бы знать, какой дорогой пришли сюда!
— Ни одна дорога не была твоей, — сказал черт и уменьшился в размере.
— Так что же делать? — забеспокоился человек.
— Ты сейчас как новорожденный, только... скидывай и обувь, — посоветовал черт.
— А потом?
— Скидывай, говорю.
Человек разулся. Черт схватил туфли и побежал.
— Черт! — закричал человек и бросился следом. Постепенно силы иссякали. Он чувствовал, как терзали колючки его ступни, как обдиралось все тело, как по капельке сочилась кровь, и все же он бежал, не оглядываясь, назад, полный боли, покинутый всеми. Только, казалось, догнал и протянул окровавленные руки, как черт обернулся красивой женщиной, потом стал целой кучей денег, и, когда человек решил, что еще миг и схватит их, ничего не было перед ним, кроме пустоты.

Перевод Даниила ДЖАНАШВИЛИ

«В своей идеологической работе мы должны учитывать, как отмечал на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, что «положительные сдвиги в мировой политике, разрядка создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной». От наших идеологических работников требуется на основе творческой разработки современных проблем общественного развития усиливать борьбу против буржуазной идеологии, проявлений правого и «левого» оппортунизма».

(Из доклада товарища М. А. Суслова на Всесоюзном совещании идеологических работников).

РОИИ МЕТРЕВЕЛИ

„...В СВЯЗИ С КОНКРЕТНЫМ ОПЫТОМ ИСТОРИИ“

(БОРЬБА С БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ НА
СТРАНИЦАХ ГРУЗИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ)

В постановлении ЦК КПСС о дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы говорится о необходимости вести аргументированную критику буржуазной идеологии, правых и «левых» ревизионистских концепций, разоблачать всякого рода фальсификаторов истории, пытающихся умалять международное значение Октябрьской революции, давать отпор антисоветизму и антикоммунизму.

Этого требует обостряющаяся идеологическая борьба между капитализмом и социализмом на международной арене. Растущие успехи социализма, международного и коммунистического движения, национально-освободительной борьбы народов про-

тив империализма вынуждают буржуазную пропаганду искать все более изощренные формы и методы идеологической борьбы, широко использовать различные реформистские и ревизионистские наскоки на марксизм-ленинизм, являющийся научной основой мировоззрения и революционно-преобразующей деятельности коммунистов, всех искренних поборников дела мира и социализма.

Все крупнейшие прогрессивные политические и социальные перемены в XX в. осуществлены рабочим классом и народными массами под руководством коммунистических партий. Именно с их деятельностью непосредственно связана новая всемирно-историческая реальность, которая состоит в том, что треть человечества уже идет по пути социализма и коммунизма, а народы многих других стран активно борются за социалистическую перспективу.

Какова роль энциклопедических изданий в борьбе с буржуазной идеологией? Стоит ли вообще эта проблема перед энциклопедическими изданиями? Может быть, достаточно при изложении содержания того или иного термина довольствоваться сухой констатацией объективных данных, избегая оценки?

Энциклопедия, так же как и все другие советские издания, должна быть глубоко совершенна с политической точки зрения. Каждый вопрос, каждую проблему необходимо освещать с твердых позиций марксизма-ленинизма и историзма: «Весь дух историзма, — указывает В. И. Ленин, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь исторически, лишь в связи с конкретным опытом истории».

Грузинская Советская Энциклопедия, как и энциклопедии других союзных республик, является универсальным справочником. Она призвана освещать все сферы человеческого знания и практической деятельности так, чтобы оправдать возложенную на нее практическую миссию с максимальной эффективностью. Основным в осуществлении мер по повышению эффективности нашего издания является смысловая сторона подготавливаемого материала. Главным и определяющим здесь должно стать распространение правды о реальном социализме, использование этого, говоря словами Л. И. Брежнева, могучего оружия в современной идеологической борьбе.

К сожалению, буржуазная пропаганда капиталистических государств в целом и, в частности, буржуазные энциклопедические издания «грешат» именно в изложении истины. Особенно искажается наша действительность, умалчиваются грандиозные достижения, происшедшие в нашей стране за годы советской власти, фальсифицируется история советского народа. Для придания более солидного веса антисоциалистическим измышлениям массовым тиражом издается литература в виде «научных» трудов, разработок, исследований. Большинству таких публикаций свойственны неприкрытый антисоветизм и антикоммунизм, тенденциозность и предвзятость в освещении теории и практики правящих коммунистических рабочих партий, использование многих старых штампов антикоммунистической пропаганды, а нередко — прямая клевета и фальсификация фактов.

В широком масштабе грешат, к сожалению, в изложении истины такие солидные издания, как французская («Ларусс»), немецкая («Брокгауз»), итальянская («Италиана»), энциклопедия «Ислам», претендующие на объективность публикуемой ими информации. Многие явления, связанные с советской действительностью, они передают в весьма искаженном виде, умалчиваются наши успехи, неправильно оцениваются многие явления. Для примера можно сослаться на информацию о Грузинской Советской Социалистической Республике, помещенную в ряде зарубежных энциклопедий. Здесь ясно одно — энциклопедии, издаваемые в капиталистических странах, явно используются в целях соответствующей идеологической пропаганды. Довказательством этому служат статьи об историческом прошлом и настоящем нашей республики. «Ларусс», например, весьма примитивно излагает вопросы, связанные с формированием рабочего класса и развитием социал-демократического движения в Грузии. Бледная оценка дана и революции 1905 г. Как утверждает Французская энциклопедия, это были всего лишь «серьезные волнения». Победа советской власти в Грузии толкуется как оккупация ее Советской Россией. Статья о Грузии выглядит весьма схематично (в этом отношении трудно высказать претензии, т. к. объемы статей определяются издателями), однако в ней много и детально говорится о меньшевистской авантюре 1924 г. Даже поверхностный анализ данных статей напоминает нам еще раз о той важной задаче, которую поставила перед советскими учеными Коммунистическая партия, говоря о необходимости развернуть широкую контрпропаганду, направленную на усиление борьбы против буржуазной идеологии. Руководствуясь этим указанием, необходимо дать критическую оценку многим зарубежным энциклопедическим статьям о нашей советской действительности.

Обратимся к другим примерам. В Английской энциклопедии присоединение Грузии к России расценивается, например, как «аннексия» (справедливости ради нужно сказать, что автор статьи положительно оценивает это явление и связывает его с национальным возрождением Грузии). Примитивно передана деятельность грузинской марксистской организации «Месаме даси».

В «Британике» и в «Ларуссе» определенное внимание уделено меньшевистской авантюре 1924 г., направленной против советской власти. Она расценивается ими как крестьянское восстание. Издатели энциклопедии и автор статьи далеки от мысли, чтобы объяснить действительную причину события — активизацию контрреволюционных партий в условиях оживления мелкобуржуазных элементов, имевшую место в период нэпа, или обратить внимание на то, что упомянутое выступление не было поддержано массами и носило локальный характер.

Распространение марксизма в Грузии «Брокгауз» объясняет «плохой аграрной структурой». «Плохая аграрная структура, — пишет автор статьи, — благоприятствовала распространению марксистских идей среди населения». Такая трактовка данного вопроса на страницах «Брокгауза» не требует комментариев. Тенденциозно освещается и установление советской вла-

сти в Грузии. «В начале февраля 1921 г. по инициативе Сталина части Красной Армии заняли Грузию. Под их воздействием 25 февраля 1921 г. Грузия была объявлена Советской Социалистической Республикой». Авторы и здесь грешат против истины. Созданный в это время Революционный комитет Грузии обратился с просьбой к В. И. Ленину о помощи трудящимся в борьбе с меньшевиками. Поэтому части 11-й Красной Армии помогли разгромить силы контрреволюции и установить советскую власть в Грузии.

Искажение фактов можно встретить и в других энциклопедиях, например, на страницах «Италианы», «Ислама». Отметим лишь, что в статье о Грузии, напечатанной в энциклопедии «Ислам», мы имеем дело с искажениями другого рода. В частности, здесь ясно видна протурецкая направленность и большое желание автора связать ряд событий с влиянием Турции на Грузию. Если верить статье, то турки жили в Грузии с древних времен. В XI—XII вв. пришедшие с юга турки появились в Грузии раньше сельджуков и поселились в Азербайджане, Армении и Грузии вместе с уже жившими там турками. Автор статьи, совершая рейд по истории Грузии, достигает кульминации, когда сельджуков объявляет не завоевателями, а освободителями Кавказа от нашествий крестоносцев. Автор «окрестил» династию Орбели (Орбелиани) турками. Оказывается, они «спасли» грузин от персидского господства и в награду навечно получили должность амирспасалара (главнокомандующего), сохранив ее до 1177 г., пока кипчаки не заняли эту должность. Автор утверждает, что турки пользовались большим влиянием при дворе царицы Тамар. Seriously дискутировать по этому вопросу невозможно. Даже неискушенный читатель поймет, что здесь налицо явное искажение фактов и рассуждения автора весьма примитивны и необидительны.

Вообще, если мы проанализируем материал, опубликованный в вышеперечисленных энциклопедиях, явно увидим острую тенденциозность в освещении прошлого и настоящего нашей страны. Они обходят молчанием подъем материального и культурного уровня советского народа, небывалый рост экономики, науки и техники за последнее шестидесятилетие. Игнорируется современная грузинская советская историография. Исторические очерки о Грузии в зарубежных энциклопедиях выполнены на уровне 20—30 гг., о чем свидетельствует и библиография.

Исходя из этого можно заключить, что в зарубежных энциклопедиях освещение грузинского материала как с фактической, так и с концептуальной стороны не соответствует реальной действительности. Целенаправленная тенденциозность информации служит определенным антисоветским целям. Следует отметить и то обстоятельство, что за последнее время капиталистические страны проявляют огромный интерес к Советскому Союзу. Это нашло отражение в расширении масштабов развития советологии.

За последние годы в США постоянно увеличивается потребность в специалистах высшей квалификации в области советологии.

Буквально нет такого периода ни в многовековом прошлом, ни в настоящем нашей страны, который не привлек бы внима-

ния американских ученых. Хотя труды (диссертации) о дореволюционном прошлом России написаны с разной степенью знания фактов и добросовестности, бросается в глаза их определенная направленность. Особенно велик интерес к различным событиям, связанным с расширением границ Российской империи. Степень доктора философии была присуждена в Джорджтаунском университете за диссертацию «Русская аннексия Имеретинского царства в 1800 — 1815 годах в свете русско-османских отношений». Утверждение автора об «аннексии» Имеретии противоречит многочисленным документам, доступным каждому исследователю. Они публиковались множество раз и до революции и после нее (например, обращение царя Ираклия в 1782 г., обращение царя Георгия XII в 1800 г. и другие).

Мы привели все эти примеры для того, чтобы еще раз подчеркнуть, какие значительные и ответственные задачи стоят перед энциклопедическим изданием. Грузинская Советская Энциклопедия призвана дать отпор всякого рода измышлениям наших идеологических врагов. Она должна дать принципиально правильные, идейно стройные, основанные на принципах марксизма-ленинизма ответы на целый ряд вопросов. Правдивое изображение фактов поможет нам развеять всевозможную фальшь и измышления о советской действительности, на которые способны авторы статей зарубежных энциклопедий. В Грузинской Советской Энциклопедии отражается все лучшее, что накоплено человечеством на протяжении истории, новейшие достижения науки и техники, те социальные сдвиги, которые произошли на нашей планете за последнее время.

Чем могут ответить советские энциклопедические издания на нападки буржуазной пропаганды, какое место должны они занять в борьбе двух идеологий, в чем эта борьба должна выражаться?

Задача прежде всего состоит в том, чтобы сделать Грузинскую Советскую Энциклопедию глубоко научным и политически безупречным изданием. При этом самым острым оружием против наших идеологических врагов должно стать широкое отображение советской действительности, достижений науки и техники, дружбы народов, интернационализма, рожденных ленинской национальной политикой, крепнущих экономических и культурных связей между союзными республиками. К освещению истории, экономики и культуры зарубежных государств нужно подходить с классовых позиций, показывать преимущества социалистического уклада по сравнению с другими системами. Сведения о том или ином деятеле должны сопровождаться политической оценкой.

Вот какие принципы лежат в основе Грузинской Советской Энциклопедии. Именно это — прогрессивное, а значит советское, противопоставляется лживым проповедям наших идеологических противников.

В Грузинской Советской Энциклопедии большое внимание уделяется наиболее полному отображению советской действительности. Помимо страноведческих, эта тема служит лейтмотивом ряда других статей. Для этого мы стремимся не только к увеличению объема статей по советскому периоду, но и пе-

редаче характера тех мероприятий советской власти, которые привели к бурному росту экономики и культуры нашей страны. Для примера сошлемся на статью «Охрана природы» (2 т.). После определения охраны природы и ее значения в статье излагаются многочисленные мероприятия, проведенные советской властью по охране природы, рассматривается суть законодательных актов, принятых союзным и республиканскими правительствами в 1958, 1972, 1974 годах.

Обратимся к другой статье — «Боржом» (2 т.). Здесь излагается материал по созданию города в послеоктябрьский период, по его преобразованию за годы советской власти, указываются имена русских архитекторов, принимавших участие в строительстве этого прославленного курорта.

Естественно, что ряд статей по вопросам развития различных отраслей знания, просвещения, здравоохранения, деятельности научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений и др. сами по себе уже отражают советскую действительность, не говоря о чисто политических и философских статьях, где излагается учение марксизма-ленинизма, социалистическая природа нашего государства, политический курс партии и правительства на различных исторических этапах. То же самое можно сказать о статьях, рассказывающих о революции и войнах, где бок о бок сражались представители всех народов Советского Союза, о социалистическом планировании и экономике, промышленности и сельском хозяйстве. В них ясно отражается курс нашей энциклопедии. Только простое перечисление академий наук, большинство из которых рождены, как известно, Великим Октябрем, высших учебных заведений и ведущих научно-исследовательских учреждений, без соответствующей информации об их деятельности, производит уже определенное впечатление, т. к. свидетельствует о той огромной заботе, которую проявляют партия и правительство о развитии науки, образования и о воспитании советских людей. Сопоставление советских и зарубежных энциклопедий даже на уровне словников свидетельствует о той огромной разнице, которая существует между этими изданиями, а если к этому добавить и ту информацию, которая предлагается в наших статьях, хотя бы по вопросам высшего политического, экономического, медицинского, технического, юридического образования, становится ясно, какой вдохновляющей силой могут обладать простые энциклопедические статьи, написанные по такому принципу.

Существенным преимуществом социалистического общества является братская экономическая взаимопомощь народов Советского Союза, что отражено во многих статьях Грузинской Советской Энциклопедии. Кроме статей, посвященных строительству крупнейших промышленных объектов союзного значения — «Байкало-Амурской магистрали», нефтепроводу «Дружба», Волжскому автомобильному заводу в Тольятти и др., в которых передан безграничный энтузиазм представителей всех союзных республик и социалистических стран, благородное дело экономической взаимопомощи освещается и на национальном материале. Точнее, эта тема красной нитью проходит через весь материал советского периода. Например, в статье о ЗАГЭСе, посвященной Верхнеавчальской гидроэлектростанции, приве-

ден волнующий факт о том, что только в 1 квартале 1923 г. Тбилисский городской Совет получил для этой стройки заем из союзных средств в 750 тыс. рублей золотом. В статье рассказывается также, что ЗАГЭС специальным постановлением была объявлена общегосударственной стройкой. В другой информации о «Тбилисском метрополитене», строительство которого велось уже в наши дни, подчеркивается, что кроме проектных работ, осуществляемых в содружестве с сотрудниками Московского проектного института (в связи с чем в Тбилиси был открыт филиал этого института), в сооружении Тбилисского метрополитена вместе с нашими специалистами участвовали московские, ленинградские и киевские метростроевцы. Интересные факты приведены и в статье «Зестафонский ферросплавный завод». Здесь отмечается, что продукция этого завода поставляется во все союзные республики и в 30 зарубежных государств. То же можно сказать о многих других статьях.

В Грузинской Советской Энциклопедии находят отражение даже малейшие проявления классовой солидарности трудящихся в прошлом.

При освещении явлений нового времени, с ростом классового самосознания трудящихся масс, интернационализм представляется реальной силой. В первую очередь, с позиции пролетарского интернационализма в издании освещается революционное движение народов, входящих в Российскую империю.

Показано также участие передовых представителей различных народов в освободительном движении европейских и других стран. В этом отношении богатый материал дает Великая Французская революция, освободительное движение в Италии, Греции, Болгарии, Венгрии, Польше, Парижская Коммуна, испанские интернациональные бригады, антифашистское движение народов всех стран.

Дружбе народов СССР, как высшему проявлению интернационализма, ГСЭ уделяет особое внимание. При подаче справочного материала мы стремимся соблюдать такое соотношение объема, чтобы читатель смог широко познакомиться с жизнью, экономикой, культурой народов СССР, с достижениями в коммунистическом строительстве.

Везде, где подается материал о той или иной союзной республике, ее экономическом, социальном и культурном развитии, отмечается (по возможности с помощью цифровых данных), что эти достижения — плод бескорыстной помощи всех советских народов. В Грузинской Советской Энциклопедии с помощью фактических и цифровых данных показывается та большая роль, которую сыграли братские народы в деле индустриализации Советской Грузии. В первую очередь — роль великого русского народа в социально-экономическом и культурном развитии народностей бывшей Российской империи в послеоктябрьский период.

На примере революционных организаций и их деятельности в Закавказье Грузинская Советская Энциклопедия конкретно показывает отношение русских передовых людей к национальным и социальным проблемам грузинского народа, их роль в распространении освободительных идей, в первую очередь марксизма. В статьях, посвященных истории Компартии

Грузии, на первый план выдвинута совместная борьба русских, грузинских, армянских, азербайджанских и других революционеров. Широко показывается их активное участие в революционном движении России, в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, в строительстве коммунизма в нашей стране.

В статьях о Компартии Азербайджана, 26-ти бакинских комиссарах, революции 1905—1907 гг. подчеркнута интернациональное братство народов Закавказья, их общий вклад в борьбу за лучшее будущее.

В Грузинской Советской Энциклопедии особое внимание уделяется историческим традициям солидарности кавказских народов, совместным войнам с общим врагом, творческому содружеству интеллигенции, их вкладу в дело сближения наших народов, освещаются интернациональные традиции города Тбилиси.

В статье о Великой Отечественной войне 1941—45 гг. подчеркивается монолитная дружба народов Советского Союза как краеугольный камень могущества нашего государства.

В Грузинской Советской Энциклопедии широко показаны успехи советской науки, техники и культуры. С первых дней существования Советского государства партия и правительство, лично В. И. Ленин проводили политику, направленную на неуклонный подъем научно-технического и культурного уровня страны. Само существование рабоче-крестьянского государства, возможность построения социалистического общества были поставлены в зависимость от того, справится ли страна с вековой отсталостью. В статьях ГСЭ наглядно показано, как планомерно, с первых ленинских декретов Советское государство осуществляло мероприятия, направленные на подъем и дальнейшее развитие науки и техники, культуры и образования.

Развитию советской науки посвящаются специальные разделы в статьях о конкретных науках и научных дисциплинах (астрономия, агрономия, археология, ботаника, биология, география, геология, биохимия, медицина, математика, история, литературоведение, искусствоведение и т. д.). Вопросы организации науки в СССР освещены в статьях об Академии наук СССР и академиях наук союзных республик, в разделе «Научные и культурно-просветительные учреждения» (в статьях о союзных республиках). О широте сети научных учреждений говорят многочисленные НИИ, важнейшие вузы, обсерватории, лаборатории и другие очаги науки, о которых в ГСЭ помещаются статьи (НИИ кибернетики АН ГССР, НИИ физиологии, институты языковедения, истории экономики и права, кардиологии, Абастуманская астрофизическая обсерватория; важнейшие НИИ Союза и братских республик). Данные, приведенные в этих статьях, наглядно показывают широту размаха научной работы в СССР. Этой же цели служат многочисленные биографические статьи о советских ученых.

Вопросу развития науки в СССР отводится соответствующее место в статьях: «Коммунистическая партия Советского Союза», «Великая Октябрьская революция», «В. И. Ленин».

Широко освещаются в нашем издании вопросы становления и развития советской техники — основы экономического

прогресса страны. Читатель найдет информацию об истории зарождения и настоящем состоянии той или иной отрасли в специальном разделе статьи «Техника», а также в статьях об отраслях техники. Исторические справки, в которых особо выделен советский период, прилагаются к статьям: энергетика, горное дело, металлургия, транспорт, строительная техника, военная техника, машиностроение, радиотехника, вычислительная техника, сельскохозяйственная техника и т. д.

Современный уровень и перспективу развития техники можно проследить в статьях о союзных республиках (главным образом, в разделе народного хозяйства). В нашем издании читатель найдет множество статей, посвященных отдельным техническим методам, технологическим процессам, машинам, установкам, станкам, сооружениям, фабрикам, заводам, авиационной, дорожной, промышленной, строительной, бытовой технике, в которых особо будут выделены отечественные образцы, марки, серии.

Созданное в октябре 1917 года Социалистическое государство использовало наследие всей передовой человеческой культуры. Итогом и логическим революционным развитием этого явилась новая пролетарская, социалистическая культура, вобравшая в себя все лучшее и отторгнувшая все отсталое, тормозящее развитие общества. Первопроходцам новой жизни приходилось во многих областях поднимать целину, ломать старое и отжившее, насаждать новое, передовое. Историю советской социалистической культуры, как диалектический процесс становления качественно нового, можно будет проследить в нашем издании в статьях с самой различной тематикой. В статье «Культура» показано, как вследствие культурной революции в нашей стране создавалась и утверждалась национальная по форме и социалистическая по содержанию новая культура. Указываются ее основные черты: народность, коммунистическая идейность и партийность, социалистический коллективизм и гуманизм, интернационализм и советский патриотизм. Эти же аспекты советской культуры освещаются в статьях о различных областях культуры: о литературе, искусстве, музыке, театре, балете. Говоря о высоком назначении литературы и искусства, авторы подчеркивают социальную функцию советской литературы и искусства. В статьях о направлениях, школах и группировках в буржуазном искусстве и литературе показывается их классовая сущность. Когда говорится о направлениях, основывающихся на индивидуализме и отмежевывавшихся от социальных проблем, подчеркивается их антигуманизм, в конечном итоге неотвратимо ведущий к формализму и творческому тупику.

Вопросы советской культуры широко освещаются в статьях о союзных и автономных республиках в соответствующих разделах (исторический очерк, просвещение, научные и культурные учреждения, литература, искусство). Национальные культуры показываются как неотделимые части общей советской социалистической культуры. Взаимообогащаясь, они вносят в общую социалистическую культуру свое, неповторимое. Важнейшим культурным учреждениям — центрам просвещения, библиотекам, творческим союзам, театрам, журналам, газетам, издательствам — в ГСЭ посвящаются отдельные статьи.

Большое место уделено в ГСЭ советским деятелям культуры писателям, артистам, композиторам, исполнителям, художникам.

В пределах своих объемных возможностей Грузинская Энциклопедия старается дать своему читателю всестороннюю проверенную информацию о капиталистических странах. Излагая историю той или иной страны, ГСЭ уделяет большое внимание социальным движениям, народным восстаниям, показывает их классовую суть. Рассказывая о литературе и искусстве этой страны, ГСЭ стремится выявить прогрессивные тенденции, в первую очередь тенденции социалистического реализма, изблечить реакционные, антигуманистические течения.

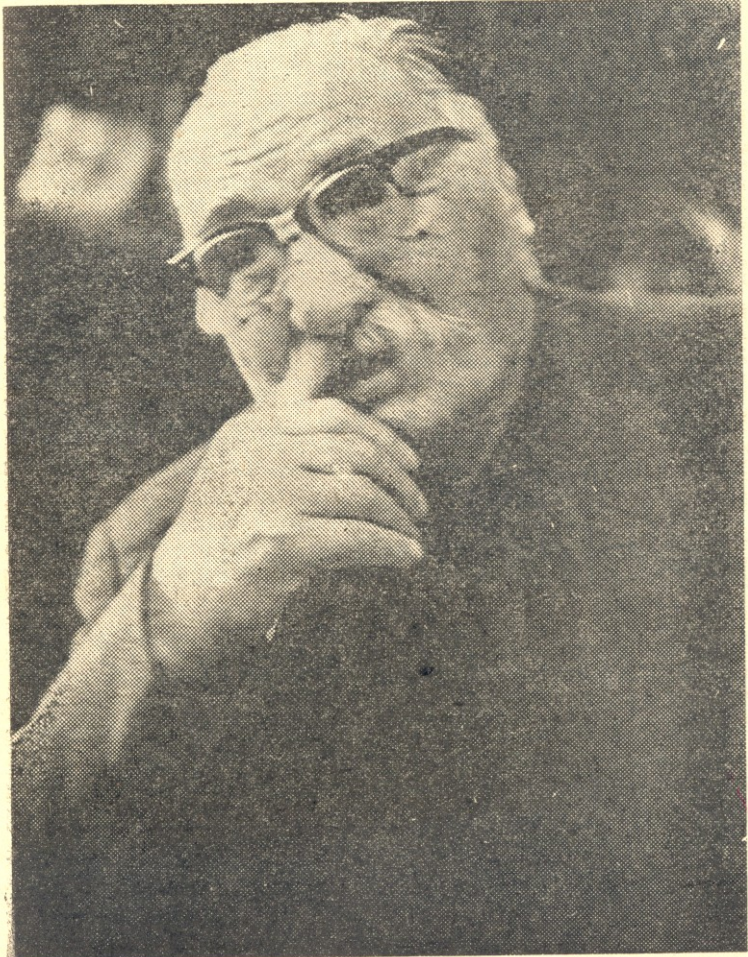
Грузинская Советская Энциклопедия, помещая материал о тех или иных событиях и лицах, стремится дать им правильную марксистско-ленинскую оценку. Без этого в период обострившейся идеологической борьбы немислима ни одна современная энциклопедия. Такой оценкой, как правило, сопровождаются циклы статей о политических партиях, литературных течениях, революциях, восстаниях, народно-освободительных войнах, о персоналиях (эмигрантах, военных преступниках) и т. д.

Кроме статей, имеющих чисто политический характер, ГСЭ показывает читателю свою позицию при изложении некоторых литературных и художественных течений, например, авангардизма, академизма и др. и особенно при оценке таких явлений, как, например, антисемитизм. В статье ясно выражена позиция Советского государства и всего нашего народа к этой враждебной политике, раскрыта ее сущность, история возникновения. Отмечается, что сразу же после победы Великого Октября одно из первых постановлений, подписанных В. И. Лениным 25 июня 1918 года, было направлено на решение национального вопроса. В статье излагается, как полностью был ликвидирован у нас антисемитизм, в противовес некоторым другим странам, например, Германии, где это явление привело к катастрофическим последствиям.

ГСЭ отдает предпочтению освещению национального материала. Конечно, статьям о грузинских деятелях отводится большее количество знаков, чем в БСЭ, где эти деятели рассматриваются на более широком фоне. При таком подходе кажется нормальным, что национальному поэту в республиканских энциклопедиях отводится больше места, чем даже более видному представителю мировой литературы. Грузинскому новеллисту Шю Арагвиспирели дается 3000 знаков. Это прекрасный новеллист, мастер психологического этюда, но по мастерству, по резонансу творчества и значению для мировой литературы, конечно, фигура менее крупная, чем, скажем, Стефан Цвейг, статья о котором насчитывает 1200 знаков. Тут надо соблюдать меру и не нарушать структуры универсальности энциклопедии.

Партия и правительство возложили на работников грузинской энциклопедии важную миссию — быть издателями первой универсальной национальной энциклопедии. Это весьма почетная и ответственная задача. И надо сделать все для ее выполнения.

ПАМЯТИ САНДРО ШАНШИАШВИЛИ

ГОРЕЧЬ УТРАТЫ

Большой жизненный путь прошел Сандро Шаншиашвили, без малого век. На протяжении 75 лет выступал он на страницах газет и журналов как поэт, драматург, прозаик и публицист.

Все его помыслы и заботы были о Родине, родном народе, прошлом, настоящем и будущем нашей страны. Множество поколений выросло на его стихах и поэмах, на всем его творчестве, которое воспитывало благородные чувства у молодежи, у собратьев по перу, у всего народа.

Какой доброй души был он человек! Какие прекрасные произведения созданы им, сколько славных дел сделано им! Велики заслуги Сандро Шаншиашвили перед нашим народом. Его слово навечно останется в наших сердцах. Он снискал всеобщую к себе любовь при жизни, и мы с великой грустью прощаемся с ним.

Серго КЛДИАШВИЛИ

НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Рухнул столп литературы, глубоко уходящий корнями в родную поэзию и драматургию. Театр им. Руставели многим обязан ему — «Некоронованные цари», «Анзор», «Арсен», «Имеретинские ночи» и др. в течение многих лет ставились на грузинской сцене. Талант Сандро Шаншиашвили проявился и в прозе. Все его творчество согрето истинным лиризмом, многие стихи С. Шаншиашвили вечно будут жить в грузинской поэзии.

На протяжении всей своей жизни он с достоинством носил имя грузинского писателя и настоящего человека. Пусть последнее его пристанище — грузинская земля будет пухом поэту, отдавшему свою жизнь служению ей.

Демна ШЕНГЕЛАЯ

САНДРО ШАНШАШВИЛИ

Гомборский лес от счастья плакал,
Рождался мир в глухой ночи,
Травинки, свет лова из мрака,
Бетон пронзали, как мечи.

В то лето было все впервые,
Я шел на песенной волне,
Свои объятия живые
Открыли Джугаани мне.

Я до твоих дверей к рассвету
Добрался, путь пройдя большой.
Поэт всегда идет к поэту,
Как брат, с открытою душой.

Ты у порога брата встретил,
Лежали годы на плечах,
Но был твой взгляд и добр и светел,
Как виноград в зари лучах.

С тех пор не раз желтели клены,
И таял весен быстрый дым,
Но и сейчас на мир зеленый
Глядишь ты взором молодым.

Где в зимний холод сердцу греться,
Когда нет солнца у окна?
Я так отвечаю: с добрым сердцем
И седина — не седина.

С гор Джугаани на рассвете
Светло ты смотришь на восток,
Как лишь влюбленные и дети,
И виноградник твой высок.

Мой друг далекий с даром дивным,
Учитель в песенной судьбе,
Пусть весна вселенским гимном
Живет в тебе, поет в тебе.

Терзайся юношеской жаждой
Вершить добро, борясь со злом,
Спешి пройти тропинкой каждой,
Еще не пройденной в былом.

Поэзии бессмертный факел
Сродни рассветному перу.
И пусть пылающие маки
Роняют искры на ветру.

Сандро ШАНШИАШВИЛИ

МАЛЬЧИК ГИГЛА

Поэма-сказка

* * *

У царя свои заботы.
 Дочь — любимицу царя,
 ежели увидит кто-то —
 ахнет: чистая заря!
 Дарисал зовут царевну,
 имя — красоте под стать,
 но одно в царевне скверно:
 не сумели воспитать.
 Не умна, не расторопна,
 любит праздное житье.
 Слуги — даже неудобно! —
 кормят с ложечки ее.
 То в зевоте щурит глазки,
 то в дремоте целый день.
 Даже детские загадки
 разгадать царевне лень.

Хвост крючком,
 шпоры торчком,
 ясно даже дураку —
 кто кричит кукареку?!

— Это белка! —
 Слуги в смех:
 — Дарисал, подумай лучше!
 — Это утка!
 — Смех и грех!
 Ты сегодня не получишь
 Платье новое!

Ну как
 можно кукарекать утке?
 — Я хочу, чтоб было так!
 Спать хочу! —

И снова сутки
 спит она. Ей нипочем,
 что придворные смеются.
 Только льстец визирь Какуца
 ей внушает перед сном:
 — Всех красивей,
 всех умнее,
 Дарисал, конечно, ты!
 Так пред ней сгибали шеи
 подхалимы и шуты!

* * *

Чуть забрезжила заря —
 отрок Гигла у царя.
 Царь сказал:
 — Чтоб убедиться,
 ты пройдоха иль мудрец,
 я хочу, как говорится,
 испытать тебя, юнец!
 Дочь моя больна недугом
 лени, спеси, баловства,
 я прошу тебя, будь другом,
 вылечи без хвастовства!
 Через сто двенадцать дней
 чтобы сделалась умней,
 работающей и прилежней!
 Ну а коль вернется прежней?!
 Если вылечишь — женись,
 скакуна даю в придачу,
 а не сможешь — берегись,
 навсегда в тюрьму запрячу,
 или просто дам пинка,
 иль повешу, как щенка!
 Наш герой не уstraшилcя,

и, подумав, согласился,
взял ленивую царевну
и отправился в деревню...

* * *

Маринэ гусей кормила,
свиньям пойло заводи́ла,
словом, натруди́лась всласть.
Мул кричит, барашек блеет...
Глядь, в карете к дому едет
Гигла, словно знатный князь!

А в карете с Гиглой рядом,
хвастаясь своим нарядом,
что за девушка сидит?
Сам визирь ее выводит,
к Маринэ ее подводит;
Получите! — говорит.

В горницу вошла царевна,
огляделась и мгновенно
повалилась на кровать,
рот открыла, захрапела...
Маринэ оторопела:
как прикажете понять?

Гигла потчует придворных,
а визирь ему твердит:
— Вижу, парень ты проворный,
но скорее победит
мышь кота,
скорей кузнечик
взвалит на плечи слона,
нежели ее излечишь —
избалована она!
Гигла спорит:
— Если розу
не укутать от мороза,
ежели не поливать,
не спасать ее от зноя,
не давать ей перегноя —
розы вам не увидеть!

Все придворные смотались,
Гигла с матерью остались:
— Слушай, мама Маринэ,
есть царевно повеленье
от сонливости и лени
излечить царевну мне.

Если же минуют сроки,
но царевнины пороки
все останутся как есть,

то меня в тюрьму отправят,
иль утопят, иль отравят,
словом, головы не снесут!

Если хочешь, чтобы Гиглу
злая участь не постигла,
помогай ему во всем.
Мы рассчетливо и споро,
но возьмем царевну в шоры,
вылечим ее вдвоем!

* * *

Мама Маринэ в беседке
речь заводит о соседке
при царевне неспроста,
чтобы все слыхала та.
Мол, была Нино ленива,
и спесива, и сонлива,
а потом за ум взялась,
от безделья отреклась.
Несравненная, она
стала как цветок стройна!
Выйдет из дому — и двор
словно светом озарится!
А какая мастерица
сделалась Нино с тех пор!
Вышивает, вяжет, шьет,
белил полотно на речке,
по субботам в жаркой печке
хлебы вкусные печет.
Гигла вторит маме в лад:
— Все родные и подруги
о Нино одно твердят —
просто золотые руки!
Прилежаньем и трудом
славится соседка наша.
Полон дом ее, как чаша,
счастьем, снедью и добром.
Чья душа к труду привычна —
некогда скучать тому,
а бездельники обычно
чахнут в собственном дому!

Дарисал лежит, стеная:
— У меня судьба иная,
я работать не должна,
я царевной рождена!

* * *

Дарисал проснулась в полдень,
просит пить, как в полусне.
Ну, а Гигла где-то в поле,
в огороде Маринэ.

Дарисал мрачна и гневна,
разобижена до слез.
Жаждой мучится царевна,
кто бы ей воды принес?
На столе кувшин с водою,
и в ручье журчит вода,
но чтоб шевельнуть рукою
ей, царевне? — Никогда!
Ждет царевна на перине,
чтобы слуги к ней пришли,
напоили, накормили
и одетая помогли.

* * *

Солнышко ушло за горы,
опустился мрак ночной.
Мать и сын пришли домой,
начинают разговоры.
Гигла спрашивает мать:
— Я хочу тебе воздать
за твои труды-заботы.
Где трудилась ты и что ты
сделала за целый день?
— Я поправила плетень,
я Никору подоила,
я Чикору накормила,
яйца собрала из гнезд,
лошади дала овес,
полила на огороде
и капусту и морковь,
так что я весь день в заботе—
ты мне ужин приготовь!

Сын смеется:
— Я поболее
дел сегодня совершил,
я на виноградном поле
изгородь сменить решил.
Двадцать три вязанки кольев
я из леса притащил!
Десять раз облился потом,
вкалывал до темноты.
Сыра с хлебом заработал
я поболее, чем ты!
Гигла жилистой рукою
на глазах у Дарисал
матери отрезал долю,
пододвинул и сказал:
— Уговор у нас все тот же—
сколько сделал—столько ешь!
Значит, ты мне вдвое больше
долю, Маринэ, отрежь!
Дарисал, молчит, бледнеет.

Что такое? Где она?
И от ярости худеет,
чувствует, что голодна.
Сын и мать за стол садятся,
ей ни крошки не дают.
Что ей—плакать или смеяться?
Сами кушают и пьют.
Про голодную царевну
и не помнят мать и сын,
делят честно и степенно
черный хлеб и белый сыр.

* * *

Дарисал на третий день —
есть охота! — ищет дела,
позабыла спесь и лень,
веник под столом узрела,
вытащила, оживилась,
вымела из дома грязь,
от усталости свалилась,
в уголочке притулясь...
Гигла с матерью вернулись
в сумерках и за столом
радостно переглянулись,
видя подметенный дом.
Сели ужинать. Внезапно
слышат голос из угла:
— Я не доживу до завтра!
Я весь мусор подмела!
Дайте хлеба и воды! —
Гигла похвалил царевну,
положил ей на тарелку
ровно за ее труды.
— Коль потрудишься
подольше —
заработаешь побольше!
Дарисал добавки просит,
хлебушка еще ломоть,
говорит, что завтра хочет
всю картошку прополоть!
Гигла ей отрезал хлеба,
доброй ночи пожелал...
Утром, чуть зарделось небо,
пробудилась Дарисал.
Встала,
убралась,
умылась,
без служанок обошлась,
в огороде натрудилась,
в хлеве наработалась.

* * *

С каждым днем она
прилежней
и толковой с каждым днем.
В ней — ее ленивой, прежней
мы уже не узнаем.
Дарисал корову доит,
Дарисал посуду моет!
Добрые слова соседи
о царевне говорят.
Слыша разговоры эти,
Гигла несказанно рад:
ужто перевоспитал
он лентяйку Дарисал?
Маринэ царевну хвалит —
из нее выходит толк:
чихиртму царевна варит,
чисто накрывает стол,
подает не уставая
зелень, лобио, вино —
это в доме честь большая,
так у нас заведено!
А соседская девчонка,
как любимая сестренка,
к ней относится с добром,
к вечеру заходит в дом,
и зовет ее на луг
поиграть в кругу подруг.

* * *

Как-то утречком царевна
мула вывела из хлева —
хворосту охапки три
на растопку привезти.
Царь сидит в своем дворце
с грустной думой на лице:
— Ох, судьба!
Цари и властвуй!
Но без дочери тоска...
Где визирь? —
Визирь губастый
изогнулся, как дуга.
— Оседлать коня!
Пора нам
к дочери!
Давно пора!
...Свита длинным караваном
выползает со двора.
Конь хорош! Как звезды,
искры
вылетают из-под ног...

О судьбе бедняги-Гиглы горестно вздохнул кто-то

— Ловок паренек, и все же
не спасется от петли!
Едет царь, за ним вельможи,
видят — мул трусит вдали.
А на муле — дров вязанка,
и в седле сидит крестьянка,
у нее такая стать,
что царевну — не признать.
Дарисал едва взглянула —
всех признала в тот же миг
и погнала рысью мула
по ухабам напрямик,
чтобы радостную весть
поскорей домой принести!

Мул несется, пыль клубится,
царь на скакуне стремится,
чтобы пылью не дышать,
эту хамку обогнать.
— Что за наглость!
Что за дерзость!
Высший свет глотает пыль! —
— Что угодно, ваша
светлость? —

сбоку подскочил визирь.
— Сядь на моего коня!
Догони девчонку с мулом!
Поскакал визирь...
С понурым
видом вслед ему смотря,
думал царь:
— Когда б царевна
столь бойка была бы, верно,
как отец и человек
был бы я счастливей всех!
Но к нему визирь подходит,
девушку к нему подводит —
ахнул царь, не веря сам
царственным своим глазам!
— Дарисал!
Неужто?
Ты ли? —

Слезы счастья оросили
градом бороду царя!
— Полюбуйтесь, визиря!
Неужели мне не снится
сладостный и дивный сон?..
Плачет царь и насладиться
радостью не может он!

* * *

Пересел визирь на мула,
а царевна на коня,
Двинулись с веселым гулом,
шумно песнями звеня.
Едут, словно как на свадьбе,
вот подъехали к усадьбе,
Гигла вышел из ворот,
в гости всех гостей зовет.
Двух бычков на угощенье
Гигла быстро заколол,
показал гостям селенье,
на веранду их провел.
Под ногами на веранде
разрыхленная земля...

— Вы покамест погуляйте,
дам сигнал на ужин я!
Стол под кроною ореха
Дарисал накрыть спешит,
а гостям уж не до смеха —
разгулялся аппетит.
Дарисал несет кувшины,
и закуски, и хлеба,
а голодные мужчины
топчутся туда-сюда,
утоптали землю плотно,
больше некуда!

Царя
в сторону зовет плутовка,
тихо шепчет, говоря:
— Сделай что-нибудь, отец,
ну сходи хоть за водою!
Кто не трудится — не ест:
правило у нас такое!
Царь от смеха — за живот:
с ним такого не бывало!
Гигла голос подает:
— Всем за стол! Пора
настала!

Поработали на славу!
Заработали по праву:
все, что на столе лежит, —
съесть и выпить надлежит!
И тогда в тени ореха
сразу началась потеха —
слышно—челюсти скрипят!
Гости крепкими зубами

с тостами и с похвалами
бычки косточки дробят!
Молвил царь:

— Ты молодчина!
Ты достоин всех похвал!
И мудрец ты, и мужчина —
будь же счастлив с Дарисал!
Но, коль у тебя обычай,
что превыше всех приличий:
лишь работник вправе есть —
почему в твоём застолье
нам такое хлебосолье
и за что такая честь?

Гигла был в тот вечер смелым.
Он ответил:

— Нужным делом
каждый занят был из вас:
вы, утрамбовав веранду,
заработали награду
и заслуженно сейчас
веселитесь без сомненья!
Впредь всегда мои владенья
вам открыты — исполать!
Я для вас всегда занятье
разыщу!
Тут царь в объятья
Гиглу взял — и целовать!

* * *

Я гулял на пире том,
вино черпал решетом,
скатывал туман в снежки,
получались шашлыки,
я на нитку их нанизывал,
на льду жарил — рот
облизывал,
потому что чачу пил
и лишь губы обмочил,
а как выпили винца —
сразу сказку сложил
в честь

Гиглы
молодца!

Перевод
Станислава КУНЬЕВА

ЧТО МНЕ ВСЕГО ДОРОЖЕ

* * *

Что мне всего дороже?
Колыбельная мамы моей.
А еще — бабулина сказка.
Они мне всего милей.

Я и сказку и песенку
Знаю уже наизусть,
Но слушаю и мечтаю:
Только бы не заснуть...

ВЕСНА

Скинула гора
Папаху,
А за нею —
И рубаху.
Кап-кап-кап! —
Звенит капель.
К нам с горы
Бежит апрель.

ЛИСА И МУРИЯ

Не зря нашей Мурии
Нынче не спится.
Крадется в курятник
Злодейка лисица...

Вдруг длинная цепь,
Будто гром, загремела,
И Мурия в битву
Бросается смело!

Изрядно изодрана
Лисья шубейка.
Дорогу в курятник
Забудет злодейка.

Проснулись несущки,
Открыли глаза.

Представьте:
Им даже не снилась
Лиса...

ШУСТРЫЙ ВОРОБЕЙ

Пичуги облепили сад,
На чучело и не глядят.
Они глядят на виноград,
Все кисточки клюют подряд.

И вот, представьте, воробей
Налакомился всех скорей,
И спит, шельмец и лиходей,
В папахе чучела, ей-ей!

Другие птицы там и тут
Одни лишь косточки клюют,
А этот с виду лилипут
На деле преогромный плут!

РАЗГОВОР С БОЖЬЕЙ КОРОВКОЙ

Ты куда от меня
Снова прячешься?
Дай мне разглядеть
Твое платье.
До чего же оно
Хорошее!
Я хочу себе сшить
Похожее.

ЭКА И ЁЖ

Ана-бана,
Ана-бана,
В нашей сказке
Нет обмана.
Как-то раз
Осенним днем

Эка встретила
С ежом.
Ёжик
Яблоко нашел,
На иголки
Наколел.
Эка встала
На пути,
Не дает
Ежу пройти.
В ужасе
От этой встречи
Еж сказал
По-человечьи:
— Пропусти меня,
Соседка,
Я спешу
К голодным деткам!
Эка сразу
Отошла
И ежу
Пройти дала.

ЖЕЛУДЬ И ДУБ

С ветки на землю
Шлепнулся желудь,
Желудь созревший,
Желтый, тяжелый.

Он от испуга
Стонет и плачет,
И желудиных
Слезок не прячет.

— Что же мне делать,
Дуб-исполин?
Эй, отвечай-ка,
Я же твой сын!

— Что тебе делать?
В землю зарыться,
Чтобы к весне
В дубок превратиться!

Перевод Л. МИЛЯ

К 120-ЛЕТИЮ ՅԵՐԱՅԵՍՅԱՆ
ՅՈՋԷՆՈՐՈՅՅՅ

СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
КОСТА
ХЕТАГУРОВА

Георгий ДЗУГАЕВ

ИСТОКИ ПОЭЗИИ КОСТА — В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Говоря о народности творчества великого осетинского поэта Коста Хетагурова, профессор В. И. Абаев писал: «Поэтические создания народа получали в его руках настолько совершенную, чеканную форму, что, возвращаясь в народ, они вытесняли их уже только в той форме, в какую они отлиты гением Коста»...

И действительно, поэт не только глубоко изучил осетинский фольклор во всех его жанрах, но и критически подошел к его использованию. Вникнув в природу поэтико-народной песни, он все наиболее ценное в ней перековал в своей поэтической

кузне и создал произведения, вошедшие в одну из популярнейших и любимейших в Осетии книг — «Осетинская лира».

Все стихи и поэмы, составившие этот сборник, глубоко народны. Ряд произведений Коста представляет собой обработку фольклорных мотивов и сюжетов. Ярким примером их творческого освоения поэтом может служить осетинская охотничья песня «Афсати».

Сюжет ее вкратце таков: несколько богатых юношей из фамилии Бадилат в блестящих нарядах, с отличным оружием отправились на охоту; они просят у бога зверей — Афсати послать им оленя. Афсати же велел своему сыну отпустить им поросенка. Богатые охотники открыли огонь по поросенку, но «ни единого волоска не сорвали с него»; наоборот — поросенок истребил их всех и «навалил друг на друга». Позднее туда явился бедный охотник Кудзи в простом одеянии, с простым ружьем. Но он уже не просит Афсати послать ему какую-либо дичь. Увидев дикого кабана, Кудзи начал осторожно к нему подкрадываться. Раздался выстрел, и кабан упал замертво. Охотник взвалил добычу на плечи и, прихватив оружие погибших богачей, поспешно удалился.

Как видим, в песне прославляется обездоленный, но отважный и смелый охотник, противостоящий жалким и трусливым богатеям.

Не изменяя идейной направленности этой песни, Коста коренным образом переработал ее в художественном отношении, перестроил композицию, изменив строфы и ритмику. Он написал ее четверостишиями с четкой, строго выдержанной ритмикой. Вот как выглядит эта песня, к сожалению, в далеко не соответствующем оригиналу переводе, после его обработки:

Юноша проворно
К леднику шагнул,
Со стремнины горной
В бездну заглянул.

И без промедленья
Крикнул: Слышу зов —
Просят там оленя
Девять ездоков.

Кони статны. Ружья
Крымские блестят...
— Нам олень бы нужен —
Пусть худой! — кричат.

(Перевод А. Шпирата).

В народной песне «Афсати» насчитывается примерно пятьдесят строк. У Коста же их — около ста. Но в отличие от народной песни поэт создал чудесные зарисовки горного пейзажа. Вот одна из них:

С диких скал свергаясь,
Воет водопад;
С двух сторон, сверкая,
Ледники висят...

В обработке Коста сразу же после выхода в свет «Афсати» получила распространение в народе, который сам перепел жил ее на музыку. Песню эту распевали и старики, и молодежь. Девушки исполняли «Афсати» на гармошке. Но особенно полюбилась песня горцам-пастухам. Сегодня это — одна из жемчужин осетинской поэзии. Ее знают наизусть буквально все в Осетии. Она исполняется на колхозных полях, на праздниках урожая, на свадьбах и других торжествах.

На основе народной сказки поэтом написана и его чудесная сказка «Пастух-батрак». Содержание народной сказки таково: отдав бедняку на выгодных условиях коз, дьявол сказал: «Ты не режь из этих коз ни черную, ни белую, ни красную, ни серую». Бедняк пообещал выполнить уговор, но в свою очередь поставил условие: «А ты ко мне не приходи ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду, ни в четверг, ни в пятницу, ни в субботу, ни в воскресенье». По уговору бедняк не мог резать коз, и они размножились, но и дьявол тоже не мог прийти за козами. Тогда он предложил соревнование — кто кого превзойдет в остротах. И в этой интересной схватке победил бедняк.

Здесь, так же как и в «Афсати», Коста сохранил идею, но облек ее, создав стройную композицию, в чудесную стихотворную форму народного сказания. Эта сказка-поэма стала одним из наиболее любимых произведений осетинской детворы.

У осетин издавна был обычай — посвящение коня покойнику. Седобородый старец держит хорошо снаряженного коня возле покойника и посвящает его последнему. Это по существу целая поэма, которую в торжественной обстановке слушал народ, пришедший на похороны.

В центре внимания автора тут — идейная направленность обряда. Человек, который на этом свете совершал преступления, жил нечестной жизнью, на том свете подвергается всевозможным пыткам, тяжело расплачиваясь за свои грехи. Коста как бы выкристаллизовал эту идею. Обнажив социальную сущность обряда, он вдохнул в него дух справедливости и человеколюбия. Так на основе фольклорного произведения была создана эпическая поэма.

Сюжеты этих произведений и многих других Коста взял из осетинского народного творчества. К ним можно отнести «Новогоднюю песню» и его последнюю большую эпическую поэму «Хетаг», написанную по мотивам осетинской легенды «Хетагва роца».

Во всех этих произведениях из фольклора взяты не только сюжеты. В их языке так же явственно ощущается пульс осетинской народной поэзии.

Особенно внимательно прислушивался Коста Хетагуров к народным пословицам, которые любовно и кропотливо собирал. Он удивительно умело пользовался приемами народного творчества и в первую очередь — народной поэтики.

На основе народных пословиц написано большинство знаменитых басен Хетагурова. Так, в основе басни «Постник» лежит пословица «Когда кот не достает сала, он считает его постным». В другой его басне использована пословица — «Вол-

ка упрекнули в хищении овец, а он кричит: «Пустите, коза бежит». На материале пословиц написаны и другие басни, такие, к примеру, как «Олень и еж», «Редька и мед», «Сумасшедший пастух» и другие.

Басни Коста настолько сжаты и предельно ясны, что многие выражения из них сами стали пословицами. Так, например, мы часто слышим в народе: «За глаза, мой друг, не смейся: осуждай пороки смело» («Редька и мед») или: «Кто с мезтью дружит, тем быть с бедою...» («Ворона и лиса»), «Волком мы жадного все называем...» («Волк и журавль»), «Хоть славен твой предок — будь сам молодцом» («Гуси»).

Говоря о баснях Крылова, Белинский писал, что, кроме поэзии, в баснях его есть еще одно достоинство, которое делает их автора большим народным поэтом, — это их народность. То же можно сказать и в отношении басен Коста.

Но К. Хетагуров черпал из народного творчества не только темы для своих произведений. Он глубоко вник в саму природу, в душу родного народа и его творчества, детально изучил все средства его художественного выражения.

Особое внимание уделял он народной песне. Прав один из лучших исследователей творчества поэта Н. Г. Джусойты, когда в своей большой работе о Коста пишет, что в осетинском народном творчестве наиболее действенным и распространенным жанром была песня. Она обладала огромной силой общественного воздействия. Эти свойства народной песни глубоко понимал Коста, и его осетинские стихи характеризуются простотой и ясностью выражения, что свойственно народной песне. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что в свое время неграмотный осетинский читатель так быстро и легко усваивал их и перекладывал на музыку. Таким образом, почти все стихи поэта стали песенными текстами, которые распевали и сейчас распевают во всех уголках Осетии. Да и сам Коста как-то писал в своей автобиографии: «Я — осетин Коста Хетагуров — художник, поэт и народный певец»...

Коста нашел ключ к народному творчеству, всесторонне изучил его и широко использовал в своей творческой практике. Ведь еще Максим Горький говорил, что начало художественного слова в фольклоре.

Основательное изучение фольклора, глубокое проникновение в душу народа, ясное понимание его сокровенных дум и чаяний помогли поэту подняться на ту огромную высоту, с которой он, словно маяк, негасимыми лучами своего творчества озаряет путь нашей литературы.

г. Цхинвали.

КОСТА ХЕТАГУРОВ И ГРУЗИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Культурно-исторические взаимосвязи грузинского и осетинского народов уходят корнями в далекое прошлое. Близкое соседство этих народов, братское содружество всегда являлись залогом развития их взаимоотношений. Дружба грузинского и осетинского народов особенно крепнет с 60-х годов XIX века, когда на общественную арену выходит поколение борцов за национально-освободительное движение, возглавляемое Ильей Чавчавадзе.

Одним из достойных представителей этого поколения являлся Михаил Заалович Кипиани, который вел весьма плодотворную общественную и культурную работу. Михаил Кипиани «был одним из лучших сынов Грузии, трудящимся человеком, которого любили все за то, что он сеял доброе, светлое...»¹. На протяжении всей своей жизни Михаил Кипиани наряду с государственной службой вел удивительно плодотворную деятельность, направленную на возрождение материальной и культурной жизни родного народа. Он принял активное участие в деле создания Общества по распространению грамотности среди грузин и в последующей его работе. Он являлся одним из основателей грузинского драматического Общества и членом первого его правления. Однако обстоятельства жизни Михаила Кипиани сложились так, что с 70-х годов вплоть до самой смерти ему пришлось вести свою деятельность на Северном Кавказе среди братских горских народов, и в течение этих лет, находясь в тесной деловой связи с передовой грузинской общественностью, он действовал на благо кавказских народов, находившихся в оковах царизма.

В те времена на Северном Кавказе, в частности во Владикавказе (нынешний г. Орджоникидзе), где протекала жизнь и деятельность Михаила Кипиани, жило такое количество грузин, что известный общественный деятель Петре Умикашвили, в бытность свою во Владикавказе в 1881 году, первым высказал мысль об учреждении здесь грузинской школы. 10 ноября 1888 года под руководством Михаила Кипиани Общество по распространению грамотности среди грузин открыло во Владикавказе грузинскую шко-

¹ «Квали», 1893, № 15, стр. 5.

лу. Здесь же существовали грузинский банк, школа кройки и шитья и клуб, где собиралась передовая часть грузинской общественности: Михаил Кипиани, Луарсаб Бозвадзе, Тит Казидзе, Партен Готуа, Ясон Лордкипанидзе, Нико Курдгелашвили и другие.

Небольшая школа превратилась в истинный очаг национальной культуры, вокруг которого сплотилась грузинская интеллигенция. Самые дружеские связи с грузинской интеллигенцией поддерживал Коста Хетагуров. Он принимал активное участие в вечерах и утренниках, устраиваемых для учащихся школы, читал им свои стихи и т. д.

Михаил Кипиани пользовался большой любовью и популярностью среди осетинского народа. Будучи начальником Земельно-межевого управления Теркской области, он по долгу службы часто выезжал в различные пункты области, имея таким образом возможность изучить трудную жизнь безземельных горских народов, в частности осетин, и по возможности оказывать им всяческую помощь.

В результате он издал на русском языке книгу «От Казбека до Эльбруса» (Путевые заметки о нагорной полосе Теркской области), которая вышла во Владикавказе в 1884 году.

В 1882 году под руководством Михаила Кипиани было основано Общество по распространению грамотности и технических знаний среди горцев Теркской области, председателем которого он являлся до самой своей смерти. В деятельности правления Общества активное участие принимал и Коста Хетагуров.

Как мы видим, дружба между выдающимся осетинским поэтом К. Хетагуровым и грузинским общественным деятелем М. Кипиани была не случайной. Их объединяли традиции грузино-осетинских взаимосвязей, глубокая уверенность угнетенных народов, представителями которых они являлись, в освобождении от гнета царизма и их стремление к лучшему будущему.

Кипиани принимал горячее участие в судьбе поэта, искренне любил его и помогал в его борьбе на писательском и общественном поприще в течение целого ряда лет.

Через Михаила Кипиани Коста Хетагуров сближается с блестящими представителями общественно-литературных кругов Грузии. Творчество его было хорошо знакомо И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Хаханашвили, внимательно следившими за ростом его мастерства и влияния среди братских горских народов.

Бесспорно, что именно М. Кипиани познакомил К. Хетагурова с известным грузинским беллетристом А. Казбеги. Он же пробудил интерес поэта к творчеству последнего...

Михаил Кипиани скончался 2 марта 1891 года во Владикавказе. Его неожиданная смерть вызвала безмерную скорбь грузинского народа и горских племен. В «Письме из Владикавказа», опубликованном газетой «Иверия», корреспондент Лазарадзе отмечал: «Кончина Мих. Кипиани, предводителя грузинской общины во Владикавказе, глубоко опечалила нас, наполнила скорбью наши сердца. Вместе с грузинами его оплакивали здешние армяне, русские, осетины. Он был хорошим человеком, все любили его за доброту, человечность и самоотверженность...»¹.

¹ Газ. «Иверия», 10 марта 1891 г., № 53, стр. 2—3.

Глубокую скорбь всего осетинского народа по поводу безвременной кончины Мих. Кипиани Коста Хетагуров выразил в стихотворении «У гроба друга», посвященном его памяти. Второе свое стихотворение «На смерть М. З. Кипиани» К. Хетагуров написал на русском языке. По убеждению поэта, М. Кипиани являлся истинным сыном всего Кавказа, в котором воплотились сокровенные мечты нашего народа и стремление к лучшему будущему. Он был лучшим представителем передовой общечеловечности грузинского народа, борцом за осуществление его идеалов. Мы не сомневаемся, что поэту, боровшемуся за лучшие идеалы осетинского народа, была близка грузинская литература, хорошо знакомо наше культурное прошлое и настоящее. По свидетельствам современников, Коста Хетагуров близко знал и дружил с Ал. Казбеги. Он часто навещал его, оставался у него на несколько дней, они подолгу беседовали, читали, спорили.

Однажды, рассказывает общественный деятель Иосиф Имедашвили, К. Хетагуров грустно спросил А. Казбеги:

— Как ты думаешь, Сандро, неужели наши народы погибнут и восторжествует самодержавие?

На что А. Казбеги ответил:

— Я думаю, что погибнет самодержавие, а наши народы возрождаются. Наши беды временные...

К. Хетагуров остро переживал болезнь Ал. Казбеги. Когда покинутый всеми писатель находился в больнице, взволнованный его состоянием и возмущенный равнодушием к его судьбе, К. Хетагуров выступил в газете «Северный Кавказ» (3 мая 1893 г.) с гневной статьей, в которой звучал голос протеста против безучастности общественности к судьбе больного писателя.

Коста Хетагуров принимал близко к сердцу судьбу грузин и Грузии. Именно его интересом и любовью к соседней стране объясняется тот факт, что поэт, увлекавшийся живописью, в первой своей картине «Св. Нина, просветительница Грузии», которую он выставил во Владикавказе в ноябре 1887 года, воплотил истинную земную красоту грузинки.

Интерес Коста Хетагурова к Грузии подтверждает и то обстоятельство, что он с особенным вниманием относился к фактам национального угнетения и притеснения грузин. В частности, в архиве поэта обнаружена переписанная им брошюра «Церковный вопрос в России», изданная в 1896 году. Большая часть ее содержит сведения о колониальной политике России в Грузии, о преследовании грузинского языка, в частности в церквях, о фактах безжалостного разграбления царскими чиновниками исторических памятников культуры, собранных в грузинских монастырях. Как видно, эта брошюра являлась тем зарубежным изданием, о котором Коста Хетагуров писал 13 марта 1899 года из Петербурга Юлиане Цаликовой.

В этой небольшой статье мы, безусловно, не можем полностью отразить все взаимоотношения, связывавшие К. Хетагурова с Грузией, ее народом и литературой. Одно ясно, что грузинский народ, в свою очередь, с большой теплотой относился к личности поэта. Благодаря дружеским связям грузинского и осетинского народов его творчество стало достоянием широких грузинских масс, передовая грузинская интеллигенция еще при жизни осетин-

ского поэта была хорошо знакома с его произведениями, а некоторые его стихи, переложённые на музыку грузинскими композиторами, вошли в сокровищницу музыкальной культуры Грузии.

С большим вниманием и удовлетворением встретила общественность выход книги К. Хетагурова «Осетинская лира» в 1899 году. Это было знаменательным событием в культурной жизни осетинского народа. «Иверия» Ильи Чавчавадзе откликнулась на него большой статьёй «Движение к просвещению в Осетии», автором которой был известный исследователь грузинской культуры А. Хаханашвили. Он дал высокую оценку книге К. Хетагурова, подробно проанализировав все произведения, вошедшие в неё, коснулся лирики, эпоса, прозы, переводов, осетинского стихосложения, особо отметив значение стихотворения, посвященного М. Кипиани.

Известный грузинский композитор Д. Аракишвили в 900-х годах объездил всю Грузию и Северный Кавказ, изучая и собирая музыкальное народное творчество горских племен. Он был лично знаком с К. Хетагуровым, часто встречался с ним, интересовался его творчеством. Он переложил на музыку его стихотворение «Смерть горянки» и написал два романса «Песнь пастуха» и «Опустилось солнце» по мотивам «Фатимы». Эти романсы впервые были исполнены Ваню Сараджишвили. Музыкальные произведения Д. Аракишвили, созданные на стихи К. Хетагурова, были изданы в Москве.

Идею содружества грузинского и осетинского народов проводил в своих произведениях и К. Хетагуров. Так, например, в своей неоконченной поэме «Хетаг» он рисует героическое прошлое Осетии, самоотверженную борьбу осетинского и грузинского народов за освобождение своей родины и подчеркивает исторические корни дружбы этих народов.

Жизнь и творчество К. Хетагурова оставили неизгладимый след в памяти трудового народа. Все произведения поэта — будь то поэзия или проза — выражали надежды и чаяния народные, беды его и лишения, стремление к лучшему будущему и веру в него.

Бесконечные гонения и угнетение, которым подвергался поэт за свою любовь к родине и народу (он подобно великому Тарасу Шевченко смело мог сказать: «Моя жизнь — часть жизни народной»), в конце подорвали его здоровье. В 1900 году он возвращается на родину большим туберкулезом. К. Хетагуров скончался в 1906 году и был похоронен во Владикавказе. Среди провожавших в последний путь осетинского поэта была и делегация грузинского народа во главе с Шиошвили. Газета «Теркские ведомости» опубликовала некролог «Памяти Коста Хетагурова», подписанный другом поэта, грузинским общественным деятелем Луарсабом Боцвадзе, в котором К. Хетагуров был представлен как «гордость Осетии и всего Кавказа». Тбилиссские газеты также откликнулись на смерть поэта. Газета «Шрома» отмечала, что в Дидубийской церкви была отслужена панихида по поэту, на которой присутствовали, кроме грузинской общественности, и жившие в Тбилиси осетины. Та же газета сообщала о поступившей из Цхинвали телеграмме, в которой передовая цхинвальская общественность выражала свою глубокую скорбь по поводу кончины поэта.

На смерть К. Хетагурова откликнулись и тбилисские газеты, выходявшие на русском языке.

Похороны выдающегося осетинского поэта вылились в демонстрацию протеста против самодержавия.

Только после установления Советской власти стала возможной достойная оценка жизни и творчества поэта, его деятельности, издание его сочинений на различных языках. Грузинские советские поэты с большой любовью переводили сочинения К. Хетагурова, на грузинском языке имеется несколько изданий его произведений.

Кроме того, в грузинском литературоведении создано множество статей и очерков о жизни, деятельности и творчестве поэта. Грузинские советские поэты В. Гаприндашвили, Г. Джангулашвили, И. Имедашвили, К. Ниношвили и другие с любовью посвящали свои стихи К. Хетагурову.

В 1939 году вся наша страна отмечала 80-летие со дня рождения великого осетинского поэта, которое вылилось в праздник дружбы между советскими народами.

В 1955 г. в г. Орджоникидзе состоялось открытие памятника поэту.

Литературное наследие народного поэта Осетии и общественно-го деятеля К. Хетагурова заняло достойное место в литературной сокровищнице многонационального советского народа.

Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ

КАК РОЖДАЛАСЬ КНИГА

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ РЕПОРТАЖ

Из выходных данных. Белла Ахмадулина. «Сны о Грузии». Тбилиси. 1979 год. Издательство «Мерани». Второе издание. (Редактор-составитель Г. Маргвелашвили). Из аннотации. «У великих русских поэтов... наследует она свою сердечную привязанность к Грузии. Нити этого родства проходят через всю книгу, объединяя стихи о Грузии со стихами, задуманными, написанными или же впервые опубликованными в Грузии...»

...Не стану обещать читателю ни подробного анализа стихов и переводов, опубликованных в книге Беллы Ахмадулиной, ни исчерпывающего списка людей, причастных к появлению произведений, составивших эту книгу, ни хронологического изложения событий, ни точных календарных дат. Однако все, рассказанное ниже, это действительные факты, случившиеся на протяжении двух десятков лет, когда создавался и собирался этот сборник, и именно это позволило мне определить жанр предлагаемого рассказа как ретроспективный репортаж.

Каждый, конечно, мог бы назвать свою точку отсчета, для меня же эта книга начиналась так...

Зимний московский день. Мы с товарищем — его уже нет с нами — долго ищем дом на заснеженной и пустынной Новоподмосковной улице, где нас ждут. Отыскав, наконец, нужный номер, мы входим в лифт и оказываемся вместе с симпатичным кудлатым псом, которого пытается утихомирить тоненькая девушка в распахнутой шубке и в меховой шапке с разлетающимися ушами. Мы выходим на своем этаже, звоним в нужную дверь, но тут наша попутчица по лифту открывает дверь своим ключом, и симпатичный пес Прошка влетает в квартиру раньше всех. Хозяйкой пса и обладательницей ключа оказалась Белла Ахмаду-

лина, тогда — студентка Литинститута и автор многих стихов, уже /
получивших известность.

Потом Белла впервые приехала в Грузию, увидела Тбилиси с
вершины Святой горы — Мтацминды, впервые читала свои стихи в
старинном особняке Союза писателей Грузии на улице Мачабели,
впервые ездил в Мцхета и в Кахетию...

Все это и многое другое положило начало книге «Сны о Гру-
зии». Листаю сборник. Узнаю имена людей, попадающиеся в стихах
— Медея и Ламара, Шура и Гия... Вспоминаю реальные обстоя-
тельства, силой таланта преобразованные в поэзию...

Судьба поэта всегда бывает выше и сложнее биографии поэта.
Поэтому так нелегко бывает критикам и литературоведам, коим
надлежит «ведать» этими биографиями, проследить путь от жиз-
ни до судьбы, от факта до образа. Но тем не менее, читая стихи,
все же невольно вспоминаешь то, что, быть может, отозвалось в
них лишь краской, звуком, интонацией, но без чего они лишились
бы звучания и цвета, потому что поэзия возрастает из жизни, из
ее потрясений и радостей, встреч и разговоров, событий и случай-
ностей.

...Белла стоит у окна затемненной комнаты над шумной тби-
лисской площадью, а в другом углу, в глубине старинного кре-
сла сидит, словно вытянувшийся навстречу ее голосу, Симон Чико-
вани, замечательный поэт и человек, которого болезнь в последние
годы лишила зрения. Но он с постоянной молодой страстью про-
должает следить за всем, чем живет литература, поэзия, страна,
мир. В комнату входят новые люди, подсаживаются к столу, об-
мениваются несколькими словами, уходят... А Белла все стоит у
окна и, трепетно напрягая струну голоса, читает стихи, свои и чуж-
ие, русские и переводные, современные и позабытые.

...Машина жалобно вздрогнула и встала у обочины: кончился
бензин. А осенней ночью холод пронизывает даже и под Тбилиси.
Водитель, отличный переводчик и друг Беллы, вытаскивает из ба-
гажника старую покрышку и поджигает ее — чтобы согреться, да
и послать сигнал «SOS» редким в эту пору автомобилям, проез-
жающим по дороге. Остановилась одна машина, другая, свернул с
дороги неуклюжий самосвал. И вот уже слит в бак бензин, соб-
ранный извечным шоферским братством, но веселый караван, трю-
нувшись в путь, вскоре вновь сворачивает к обочине, чтобы в при-
дорожном духанчике, открывающемся на рассвете, благословить —
кто вином, кто лимонадом — дорогу, стихи, новый день.

...В Тбилиси есть дом, который Белла не может миновать ни-
когда. И не потому только, что здесь ее ждут, ей рады в любое
время дня и ночи — таких домов много. Здесь под высоким потол-
ком необычайно просторного зала живут и звучат сегодня голоса
Блока и Тициана Табидзе, Маяковского и Паоло Яшвили, Пастер-
нака и Галактиона Табидзе. Здесь живет Ладо Гудиашвили, народ-
ный художник СССР, Герой Социалистического Труда, создатель
поразительного поэтического мира живописных образов, большой
друг поэтов.

...И снова машина. Она долго петляет по кахетинской дороге,
пока водитель не заблудился, а путники не проголодались и не вы-
бились из сил. Мимо мелькнул двор, ограда, резная калитка и кре-
стьянин с весами-безменом и бараньей ногой на продажу. остано-
виться, отдохнуть, перекусить немного. Но что делать с куплен-

ным мясом, где его зажарить? Прошу ко мне!» — Широкий жестом отворяет калитку хозяин, и вот уже хлопочут, усаживая гостей, его жена и две дочери, в винограднике затевается застолье, и никто уже не вспоминает о деньгах. Звучат протяжные прустские песни, и Белла старательно выпрашивает у молодых хозяек, как звучат эти странные и прекрасные слова: «дзагли», «мамали», «дзроха»...

...Клуб Союза писателей Грузии. Белла Ахмадулина читает свои переводы из Галактиона Табидзе. Переводы неожиданны, необычны, так Галактиона еще никто не переводил. Естественно, новую работу принимают не все и не сразу. Но с трибуны звучат слова переводчицы, исполненные трепетной любви к грузинскому поэту, его лирике, его стране и народу. И в этом лирическом признании вдруг — точный литературный анализ, поразительный и внезапный, как скальпель хирурга в руках цветовода. Только подлинная любовь и истинное уважение к переводимому может сотворить чудо возрождения стихотворения на чужом языке.

...Открытие Дней советской литературы в Грузии. На Кутаисском аэродроме только что приземлился самолет с гостями из Москвы, и вдруг кто-то принес горестную весть из Тбилиси: умер Шура, Александр Цыбулевский, прекрасный поэт, большой друг Беллы. Бросить все, ехать туда, где горе, быть с семьей, с близкими Шуры! Нельзя, здесь ее ждут, к ее выступлениям готовились. И Белла вместе с другими участниками Дней ездит на предприятия и в вузы, в колхозы и в школы. И, выступая на этих встречах, она каждый раз читала: «Мои друзья уходят...»

В книге «Сны о Грузии» под большинством статей, стихов, переводов не проставлена дата. Поэтому особый смысл, наверное, приобретает число, которым снабжена последняя заметка в сборнике: 29 декабря 1976 года. С каждым новым годом столько связано — надежды, свершения, радость предстоящих встреч, страх возможных потерь... Вспоминается давний новогодний день, когда 1 января еще было обычным рабочим днем начинающегося года. Работники двух редакций — «Цискари» и «Литературной Грузии», дружно соседствовавшие в одном здании, позвонили в Москву — поздравить друзей, пожелать им счастья и удач. «Друзья, как хочется быть сейчас с вами!» — воскликнула Белла в ответ на поздравления. «В чем же дело, приезжай!» — с молодой бездумностью ответили ей. И еще не успели в тот день разойтись с работы, как открылась дверь и показалась Белла. Такова сила дружбы: уметь позвать друга разделить с тобой праздник и будни — и уметь откликнуться на этот зов.

И еще воспоминание — на этот раз не о самой Белле Ахмадулиной, а о встрече с почитателем ее поэзии, об одной встрече из многих... По журналистским делам попал я в старый приморский город Поти. Здесь на судоремонтном заводе меня познакомили с одним немолодым рабочим. Сейчас я даже затрудняюсь назвать его заводскую специальность: по должности он был бригадиром комплексной бригады на сборке знаменитых катеров на подводных крыльях «Комета», а владел он, как говорили, всеми специальностями, необходимыми на этом участке, так что, при надобности, мог один собрать весь катер. Мастер-золотые руки, универсал, переводчик, постоянный победитель в соцсоревновании...

Но слава этого человека была не только в этом: в конце концов, передовиков и специалистов высшей квалификации у нас всюду немало. Во-первых, у него была легендарная судьба. Мальчишкой в Севастополе бежал он на флот, был обнаружен и возвращен в семью, потом вместе с родным заводом эвакуировался в Поти и остался здесь навсегда. Он знает грузинский язык и литературу, обычаи народа, с которым породнился навек.

Но во всех восхищенных интонациях и добрых улыбках при разговоре о нем ощущалась и доля какого-то опасения, что ли. Все знали его прямой характер, резкость суждений, нежелание считаться с формальными предрассудками. Рассказывают, что когда его портрет был выставлен в городской Аллее передовиков, он ночью пробрался туда и... сорвал портрет: все успехи он считал результатом коллективных усилий бригады, а потому и следовало вывешивать не его персональный портрет, а коллективную фотографию бригады.

Я поджидал его на скамейке под раскидистым каштаном на заводском дворе. Подошел плотный невысокий старик с соломенной шляпой на голове, удивительно похожий на рабочего из одной старой телепостановки, которого незабываемо сыграл А. Грибов. Не представившись, сел рядом, закурил («Беломор» — кто его сейчас курит!), предложил мне, в ответ на мой отказ поругал табак и курение... А потом приступил прямо к делу:

— О работе я говорить не стану, вам, литераторам, это неинтересно будет, да и от разговоров пустых толку нет. А вот просьбу одну выскажу: не могли бы вы помочь со снабжением книгами. У нас на заводе никак его не наладят, а в городских магазинах приличной книги не захватишь.

Я спросил, какие книги его интересуют, ожидая услышать привычное — детектив, исторические романы, военные мемуары... Но этот неожиданный человек ответил:

— Да вот стихи Беллы Ахмадулиной вышли, «Сны о Грузии», у нас, в Тбилиси, — «Метель» в Москве. — Помолчав, добавил: — Внуку очень хочется...

Хочу извиниться перед моим симпатичным собеседником: здесь я ему не поверил. Впрочем, извиняться надо перед ним и за то, что не выполнил обещания, не послал книгу. Не достал...

«Сны о Грузии» — так назвала Белла Ахмадулина книгу своих стихов и переводов. Кто диктовал ей чудесные искренние строки, кто водил ее пером, когда оно заставляло звучать на русском языке вдохновенный голос грузинских поэтов? Их было много, таких людей: поэты старших поколений и сверстники Беллы, сборщица чая и нейрохирург, шофер и археолог, кахетинский виноградарь и многие, многие другие. Причем всех их я мог бы назвать по именам. Но важнее, наверное, назвать их общий адрес: Грузия. Своей книгой Белла Ахмадулина продолжила прекрасную и благородную традицию искренней дружбы двух народов, двух литератур, двух поэзий. Эту традицию закладывали и продолжали те, чьи имена произносятся у нас как святые. Но традиция — не история, она жива продолжением, и сегодняшним мастерам продолжать и развивать ее.

КОРМЧИЙ НА ТОНУЩЕМ КОРАБЛЕ

Скажем сразу: книга В. А. Твардовской «Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания)» представляется значительным явлением в нашей научной литературе. И не только потому, что она выполнена квалифицированно, на добротном источниковедческом материале и богата интересными, точными наблюдениями и мыслями автора. Дело еще и в том, что рецензируемая книга является в советской литературе по существу первым серьезным исследованием, специально посвященным публицистической деятельности М. Н. Каткова. У нас очень много работ, связанных с историей освободительного движения, и чрезвычайно мало (порой практически нет) обстоятельных, толковых монографий, скажем, о масонах, славянофилах, религиозных мыслителях, сектантских движениях, деятелях охранительного лагеря и т. д. И очень хорошо, что подобные пробелы понемногу начинают заполняться. Ибо без таких фигур, как Катков, нельзя понять многого ни в истории освободительного движения в дореволюционной России, ни в российской истории вообще.

Редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника» Михаил Никифорович Катков, согласно «Энциклопедическому словарю» Брокгауза, «родился в Москве в 1818 г. от отца, мелкого чиновника, и матери (урожденной Тулаевой) грузинского происхождения. Учился в Преображенском сиротском институте, в Первой московской гимназии, в пансионе известного профессора Павлова и в Московском университете, по словесному отделению... Литературой стал заниматься очень рано». Там же сказано, что «в общем, он постепенно, на протяжении 30-летней публицистической деятельности, из умеренного либерала превратился в крайнего консерватора...».

Этот бывший либерал, безусловно, принадлежал к той «великорусской культуре Пуришкевичей, Гучковых и Струве», которую Ленин в известной статье «Две национальные культуры» убедительно обрисовал, как враждебную «великорусской культуре, характеризующейся именами Чернышевского и Плеханова». Иллюстрацией ленинского тезиса о двух культурах может служить обычная для «Мос-

М. Катков был по-своему весьма значительной и знаменательной исторической фигурой. Он принадлежал отнюдь не к рядовым функционерам самодержавно-крепостнической системы. Четверть века он исполнял роль ее «львояростного червя», идеолога и вдохновителя. Собственно, выражение «исполнял роль» здесь не вполне годится: Катков действительно был одним из — причем весьма немногих — по-настоящему искренних и ревностных защитников самодержавия. К. П. Победоносцев писал о нем Александру III, как о единственном публицисте, «умном и чутком к истинно русским интересам и твердым охранительным началам», называя всю остальную консервативную печать «мелочью, или дрянью, или торговой лавочкой» и со страхом предвидя, что, когда Катков умрет, его «решительно не кем будет заменить». Победоносцев в общем не ошибался, столь возвышая Каткова среди представителей своего лагеря. Не то, чтобы в своем верноподданническом усердии Катков был абсолютно бескорыстен — он тоже «пользовался», как все (в книге рассказывается, к примеру, о незаконном присвоении им крупных сумм, принадлежавших Московскому университету). Но его отношение к правящему режиму, в отличие от большинства «слуг отечества», далеко не исчерпывалось материальными стимулами.

Можно даже сказать, что здесь заключается определенная загадка Каткова. Что побудило его, вращавшегося одно время в передовых образованных кругах, англomана и либерала, стать безоглядным охранителем? Как вообще мог умный человек, — а Катков несомненно был незаурядной личностью, — превратиться в убежденного мракобеса? В. А. Твардовская лишь изредка касается внутренних побудительных мотивов деятельности Каткова, ее занимает больше «что» и «как», а не «поче-

ковских ведомостей» практика политического доноса и травли малых народов империи. Именно против этой позорной практики выступил Илья Чавчавадзе, во всеуслышание заявив, что «доносительство, вот уже два десятка лет процветающее в России стараниями г-на Каткова и его компании» не преминуло расставить «свои широкие сети в окраинных странах России».

Защищая честь и интересы своего народа, Илья Чавчавадзе написал яркую, пламенную статью «В ответ Каткову», ставшую образцом грузинской демократической публицистики. Именно таким образом одиозное имя Каткова дошло до сегодняшнего поколения грузинских читателей и поневоле попало в орбиту внимания каждого знатока грузинской литературы прошлого века.

Поэтому мы думаем, что читатели «Литературной Грузии» с интересом ознакомятся с рецензией кандидата исторических наук Владимира Хороса на примечательную и, можно сказать, единственную в своем роде монографию В. А. Твардовской «Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания)», в которой с исключительной исторической и психологической достоверностью исследован феномен бывшего либерала, ставшего верным стражем самодержавия.

му». Но пиши для раздумий в ее работе имеется предостаточно. И нам бы хотелось в данной рецензии, оставив оценки тех или иных чисто научных аспектов специалистам, просто поразмыслить над содержащимся в книге материалом — с тем чтобы пригласить читателя к прочтению книги и самостоятельному размышлению над ее сюжетами.

Катков вышел из разночинской среды. Отец его, мелкий канцелярский чиновник, рано умер, оставив вдову с двумя детьми. Мать служила надзирательницей в тюрьме. Несмотря на бедность, почти нужду, ей удалось с помощью родственников дать детям образование. Молодой Катков учился сначала в Московском, а затем в Берлинском университетах, одновременно усердно занимаясь самообразованием. В конце 30-х годов прошлого столетия юноша входит в круг передовых людей своего времени (В. Г. Белинский, Н. В. Станкевич, М. А. Бакунин, К. С. Аксаков и др.), где его приняли как равного и единомышленника. Белинский видит в нем «великую надежду науки и русской литературы». Казалось, что судьба готовила Каткову ту же дорогу, что и его тогдашним друзьям, — путь свободомыслия, протеста, общественной борьбы.

Зная последующую эволюцию Каткова, наверное уже и здесь можно разглядеть в его облике какие-то черты будущего редактора «Московских ведомостей». Ведь это никто иной, как он преподавал Белинскому гегелевскую «Философию права» — самый консервативный труд немецкого мыслителя с его знаменитым принципом — «все разумное действительно, все действительное разумно». Правда, эти семена могли дать различные всходы — Белинский, как известно, быстро перешел от «примирения с действительностью» к ее решительному отрицанию. Но именно Белинский, более других восхищавшийся Катковым, первый почувствовал в нем что-то чужеродное. «Не нашего круга», — определил он. «...Его взгляды на многое... — заметил он о Каткове в одном письме, — право, мне кажется, что они мне больше дали, чем ему».

Проницательности и тонкости этой оценки Белинского, приводимой в книге, можно только удивляться. Встретившись с Катковым в самом начале его жизненного пути, когда еще трудно было предсказать, как он сложится, великий критик сумел нащупать, угадать суть этого человека. С одной стороны, сильный ум, способный к выработке различных идей. С другой стороны — какая-то иная, «несовместная» натура, внутренняя жизненная ориентация, существовавшая отдельно, самостоятельно. В нем ум и сердце бились розно, как сказал поэт. Идеи, возникавшие в его уме, возникали как бы сами по себе, они не были овнутренены, организованы всем душевным строем их создателя. В лучшем случае они могли служить импульсом для других, более цельных натур, для которых любая, пусть даже чужая интеллектуальная искра усиливала постоянное творческое горение души. Но и сам Катков не мог вечно оставаться двуликим. Рано или поздно его натура должна была проявиться и подчинить себе ум.

Впрочем, еще довольно долго, лет пятнадцать, Катков пытается жить «умом». Он занимается академической философи-

ей и филологией, защищает диссертацию, читает лекции. Общественный деятель просыпается в Каткове с началом «александровской весны», в середине 50-х годов XIX века, когда он становится лидером группы либералов (Е. Ф. Корш, П. М. Алехин, А. В. Станкевич и др.) и начинает издавать журнал «Русский вестник» (в придачу к газете «Московские ведомости», редакцией которой Катков заведовал с 1851 г., правда, до сих пор без особого энтузиазма и успеха). В этот период в нем уже заметнее проступают черты будущего охранителя. Англоманство, как справедливо отмечает В. А. Твардовская, привлекало Каткова не столь действительными завоеваниями английского буржуазного либерализма (свобода слова, печати, судопроизводства и пр.), сколько его консервативными сторонами — принципом сохранения монархии, неприятием революционных методов. Одновременно будущий «львовяrostный кормчий» уже рычал на демократическую печать. Именно с «Русского вестника» по-настоящему утвердился метод политического доноса — прямое расшифровывание подцензурных текстов своих оппонентов для того, чтобы разоблачить их в глазах правительства.

«Звездный час» Каткова наступил в 1863 году, в год польского восстания. Это был поистине скачок в его идейной эволюции. Чем он был обусловлен? Помимо событий в Польше, здесь, по-видимому, сыграли роль и другие факторы, внешние и внутренне-личностные. Правительство уже давно вынашивало план негласного влияния на одну из неофициальных газет, — «чтобы не уронить доверия публики к изданию, на которое тотчас же может упасть обвинение в подкупности», как разъяснял министр внутренних дел П. А. Валуев. Выбор был остановлен на «Московских ведомостях», и высочайшее доверие, очевидно, подстегнуло таившееся до поры громадное честолюбие Каткова. Кроме того, как отмечает В. А. Твардовская, в этот период Катков одолевал животный страх перед революцией — он был одержим мыслью, что «все оказывается непрочным», «все употреблено, чтобы расшатать материк» и т. д. И Катков ощутил несостоятельную внутреннюю потребность оборонять существующий режим, горой встать за него. Наконец, открылось «сердце» Каткова, ведущая доминанта его устремлений и ценностная ориентация. Натура человека раскрывается, как правило, именно в критические, переломные моменты, будь то обстоятельства личной жизни или коллизии социального развития.

1863 год как раз был таким переломом в общественной жизни России, знаменовавшим сдвиг вправо в общественном сознании и наступление реакции. Национально-освободительное движение в Польше всколыхнуло в России волну верноподданнического патриотизма и великодержавного шовинизма, на фоне которого выступал Катков. Этот угар, увы, захватил многих представителей российской интеллигенции (Ф. И. Тютчев, И. С. Аксаков, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Ю. Ф. Самарин и др.), скорбевших, как метко выражается В. А. Твардовская, «по поводу пролития (в результате задержек в усмирении!) славянской крови». Нежный лирик А. А. Фет был готов «хоть сию минуту тащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица». Лишь герценовский «Колокол» своей одинокой поддержкой

польских освободительных сил, по словам В. И. Ленина, «спас честь русской демократии».

Но Катков превзошел всех. «Там, на берегах Вислы, решается... важнейший вопрос для каждого государства — вопрос о неприкосновенности и безопасности наших собственных владений», — писал он, воспроизводя типичный довод всех порабителителей, что подавление соседнего зависимого государства осуществляется вовсе не в целях его подчинения, а лишь самозащиты, в интересах собственной безопасности. Для Польши Катков требовал железной диктатуры — не только в период подавления восстания, но и потом, на неопределенное время. Он предлагал «заморозить» Польшу, так же как позднее другой известный консерватор К. Н. Леонтьев считал целесообразным «подморозить» саму Россию.

В этот период ярко проявились два характерных, отличительных качества Каткова. Во-первых, его последовательность, откровенность, умение говорить прямо то, о чем в правящих кругах принято обычно умалчивать. Во-вторых, следование принципу: быть правее самых правых, выступать более роялистом, чем сам король. В том же польском вопросе Катков шел против немалого числа представителей правящей верхушки, более склонных к маневрированию, опасавшихся — и не без основания, — что слишком одиозная политика по отношению к восставшим может привести к худшим последствиям. Каткова сдерживала цензура, его одергивали крупные сановники. Но он упрямо шел напролом, доказывал свое, обвинял несогласных с ним в слабодушии, в вольномыслии, в измене — и, как правило, оказывался на коне.

Все дело в том, что в своем гипертрофированном усердии Катков отнюдь не был одинок. Требуя «закрутить гайки», прославляя Муравьева, редактор «Московских ведомостей» (и он превосходно знал это) отвечал тайному голосу многих — прежде всего, разумеется, власть имущих, но также и одурманенных националистическими и иными предрассудками обывателей. Когда, затрагивая обострившуюся в тот период тему национального вопроса, Катков, что называется, ломил прямо «за единую и неделимую Россию» и требовал от всех ее разноплеменных подданных, чтобы они «прежде всего» осознавали себя русскими, — он лишь открыто проговаривал тайные мысли тех, которые лишь не рещались произнести их вслух. И это давало ему огромную силу, с помощью которой он не раз диктовал программу действий тем или иным министерствам и ведомствам, свергал неудобных чиновников и сажал на их место своих ставленников.

При этом Катков выступил новатором не только с точки зрения влияния на общественное мнение, но и в плане его прямой организации. Речь идет о его знаменитых адресных кампаниях. Катков, как хорошо показывается в книге В. А. Твардовской, разработал различные методы мобилизации общественного мнения, причем не в образованных слоях, а именно в социальных низах (специально противопоставляя «голос народа» интеллигенции). В период польской кампании его газета собирала сельские сходы «в глубинке» с поддержкой позиции «Мос-

ковских ведомостей» по части изъявления верноподданнических чувств. Подобными приемами Катков неоднократно пользовался и впоследствии, особенно в годы революционной ситуации конца 70-х — начала 80-х годов. В этот период, например, на страницах его газеты некий «почтенного вида седобородый, высокий мужчина лет 60-ти в русском платье» рассуждал о том, что «твердости нигде не видать». Точно так же каждой-то слесарь «с закоптелыми руками» разъяснял «интеллигенту в цилиндре», что деятельность революционеров и всяких смутьянов стала возможной лишь потому, что «спуска много давали. Всех бы давно передуть».

Правда, в самом Каткове после того, как в полной мере проявилось его охранительное «сердце», ум угас не сразу. Это интересная особенность его личной биографии. В период пореформенного развития (примерно до середины 70-х годов) редактор «Московских ведомостей», в общем рьяно защищая интересы самодержавия, вместе с тем выдвигал некоторые идеи, звучавшие сравнительно реалистично на фоне общих тенденций проводимой правительственной политики. Катков более или менее здраво смотрел на необходимость развития буржуазных отношений. Он, например, полемизировал со славянофильскими теориями «самобытности». Точно так же в политической сфере Катков пытался поддержать земство как «элемент всей нашей политической жизни», то есть создать какие-то равновесные политические силы по отношению к самодержавию.

И что же? К концу 70-х годов XIX века Катков отчетливо видит, что процесс модернизации России, введения даже минимальных «западных» начал (реформа крепостных отношений, земства, судопроизводства, печати и др.) вызывает к жизни силы, явно антагонистические самодержавию. И тогда он резко поворачивает руль. «Мы готовы взять назад все, что было говорено нами о потребности охраны промышленного дела в России... Пусть лучше наши мануфактуры закроются», — писал он под впечатлением морозовской стачки. С конца 70-х годов Катков «берет назад» одну за другой все свои мало-мальски здравые мысли об общине, о свободе передвижений, о протекционизме, о земстве и т. д. Напротив, он становится главным теоретиком контрреформ 80-х годов прошлого века.

Лозунги Каткова становятся предельно жесткими: закрыться, отгородиться, законсервироваться. Даже не просто законсервироваться, а идти назад, к дореформенным временам, — здесь Катков намного переплюнул установки «нормальных» консерваторов. В сфере образования он настаивает на реставрации классической системы — пусть юноши зубрят древние языки и меньше занимаются словесностью и естественным. Он подсказывает своему ставленнику министру финансов И. А. Вышнеградскому идею винной монополии, взятия государством в свои руки «питейного дела», — пусть нация лучше спивается, чем бунтует. Советы «вдумчиво» перенимать опыт Европы сменяются проклятиями по адресу «загнивающего» Запада, «пошлой доктрины» буржуазного парламентаризма (парадоксально переключаясь в этом с воззрениями леваков-бакунистов из революционного лагеря). Короче говоря, процесс интеллектуаль-

ного оскудения Каткова, начавшийся еще давно, в последнее десятилетие его жизни достигает апогея. «Единодержавие повелителя требует единомыслия», — проповедовал Катков. Вся мудрость, к которой пришел этот человек на склоне своих лет, не поднималась над уровнем глуповских градоначальников.

Таков был печальный итог деятельности Каткова. Здесь дело заключалось не в личной бездарности; последняя коренилась в бездарности режима, отстаиваемого Катковым. Склеротический, мертвеющий организм самодержавно-бюрократического строя, еще грозный на вид, но фактически окостенелый, отгородившийся от реальной жизни, от времени, от истории, не способный справиться ни с внешними, ни с внутренними проблемами, неумолимо шел навстречу краху сначала пятого, а затем семнадцатого года.

На этом фоне личная судьба Каткова поистине поучительна. Его дурная диалектика «ума» и «сердца» проясняет одновременно какие-то сущностные черты внутреннего идейно-культурного надлома царизма, — ибо Катков был его в общем-то типичным, хотя и не совсем ординарным порождением. Катков, особенно в молодые годы, любил щеголять умом, потолковать об отвлеченных предметах, блеснуть афоризмом, высказать резкое, парадоксально звучащее суждение. Но пуще всего он любил властвовать. Эта страсть к господству, к подчинению других, к монополии на влияние постепенно становилась основной доминантой его деятельности, вытесняла все остальные потенции.

Потому-то и защищал он с такой яростью самодержавный режим с его принципом «единомыслия»; что понимал: только при данном строе и при таком тотальном принципе ему, каков он есть, будет обеспечено преобладание, особое положение в идеологии и общественной мысли, — ведь он прежде всего желал властвовать над умами. При ином же порядке, при демократизации общественной жизни у него неизбежно появится множество идейных оппонентов — не менее интеллектуальных, чем он, и гораздо умнее его. Очень точно в связи с этим наблюдение В. А. Твардовской, что Катков никогда не вступал в теоретические споры со своими противниками из демократического лагеря. Такая схватка не сулила ему ничего хорошего, и поэтому он стремился просто уничтожить инакомыслящих, объявить их убеждения вне закона, политически дискредитировать их средствами открытого доноса.

Все более и более проявлялась властная натура Каткова и приводила его постепенно к идейной, интеллектуальной пустоте. В духовно-психологическом плане процесс этот в общем понятен и совершенно закономерен. Сошлемся на свидетельство такого специалиста, как Эрих Фромм, — несогласие с его философскими взглядами вовсе не мешает нам, марксистам, признавать его как крупного психолога и психиатра. В своей недавней книге «Разрушительное в человеке» Фромм показывает, что именно страсть к господству, к власти (а не просто сексуальные комплексы, как полагал в свое время Зигмунд Фрейд, ибо они являются лишь частным случаем проявления властных, агрессивных притязаний) лежит в основе такого психотипа, как:

садистический характер, и не может не оказывать губительного воздействия на все нормальные жизненные проявления индивида как человеческого существа. При этом важно уяснить, опасна не власть сама по себе, не участие в том или ином институте власти (и в этом смысле поверхностен и неточен распространенный житейский трюизм, что всякая власть портит человека), но именно внутренняя установка на власть, та жизненная позиция, которая не чувствует и не видит никакой иной реальности, кроме власти¹.

Указанное мировидение приводит человека к таким вещам, которые начисто противопоказаны духовному развитию, творческой способности личности. Во-первых, для властолюбца характерно нарастающее чувство ненависти к окружающим — в любом из них ему «мнится соперник счастливый», конкурент, ограничивающий его претензии, или по крайней мере препятствие для осуществления его безудержной личной экспансии. В. А. Твардовская в своей книге не раз отмечает ненависть как отличительное свойство катковской натуры — особенно к демократическим деятелям, но также к либералам, даже к представителям собственного лагеря, несогласным с ним (подозрительность Каткова, его мания всюду находить заговор и государственную измену отмечали все его биографы).

Во-вторых, установка на власть стимулирует в человеке некрофильство — неприятие всего живого, развивающегося, нового, «неподдающегося», не укладывающегося в прокуроровское ложе его своевольных расчетов; стремление манипулировать окружающим как однозначно-податливым, механическим, мертвым миром, разграфленным по пунктам, полочкам, биркам и рангам. «Некрополис», — написал П. Я. Чаадаев о николаевской России с ее духом всеобщего послушания и казармы. И Катков в своем охранительном зуде стремился поддерживать эти мертвящие тенденции самодержавно-бюрократической системы, ибо они внутренне устраивали его самого.

Даже физически поздний Катков вполне соответствовал своей духовной сути. «Фотографии сохранили, — читаем мы в рецензируемой книге, — характерный, отмеченный и современниками образ: застывший, «стеклянный» каренинский взгляд, так плохо ввязавшийся с репутацией «львояростного кормчего» самодержавия, и печать заурядности, делавшую Каткова в его финале скорее похожим на ординарного представителя высшей бюрократии...» Натура человека, снедавшая его страсть к всеповелеванию убила, иссушила, омертвила его природный ум.

Вполне естественно, что стремясь властвовать (и всячески поддерживая систему, обеспечивающую их властные притязания), «птенцы гнезда Каткова» в то же время не умели и не могли предложить ничего конструктивного для своей страны и даже для самой системы. В воспоминаниях С. Ю. Витте встречается любопытная характеристика ближайшего соратника, прокурора святейшего Синода Победоносцева. Автор воспо-

¹ Fromm Erich. The Anatomy of Human Destructiveness. N. Y. e. a 1973, p. 295—296.

минаний удивляется, почему этот человек, который был, по его мнению, чуть ли не «наиболее выдающимся по уму и образованию» среди других царских сановников, вместе с тем «страдал»¹ полным отсутствием положительного жизненного творчества — он мог ко всему относиться критически, а сам ничего создать не мог». К аналогичному идейному бессилию (хотя ум у него был побойчее) пришел и Катков. Эти люди по существу лишь отрицали, но не знали, «что делать». И ничего удивительного в этом нет. На ненависти, на силе, на принуждении, на господстве ничего не построишь, точно так же как некрофильство способно породить лишь кладбищенский порядок. Только любовь и творчество (это одно и то же!) способны явиться прочными основаниями общественной жизни людей.

Кормчий на тонущем корабле — так можно кратко выразить личную судьбу и драму Каткова. Здесь был порочный круг: вся идейная, политическая и культурно-психологическая атмосфера царизма губила Каткова и ему подобных, а они в свою очередь тянули корабль самодержавия на дно. Книга В. А. Твардовской хорошо показывает это.

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I, М., 1960, с. 306.

АКАКИЮ

ГАЦЕРЕЛИЯ

70 ЛЕТ

161135920
102-1110133

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Акакию Константиновичу Гацерелия исполнилось 70 лет... Мне трудно далась эта фраза, ибо я не знал, с какой ипостаси его богатого и многообразного дарования следовало начинать перечень сфер, в которых это дарование проявилось более чем за полвека. Критика и литературоведение, филология и текстология, философия и теория стиха, эссеистика и художественная проза—в каждой из этих областей науки, в каждом из названных жанров художественной литературы — Акакий Гацерелия, мастер, творец, артист. Это последнее качество я бы хотел подчеркнуть особо, ибо печатью истинного артистизма отмечены и стиль его научных изысканий, и его литературно-критическая манера, и почерк его как эссеиста или новеллиста. Артистизм этот присутствует и в ряде его остро полемических выступлений, давая пищу уму и сердцу, даже если ты не всегда или не со всем согласен с автором по существу того или иного вопроса. Это артистизм и самой мысли, процесса размышления, и формы, в которую эта мысль воплощена.

Как же это достигается? Что или какая сила за этим стоит, гарантируя свершение? Самый краткий ответ на этот вопрос прозвучал бы так: личность! Вот когда получает свое очевидное подтверждение ставшее ходовым изречение, что человек это стиль!

Акакий Гацерелия не просто блестящий грузинский и, я бы сказал, европейский писатель и ученый нашего времени— он блистательный грузинский и европейский интеллигент той формации и генерации, тип которого сложился в десятых, а затем в двадцатых годах текущего столетия, впитал в себя животворные соки революционного брожения этой уникальнейшей эпохи и на очень высоком

духовном уровне соединил в себе национально-патриотический и интернационально-гуманистический полюса мировосприятия и мироощущения современности. Если же обратиться к конкретным сферам приложения энциклопедических знаний и многообразных талантов Акакия Гацерелия, то можно было бы назвать и его фундаментальное исследование «Грузинский классический стих», и его монографии — «Бараташвили», «Орбелиани», «Важа Пшавела», и его «Некоторые вопросы поэтики «Витязя в тигровой шкуре». Этот труд неотделим и от его редакторско-текстологической работы в осуществленных им изданиях «Жизни Георгия XIII» Платона Иоселиани, двухтомника писем и однотомника сочинений Григола Орбелиани, сочинений Николоза Бараташвили и «Путешествия на Кавказ» А. Дюма. Петр Ивер и вопросы ареопагитики, Шота Руставели и Данте (Гацерелия первый высветил колхидский пласт в «Божественной комедии»), античные авторы и грузинский девятнадцатый век. Пушкин и Достоевский, французы и немцы, Анна Ахматова и Юрий Тынянов, Галактион Табидзе и Георгий Леонидзе, историки и философы, лингвисты и столпы отечественного музыкального театра, Акакий Шанидзе и Корнелий Кекелидзе, Георгий Чубинашвили и Григорий Филимонович Церетели, Симон Джанашия и Илья Агладзе, Захарий Палиашвили и Нико Кумсиашвили, Мосэ Гогиберидзе и Геронтий Кикодзе — чью только судьбу, творчество или какие-то мгновения жизни и вдохновения не охватывают, схватывают, выхватывают работы Акакия Гацерелия — эссеистские, портретные, мемуарные...

Среди перечисленных фигур есть одна, близость и родство с которой Акакия Гацерелия неоспоримы и им самим неоднократно засвидетельствованы. Это — Юрий Тынянов. И дело не только в том, что сам Акакий Константинович с благоговейной благодарностью признает великое значение для себя тех или иных принципов или методов старшего коллеги и учителя, или что он сам во многом способствовал углублению его грузинских штудий, дело во внутренней подготовленности ученика к этим принципам и методам еще до непосредственного контакта и дружеской близости с учителем. Тут и совпадение предметов научного постижения (например, теория стиха), тут и общий избирательный интерес к историческим и литературным эпохам, тут даже двуединое направление дерзаний обоих в научных и художественных жанрах литературного творчества... Ведь так же как автор «Архивистов и новаторов» и «Проблем стихотворного языка» был творцом «Смерти Вазир-Мухтара», «Кюхли», «Пушкина», «Подпоручика Кижее», «Восковой персоны» и «Малолетнего Витушишникова», автор «Грузинского классического стиха» и монографий о грузинских классиках является создателем повестей и рассказов «Имам в ложе», «Смерть Бараташвили», «Мурави», «Чир-Юрт», «Ученик Боско», «Рассказ художника» и других. И вот, перед тем как «пойти на коду» в этом своем приветствии юбиляру, я сознаю в той радости и наслаждении, которые мне доставили только что — в № 11 журнала «Цискари» — опубликованные новые прозаические шедевры всегда мною любимого писателя. Это «Двойник» и «Последняя молитва отца Назара». Первый из них живописует эпизод из жизни сына Шамиля Мухамеда-Шафи (поездку — последнего из Казаня в Париж и неожиданное столкновение с самозванцем, называющимся на его имени), а во втором дана сце-

на нравственного единоборства царского сатрапа и карателя со служителем церкви, взявшим под защиту побежденных революционеров в час поражения революции пятого года... И не только мастерски построенные сюжеты этих рассказов или рельефная, «плотная» фабульная плоть их, не только благородный гуманизм и победоносная человечность, пронизывающие эти рассказы, но и яркая пластичность, зримая мизансценировка и искусство портретного письма в соединении с безукоризненно точным психологизмом и музыкально выверенной нюансировкой душевных движений восхищают в этих — позволю себе повториться — шедеврах Акакия Гацерелия, написанных с молодой зоркостью и ритмической энергией.. О, как был прав создатель «Десницы великого мастера», когда три с половиною десятилетия назад настойчиво и рыцарственно призвал грузинскую литературную общественность «обратить внимание на приход в грузинскую прозу Акакия Гацерелия, в лице которого мы обрели писателя высокоталантливого и на редкость тонкого вкуса», и добавил вслед за этим и в явной связи с этим, что воистину «писатель должен обладать большим и благородным сердцем», что «только рыцари без страха и упрека становились от века большими писателями».

Наверно и это обстоятельство имел в виду я, младший и скромный современник и поклонник юбиляра, когда в одном из прошлогодних номеров «Литературной Грузии» с гордостью назвал имя Акакия Гацерелия в ряду тех советских писателей, «духовный опыт, всеохватывающие познания, творческая и творящая память которых в такой мере аккумулировали в себе культуру нашей эпохи, как разве лишь считанным и избранным единицам удалось это сделать среди здравствующих старших наших современников...».

Пожелаем же Акакию Константиновичу Гацерелия долгого и доброго здоровья и неиссякаемой, как всегда, творческой энергии во благо родного грузинского народа, во благо культуры советской и интернациональной.

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

Джуншер ВАТЕИШВИЛИ

ПРЕДТЕЧА ГРУЗИНСКОЙ ПЕЧАТНОЙ ЛЕТОПИСИ

(К 350-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ ПЕРВОПЕЧАТНЫХ
ГРУЗИНСКИХ КНИГ)

К исходу первой трети XVII века в культурной жизни грузинского народа произошло событие, значение которого трудно переоценить: к 1 августа 1629 года в столице Италии, в типографии общества по распространению католической веры («Пропаганды фиде»)¹ был отпечатан тираж первопечатных грузинских книг — «Грузинской азбуки с молитвами» и «Грузинно-итальянского словаря».

Эта важнейшая веха в истории многовековой культуры Грузии положила начало печатной традиции грузинской национальной литературы, способствуя в дальнейшем ее включению в европейское русло развития. Если рассуждать формально, то Грузия, располагавшая столь древними традициями в области культуры, сравнительно поздно приобщилась к гениальному изобретению И. Гуттенберга, хотя она значительно опередила в этом отношении некоторые страны Восточной Европы и, особенно, Передней Азии². Между тем, по существу, если учиты-

¹ Это учреждение, существующее поныне при Ватикане, называется теперь «Конгрегацией евангелизации народов». Среди действующих в католическом мире духовных учреждений высшего ранга оно выполняет функции министерства миссионерских дел.

² Первая печатная книга на болгарском языке «Абагар» увидела свет в 1651 г. в той же римской типографии, где были изданы первопечатные грузинские книги; первые типографии в Румынии были основаны с 1690-х годов, а выдающимся деятелем румынского книгопечатания и просветительства был грузин Антим Ивериану (Ивериели), который одновременно много способствовал не только основанию первой типографии в самой Грузии, но и развитию книгопечатания на славянских, греческом и арабском языках; первая в Турции типография, выпускавшая продукцию на турецком и арабском языках, была создана не ранее 1727 года, а в Ираке — 1829 г., причем инициатором основания первой арабской типографии в Багдаде был Дауд Гюрджи — Давид Георгиевич Манвелашивили (см. Б. Г. Силагадзе, «Грузинские мамлюки в Ираке», Тб., 1967, с. 261).

вать политическую обстановку в XVI — XVII веках на Ближнем Востоке, Кавказе и собственно в Грузии, то этот коренной перелом в грузинской культуре может показаться не только преждевременным, но даже своеобразным парадоксом. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить несколько фактов из истории Грузии указанного периода.

После падения Византии Грузия, раздробленная на несколько независимых царств и княжеств, оказалась в кольце агрессивно настроенного окружения мусульманских держав, что способствовало, особенно с начала XVI века, усилению нашествий завоевателей и углублению внутрисударственных противоречий. Амассийским договором 1555 г. Персия и Турция поделили сферы влияния в Грузии: Картли, Кахети и Восточная часть Самцхе-Саатабаго стали «достоянием» сефевидов, тогда как Западная Грузия, включая Западную часть Самцхе-Саатабаго, составила протекторат «Блистательной Порты». Этот договор на длительный период узаконил политическую разобщенность Грузии, создав вполне реальные условия для аннексии агрессорами отдельных регионов страны и ассимиляции ее коренного христианского населения. Самоотверженная борьба грузинского народа за свободу и независимость с этого времени велась в весьма тяжелых условиях на фоне кровопролитных войн между Турцией и Персией, единоборствующих между собой за полное владычество в Закавказье. «Таким образом, Грузия в XVI веке уже не представляла собой поприще культурных взаимоотношений между Западом и Востоком, как это имело место в прошлом, а являлась страной, оказавшейся между двумя насильниками и почти полностью оторванной от культурного мира Западной Европы»¹.

Первое тяжелое испытание на долю позднефеодальной Грузии выпало во второй половине XVI века, когда Персия урвала у Кахетинского царства Цахурское владение, а Турция аннексировала Самцхе-Саатабаго и Аджарию. Вместо древнего, исконно грузинского, удельного княжества султанское правительство основало разделенный на восемь санджаков (областей) Ахалцихский пашалык, который, в результате двухразового соглашения с Персией, был включен в пределы Османской империи Стамбульским миром 1590 года. Шах Аббас I (1587 — 1629), взойдя на престол незадолго перед этим на персидский престол, вынужден был признать в качестве подвластных владений Турции не только Грузию и некоторые другие регионы Закавказья, но и весь Курдистан и часть Луристана, принадлежавших Персии. Однако персидско-турецкое соперничество в Закавказье, и, в частности в Грузии, характеризовалось переменным военным успехом. За годы правления шаха Аббаса I Персия настоятельно окрепла, что восстановила не только государственную целостность, но и утраченные политические позиции в Закавказье. Уже на исходе 1612 года, в результате достигнутого в Стамбуле ирано-турецкого соглашения, полностью были восстановлены условия Амассийского договора, но с той разницей, что превра-

¹ Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, Тб., 1973, с. 147 (на груз. яз.).

ценная в Ахалцихский пашалык Восточная Самцхе-Саатабаго, которая по договору 1555 года принадлежала Персии, по договору была закреплена за Турцией.

Второе тяжелое испытание, которое претерпела дальняя Грузия и вследствие которого население восточно-грузинских царств Картли и Кахети фактически наполовину сократилось, связано с именем шаха Аббаса I, этого типичного представителя восточного деспотизма. В результате осуществленных им четырех нашествий многочисленного персидского войска (1614 — 1617) Восточной Грузии был нанесен непоправимый урон. «Разрушенные тогда многие города и деревни так никогда и не возродились... Кахети утратила две трети своего населения. До ста тысяч человек сложили головы в сражениях с врагом, а около двухсот тысяч — были угнаны в плен и поселены во внутренних провинциях Ирана»¹. Этими нашествиями, однако, не ограничилась коварная ассимиляторская политика шаха Аббаса в отношении Грузии. Кровавопролитные сражения в Марткопи и Марабде, так же как, в определенном смысле, и базалетская братоубийственная трагедия, в которых грузинский народ понес колоссальные жертвы, были следствием именно этой изуверской политики шаха Аббаса.

Просвещенный монарх Кахети Теймураз I (1589 — 1663), наделенный чертами принципиального политика и неустрашимого военачальника, в результате победоносного Марткопского сражения 1625 года стал обладателем также и картлийского престола. Он отдавал себе отчет в том, что Восточная Грузия, обессиленная в жестокой борьбе за свою независимость, сама по себе, лишь с оружием в руках не могла бы справиться с численно во много раз превосходившим противником. Поэтому наряду с максимальным использованием внутригосударственных возможностей он неустанно искал сильного внешнего союзника, способного оказать ему действительную поддержку в борьбе с ненавистным врагом. После того, как в тех конкретных условиях была исключена возможность получения военной помощи от России и даже Турции, Теймураз обратил взор на Западную Европу. В такой политической обстановке наметилось и на исходе первой трети XVII века осуществилось грузинское посольство к главам некоторых западноевропейских государств, которое вместо желаемой дипломатической акции имело своим следствием большое культурное мероприятие общенациональной значимости.

* * *

Единственным источником, подтверждающим издание первопечатных грузинских книг за рубежом, в нашей историографии до последнего времени служило содержание самих этих книг, их титульные данные и, особенно, текст «Посвящения» папе Урбану VIII, подписанный Ахиллом Венерио и приложенный к «Грузино-итальянскому словарю». Из сведений, содержащихся в этом источнике, самым значительным является то, что непосредственным участником издания первопечатных гру-

¹ Очерки истории Грузии, т. IV (на груз. яз.), стр. 272—273.

зинских книг в Риме был, оказывается, сам посол Теймураза I в западноевропейские страны Никифор Ирбах, который в нашей научной литературе отождествляется с известным грузинским церковным деятелем XVII века Николаем (Никифором) Ирубакидзе-Чолакашвили. В связи с этим фактом историк М. П. Тамарашвили, который в своих известных трудах первым обозрел и ввел в научный оборот архивный материал о посольстве Никифора Ирбаха, сообщает весьма скудные сведения: «Его (Никифора) продолжительное пребывание в Риме оказалось отнюдь не бесплодным. Помимо дела, ради которого сюда прибыл, он много способствовал составлению грузино-итальянского словаря, который был напечатан в Риме в 1629 г. В достаточной мере освоил итальянский (язык) и притом немного обучил грузинскому (языку) Стефано Паolini, который совместно с Никифором принял труд к изданию этого словаря. Никифор большое участие принял также в деле основания грузинской типографии в Риме»¹. В другом случае М. П. Тамарашвили сообщает, что «грузинский посол обучил своему языку театинских монахов, основал в «Пропаганде» грузинскую типографию и издал на этом языке маленькую книжку молитв и итальянско-грузинский словарь»². В сущности этим исчерпываются сведения М. П. Тамарашвили по интересующему нас вопросу. Ясно, что факт издания в Риме первопечатных грузинских книг не стал предметом специального исследования ученого и приводимые им данные, а более точно — логические выводы основаны на том же источнике, на который мы выше ссылались.

15 марта 1963 года по инициативе ныне покойного академика Н. А. Бердзенишвили ватиканской «Библиотеке апостолика» от имени Академии наук Грузинской ССР был послан запрос о первопечатных грузинских книгах с целью хоть сколько-нибудь пополнить весьма скудные сведения о них. В ответном письме префекта Ватиканской библиотеки, датированном 27 апреля того же года, был воспроизведен список грузинских текстов, опубликованных в Риме в различное время, и, кроме того, — ряда исследований, которые непосредственно не касались (либо мало касались) интересующего нас вопроса. В «нотабене» ответного письма было отмечено: «Полная история типографии «Полиглота» святой конгрегации Пропанды фиде еще не написана. А. Бертолотти в (своем) труде «Восточные типографии и ориенталисты в Риме XVI—XVII веков»... никаких сведений о грузинской типографии не сообщает»³ (разрядка наша — Д. В.).

¹ М. П. Тамарашвили. История католичества среди грузин, Тб., 1902, с. 95 (на груз. яз.).

² Michel Tamarati. L'Eglise géorgienne dès origines jusqu'à nos jours, Rome, 1910, p. 505.

³ В этом письме, оригинал которого с грузинским переводом хранится в архиве Центральной библиотеки Академии наук Грузинской ССР, указаны труды М. Тархнишвили, И. Цорелли, М. Тамарашвили, В. Э. Д. Алена, А. Броджотти, А. Квирини, Р. Стрейта, Г. Морони и А. Бертолотти. Автор высказывает сожаление по поводу того, что «вопрос издания «Орег Омниа» театинского монаха пад-

В результате зарубежной научной командировки, осуществленной в 1977 году по инициативе Академии наук Грузинской ССР, в частности в Италии, в архивах Ватикана и предоставленной ему «Пропаганды фиде» нами выявлен документальный материал по истории грузино-итальянских отношений XVII века, который, по возможности, восполняет сведения грузинской историографии о посольстве Никифора Ирбаха и изданных в 1629 году в Риме первопечатных грузинских книгах. В связи с полиграфическими трудностями выявленный материал пока еще полностью не обработан, поэтому ограничимся на этот раз лишь изложением содержания отдельных документов, сопровождаемым нашим комментарием. Но прежде всего необходимо установить хронологические рамки посольства Никифора Ирбаха в западноевропейские страны, тем более, что в нашей историографии по этому вопросу существует весьма неопределенное представление.

На сегодня известно, что Никифор Ирбах с тремя своими спутниками (один из них был переводчиком) весной 1626 года¹ прибыл в Мессину и здесь познакомился с миссионерами ордена театинцев Пьетро Авитабиле и двумя его коллегами, направлявшимися в Грузию. Через их посредство посол грузинского царя наладил тесные отношения и с другими представителями этого ордена, которые помогли осуществить два основных этапа его посольства — поездку в Испанию и пребывание после этого в Риме вплоть до возвращения в Грузию на исходе 1628 года. По свидетельству М. П. Тамарашвили, Никифор ос-

ре Каstellи до сих пор не решен» и здесь же указывает местонахождение и цифр известного альбома Христофора Каstellи — уникального источника по истории Грузии XVII века: «Его (Каstellи) «Описание Иверии и Кахети» в четырех томах хранится в городской библиотеке Палермо (Miscellanea di Oriente, тт. 92—95)». Этот значительный труд Хр. Каstellи под заглавием «Сведения и альбом о Грузии» опубликовал со своим исследованием и комментариями Б. Г. Гиоргадзе (Тбилиси, 1976, «Мецниереба» («Наука»), с. 457).

¹ В «Очерках истории Грузии» начало посольства Н. Ирбаха в западноевропейские страны датировано 1622 годом (см. т. II, стр. 293). Эта версия возникла, по-видимому, на том основании, что цитированное в «Истории» М. П. Тамарашвили письмо Теймураза I к Урбану VIII, которое Никифор привез с собой в Рим, помечено ноябрем 1622 года. Если согласиться с этой датой, то получается, что Никифор прибыл в Мессину не из Грузии, а достиг берега Италии лишь после почти четырехлетнего пребывания в каких-то других странах. Эта явная несуразица, как нам кажется, следствие корректурного ляпсуса, допущенного в названном труде М. П. Тамарашвили: полагаем, что в письме Теймураза I вместо 1622 должен быть указан 1625 год. Такие корректурные неточности в книге Тамарашвили допущены и в других случаях (см., например, с. 97, где в качестве даты возвращения в Грузию Н. Ирбаха вместо августа 1629 года указан август 1623 года и др.), чтобы не ссылаться на тот известный факт, что Мессина являлась завершающим пунктом кратчайшего путешествия из Грузии (через Турцию) в Западную Европу.

тался в Риме более одного года¹. Эта справка также нуждается в уточнении, поскольку рекомендательное письмо католического патриарха Антиохии Джулиано о необходимости соответствующего приема Никифора Ирбаха в «Пропаганде фиде», которое отправлено из Мадрида в Рим, датировано 11 марта 1628 года. Первая же фраза письма: «К римской курии должен прибыть синьор дон Ничефорсо Ирбакис... в качестве посла царя Иберии...»² указывает на то, что составленное по его просьбе это рекомендательное письмо Никифор либо прихватил с собой, либо оно было отправлено в Рим незадолго перед его выездом из Мадрида в столицу Италии. Согласно новым данным, Никифор покинул Рим в сентябре — начале октября 1628 года и, в соответствии с дипломатическим протоколом, совершив небольшую поездку по стране, посетил сперва Неаполь, а затем Флоренцию, где был принят в качестве высокого гостя. Маршрут этой поездки в сторону Юга Италии свидетельствует о том, что посол мог бы продолжить путь, не возвращаясь в Рим, до Мессины, а оттуда повторить в обратный конец уже проделанное путешествие через Турцию в Грузию. Судя однако по содержанию рекомендательных писем в адрес глав некоторых западно-европейских государств (Австрии, Германии, Польши), подписанных Урбаном VIII и врученных Никифору Ирбаху перед отъездом из Рима, последний намерен был вернуться в Грузию, проследовав через вышеперечисленные европейские государства. А это совершенно другой, значительно более продолжительный, маршрут, ведущий в Грузию по территории России, через Украину и Северный Кавказ. Но так или иначе, несомненно, что Никифор мог принять участие в подготовке к изданию первопечатных грузинских книг примерно с марта по сентябрь 1628 года, а более точно, как это подтверждают и другие документы, — летом того же года, с середины июня по август включительно (в августе, весьма озабоченный тем, что его посольство слишком затянулось, Никифор предпринимает все ме-

¹ М. П. Тамарашвили, Назв. труд. с. 95.

Ниже воспроизводим полный текст рекомендательного письма: «Достославный и достопочтенный синьор, мой высокочтимый покровитель! (В документе присутствует помета об адресате: «Достопочтенному кардиналу Бандиану» — Д. В.). К римской курии должен прибыть синьор дон Ничефорсо Ирбакис (орфографию подлинника документов сохраняем полностью и в других случаях — Д. В.), который недавно приехал сюда в качестве посла царя Иберии и жил здесь на счет его величества. Этот синьор пожелал, чтобы я рекомендовал его настоящим письмом Вам, достославный синьор, и просил Вас отнестись к нему с присущей Вам бесконечной любезностью. Я делаю это с тем большей охотой, что как я надеюсь, Вам, достославный синьор, может быть приятно всякое доказательство того, что я являюсь Вашим преданным слугой. В качестве такового я всегда жажду исполнить Ваши поручения, молю Вас ныне о них и нижайше кланяюсь. Из Мадрида, 11 марта 1628.

Ваш, достославный и достопочтенный синьор, преданнейший и признательнейший слуга (Джулиано), патриарх Антиохии» (APF, SOCG, 1828, vol. 147, 1. 283).

ры к завершению переговоров и ускорению своего отъезда в Грузию). Таковы в общих чертах несколько уточненные хронологические данные о посольстве Никифора Ирбаха в западно-европейские страны¹.

Чтобы представить, в каких условиях было осуществлено издание первопечатных грузинских книг, какие конкретные обстоятельства способствовали сближению и деловому общению Никифора Ирбаха с «Пропагандой фиде» и сотрудниками ее типографии, не представляется лишним также в общих чертах ознакомиться с политической обстановкой в тогдашней Италии, со статусом и назначением тех учреждений Ватикана, с которыми самым непосредственным образом и довольно активно была увязана деятельность посла грузинского царя за время его пребывания в Риме.

Западная Европа первой трети XVII века все еще продолжала оставаться ареной тех больших социально-политических столкновений и всеобщего движения против «порчи церкви», которые в основном известны под именем реформации и контрреформации. В частности, в истории Италии этот период примечателен еще и тем, что вызванное реформацией протестантское движение основательно поколебало позиции форпоста католической веры — Ватикана и его владетеля римского папы в Западной Европе и вообще в католическом мире. К этому времени от католической церкви отпала не одна западноевропейская держава и стала исповедовать постулаты реформы духовной жизни, выработанные Лютером, Цвингли или Кальвином. Но если в начале предшествующего столетия римская церковь встретила реформаторское движение совершенно неподготовленной, то после Триентского церковного собора (1545 г.) она в значительной степени окрепла и противопоставила протестантизму активную католическую реакцию, т. е. контрреформацию². Наряду с войной против «еретиков», Ватикан фактически осуществил коренную реформу католической церкви, которая резко отличала католицизм нового времени от католицизма прошлого. Вместо признанного в прошлом официального формализма, «возрожденный» католицизм создал достаточно действенную и гибкую организационную систему, которая по своему содержанию представляла некий симбиоз духовной педагогики, активной дипломатии и разновидности инквизиции. Среди мероприятий, осуществленных римской церковью в первой трети XVII века, одним из важнейших было выдвижение на передний план миссионерской деятельности. Папская власть предпринимала все меры к тому, чтобы путем пропаганды католической веры, главным образом, в странах Востока приобрести новую паству и таким путем хоть сколько-нибудь компенсировать утраченные позиции в Западной Европе.

¹ Более обстоятельно об этом, равно как и в целом о посольстве Н. Ирбаха, будет рассказано в другом нашем исследовании.

² Опорой католической церкви в осуществлении контрреформации помимо Италии являлись Испания и Австрия, к которым позже присоединилась и Польша.

Мысль о формировании центрального органа католического миссионерства возникла еще в XIV веке, но после нескольких безуспешных попыток она была осуществлена лишь в 1622 году при папе Григории XV. Новое учреждение было названо Обществом по распространению католической веры (*Congregazione de Propaganda Fide*). Формально главой Общества являлся сам папа римский, хотя практически им руководил синклит, составленный из кардиналов. Поскольку главное назначение и обязанность этого учреждения заключались в основании миссий проповедников католической веры в восточных странах и обеспечении их кадрами, финансовыми средствами и соответствующей литературой, его руководители с самого начала в качестве основополагающей цели для миссионеров определили овладение ими языка той страны, где им предстояло развернуть деятельность. Первый секретарь конгрегации Франческо Инголи, с которым непосредственно была связана многоплановая деятельность прибывшего в Рим посла грузинского царя, подчеркивал альтернативную сторону поставленной задачи: «Если не знаешь языка страны, не сможешь быть там миссионером», — говорил он. Но для овладения тем или иным незнакомым языком миссионерам необходима была соответствующая литература — словари и грамматики, а для проповеди на этом языке — библия, катехизисы и другие литургические книги. Вполне естественно, что перед «Пропагандой фиде» в первые же годы ее деятельности остро встал вопрос об обеспечении этого учреждения собственной типографией.

Согласно существующим источникам (включая весьма скудную специальную литературу)¹, до основания типографии «Пропаганды фиде» римская церковь свою потребность в печатном распространении католической литературы на восточных языках удовлетворяла в основном за счет Ватиканской типографии, а в отдельных случаях — путем частных заказов. Вскоре однако «Пропаганда фиде» отказалась от подобной практики публикации духовной литературы на иностранных языках, которая была сопряжена с определенными трудностями и, к тому же, дорого стоила. На заседании 14 июня 1626 года конгрегация, предусмотрев соображение своего агента Ахилла Вене-

¹ В архиве «Пропаганды фиде» особо выделен фонд под названием «Стампериа», насчитывающий шесть объемистых свертков документов по истории типографии этого духовного учреждения. В нем, к сожалению, весьма бедно представлены сведения как о периоде основания, так и первых годах деятельности типографии, с которым непосредственно связан и факт издания здесь первопечатных грузинских книг. Полная история этой типографии еще не написана, хотя существует несколько исследований, в которых принята попытка частичного восполнения этого пробела. Из научных публикаций последнего времени следует отметить две статьи В. Хенкеля: W. Henkel. Die Druckerei der Propaganda Fide im Dienste der Glaubensverbreitung — «Communicatio Socialis», 1976, N2; его же: Francesco Ingoli erster Secretär der Propaganda Fide über Druckerpressen und Mission. — «Communicatio Socialis», 1970, N 1.

рио¹, о том, что при наличии своей типографии можно было сэкономить одну треть суммы, выделявшейся ежегодно для печатания книг, вопрос основания типографии «Пропеганды фиде» решила положительно. Для создания типографии был разработан конкретный план, техническое осуществление которого было возложено на одного из самых известных тогда мастеров печатного дела Стефано Паолини, который располагал большим опытом по части издания книг на иностранных, особенно восточных, языках. Во вновь учрежденной типографии «Пропеганды фиде» ему была поручена должность «протоса», т. е. первого ответственного печатника. Стефано Паолини был учеником прославленного римского типографщика Д. Б. Раймонди и некоторое время служил сперва в восточоязычной типографии Медичи, а затем в Ватиканской типографии. В архивных документах и специальной литературе старого издания он упоминается как «блестящий печатник» («Magnifico Stefano Paolini Stampatore»²). Суперинтендантом или управителем типографии «Пропеганды фиде», которому одновременно поручалось и технико-экономическое обеспечение типографского хозяйства, был назначен Ахилл Венерио. Он сыграл большую роль не только в положительном решении вопроса об основании самой типографии, но и в подыскании для нее соответствующего здания. Он сначала же предложил конгрегации использовать для этой цели свой частный дом, разумеется, на определенных условиях. Предложение с благодарностью было принято и типография «Пропеганды фиде» была основана в доме ее управителя-эконома, расположенном в самом центре столицы Италии, позади площади Венеции, на территории всемирно известного форума. Здание находится на узкой улочке, расположенной в холмистой местности над форумом, которая в 20-х годах XVII века называлась Монте Манианаполи (теперешнее наименование улицы Салита дель Грилло, что в переводе означает «Подъем сверчка»)³. Здание хорошо сохранилось (используется как жилой дом) и вместе с прилегающей небольшой площадью (Пьяцца дель Грилло) образует архитектурный ансамбль — памятник XVII века, воздвигнутый по проекту знаменитого итальянского зодчего Джан-Лоренцо Бернини.

В типографии сначала трудились три печатника: Стефано Паолини и два его товарища, которые вместе с ним перешли сюда работать из Ватиканской типографии. Один из них был немец, а другой — итальянец. В типографии оба выполняли обязанности резчиков букв и словолитчиков. За сравнительно ко-

¹ В архивных материалах эта личность иногда упоминается как «Акилле Венерео». В одном из писем-реляций П. Авитабиле, отосланных в Рим из Грузии в 1633 г., его фамилия искажена на «Вениеро» (см. «Дон Пьетро Авитабиле. Сведения о Грузии (XVII в.)», Тб., 1977, с. 22, 106).

² A. Bertolotti. Le tipografie orientali e gli orientalisti a Roma nei secoli XVI e XVII, — «Rivista Europea-Rivista Internazionale», Firenze, 1878, f. 254.

³ APF. SRC, Stamperia, 1622-1720, vol. 1, f. 22-r.

роткий срок эти три типографа заложили основу многоязычному шрифтовому хозяйству при «Пропаганде фиде», которое уже в 30-х годах XVII века насчитывало более двух десятков подразделов. Примерно с этого же времени типография стала именоваться «Poliglota», прославившись на весь мир солидными тиражами печатной продукции духовного содержания на разных языках.

В таком состоянии находилась типография Римского общества по распространению католической веры, когда первые же шаги на дипломатическом поприще Никифора Ирбаха, прибывшего из Испании в столицу Италии, непосредственно взаимосвязались с конгрегацией «Пропаганды фиде». Главная цель посла грузинского царя заключалась в том, чтобы передать римскому папе Урбану VIII письмо Теймураза I и добиться удовлетворения изложенных в нем требований. Новые данные свидетельствуют о том, что руководители «Пропаганды фиде» сперва совершенно игнорировали политическую сторону посольства Никифора Ирбаха, заострив внимание исключительно на вопросах духовного характера. Они не только интересовались тем, насколько значительно (или наоборот) отличалась вера грузин от догматов католической церкви, но для принятия от Никифора Ирбаха полномочий в качестве посла грузинского царя выставили обязательное условие обращения его в католическую веру. «Реляция о грузинах» — так озаглавлен оперативно составленный для конгрегации документ информационного содержания, основанный главным образом на фактах, извлеченных из католической литературы. В заключительной части реляции автор замечает: «Я думаю, что синьор Ничефоро, посол нынешнего царя (Иберии) Теофила (Теймураза — Д. В.) не должен удивляться, если апостольский престол пожелает, чтобы он произнес формулу своего вероисповедания, прежде чем приступит к обсуждению его предложений. В записках о грузинах, хранящихся в архиве св. конгрегации, ничего не говорится о заблуждениях грузин, — напротив, они изображаются народом очень преданным апостольскому престолу и папе»¹.

На основании этого официального заключения, которое не подписано, но, по всей вероятности, принадлежит известному церковному деятелю Франческо Инголи, конгрегация «Пропаганды фиде» на заседании 20 июня 1628 года обсудила некоторые аспекты «грузинских дел». Ниже воспроизведен полный

¹ APF, SOCG 1628, vol. 147, f. 284. В другом документе — протоколе заседания конгрегации от 21 июля 1628 года содержался уже не намек, а указание на необходимость обращения Никифора Ирбаха в католическую веру. Здесь отмечалось, что «святые отцы (кардиналы — участники заседания: Вандини, Миллино, Людовизи, Сан-Систо и Барберини — Д. В.) сочли, что лучше всего было бы побудить отца Ничефоро произнести перед достоправным господином кардиналом Бандини такую формулу исповедания веры, которая содержала бы прямое осуждение заблуждений грузин (имеются в виду расхождения в вопросах веры между православной грузинской и католической церквями — Д. В.)» — APF, Acta, 1628—1629, vol. 6 f. 95.

текст протокола этого заседания (публикуется впервые, так же как и цитируемые в данном исследовании другие документы из архива «Пропаганды фиде»).

«Состоялось заседание конгрегации по распространению веры на Квиринале¹ в доме достопочтенного господина кардинала Бандини; присутствовали четыре кардинала, именно сам Бандини, Борджа, Бентивольо и Барберини, а также достопочтенные господа Корсий и Торниелли, и отец Доминик, который принес 30 скудо², полученных конгрегацией.

В ходе его, во-первых, обсуждалось письмо Теофила (Теймураза), царя Иберии, который прислал Ничефоро, монаха св. Василия, послом к его святейшеству, а в письме сообщил, что он, вопреки противодействию турок и персов, стал господином всей Иберии, и просил его святейшество препоручить его покровительству испанского короля в случае, если персы или турки снова начнут против него войну.

Было доложено и об исповедании веры самого Ничефоро, из чего следует, что грузины лишь незначительно отклоняются от истинной католической веры. Святая конгрегация распорядилась:

«1. Изготовить пуансоны и матрицы грузинских букв, как тех, которые используются для священных текстов, так и употребляемых в текстах светского содержания, дабы можно было, в случае надобности, печатать книги для поучения и развлечения грузин.

2. Поговорить с отцом Паоло, босоногим кармелитом, о заблуждениях грузин, чтобы проверить верно ли то, что сообщил Ничефоро об их религии»³.

Этот документ, особенно его заключительная часть, где воспроизведено неизвестное в грузинской историографии решение конгрегации об отливке грузинского шрифта, вызывает интерес во многих отношениях. Прежде всего, выясняется, что в 1628 — 1629 годах в Риме была создана не самостоятельная грузинская типография, как это отмечается в труде М. П. Тамарашвили (вслед за ним не один историк повторил эту ошибочную версию), а по инициативе руководства «Пропаганды фиде» в типографии этого духовного учреждения изготовили грузинский шрифт и на его основе осуществили издание первопечатных грузинских книг. Вне всякого сомнения, что данное решение подтверждает в религиозных вопросах не только тенденциозное, но и проникнутое голым практицизмом отношение со стороны конгрегации к посольству Никифора Ирбаха: кардиналы отнюдь небезуспешно попытались воспользоваться пребыванием в Риме посла грузинского царя, чтобы шрифтовое хозяйство типографии «Пропаганды фиде» пополнить новыми грузинскими образцами пуансон и матриц. Но, с другой стороны, характерно, что, как усматривается из самого контекста решения конгрегации, это беспрецедентное событие в жизни грузинского народа не могло быть использовано исключительно в ин-

¹ Квиринале — название одной из площадей в центре Рима.

² Скудо — итальянская денежная единица в серебре.

³ АРФ, Acta, 1628—1629, vol. 6, f. 72—73.

тересах католического миссионерства, оно приобретало гораздо более широкое значение: в результате осуществления этого мероприятия грузины должны были получить возможность печатать книги для поучения и развлечения». Здесь, конечно, подразумеваются духовное поучение и печатание духовных книг, однако в противовес такому прочтению решения конгрегации и в соответствии с объективными потребностями тогдашней жизни грузинского народа оно толковалось совершенно иначе: санкционированному к отливке грузинскому шрифту, на основе которого должно было зазвучать грузинское печатное слово, следовало подчиниться не столько духовным, сколько преимущественно светским, общеобразовательным целям. Для создания условий использования в грузинском обществе книгопечатания именно в подобных целях потребовался довольно большой срок, но его зарождение в 1629 году в Риме во многом способствовало приближению этой реальной перспективы.

Особого внимания заслуживает тот факт, что, согласно вышеприведенному решению конгрегации, в типографии «Пропаганды фиде» должны были отлить две разновидности грузинского шрифта: «нусха-хуцури» (церковный) и «мхедрули» (гражданский). Инициативу в этом можно было бы всецело приписать членам грузинского посольства, если бы не одно обстоятельство: из содержания одной реляции, представленной папе римскому, выясняется, что о двух разновидностях грузинской письменности в конгрегации «Пропаганды фиде» знали раньше принятого решения об изготовлении двух соответствующих шрифтов. В реляции в связи с этим сказано: «поскольку... они (грузины) приняли веру от греков во времена константинопольских императоров, то и переняли с самого начала греческий ритуал службы, которым пользуются и поныне, однако служат на своем родном языке. Есть два типа грузинского письма: первый именуется «кудзури» (хуцури), им пользуются только в церкви и священных книгах, второй же — «кедроли» (мхедрули), общий для всех прочих дел, и хотя в церкви он не применяется, все же им пишут священные книги для мирян»¹.

Наконец, решение об отливке грузинского шрифта привлекает внимание еще и тем, что конгрегация не смогла бы его принять и, тем более, осуществить, если бы заблаговременно не заручилась согласием посла грузинского царя оказать соответствующее содействие в этом деле. А это логическое умозаключение указывает, как нам кажется, на то, что Никифор Ирбах, так же как, наверное, и сопровождавшие его лица, должным образом оценил значение предложения конгрегации не столько с точки зрения результативности его посольства, сколько с учетом значительно более широкого и глубокого содержания понятия — прогресса грузинской культуры. Видимо именно этим обстоятельством следует объяснить довольно активную отзывчивость посла на вышеотмеченное предложение конгрегации, о чем свидетельствуют также другие, недавно выявленные, архивные сведения.

¹ APF, SRC, Georgia, 1628—1707, vol. I, f. 102—103. Реляция не подписана, она относится к документам 1626—1627 годов.

УИЦ
315 1935 330
812 11113 33

Оригинал вышеупомянутого «Посвящения» Урбану за подписью Ахилла Венерио, который отличается от его опубликованного варианта не только сравнительной полнотой текста, но и разницей в деталях, нам удалось выявить в архиве «Пропаганды фиде». Он представляет собой выполненный скорописью трудноразборчивый текст на итальянском языке, составленный из двух частей. Первая часть — собственно текст «Посвящения» завершённый, датированный и подписанный, который в отредактированном варианте, сокращённый и без даты был приложен к «Грузино-итальянскому словарю». Вторая, сравнительно малая и неконкретная своим содержанием часть документа, представляет собой не столько сокращённый вариант «Посвящения», сколько его образец вообще, оставшийся неопубликованным, наверное, не по той причине, что в нём наглядно сказываются элементы художественности и аллегоризма. Ниже воспроизводим содержание документа в той последовательности, какая в нём соблюдена.

«Святейший отец,

из сообщений миссионеров св. конгрегации по распространению веры повседневно видно, какую важность для насаждения католической религии имеет печатание хороших книг, и особенно катехизисов на разных языках, дабы просветить еретиков, схизматиков и неверных, приведя их к пониманию истины. Поэтому упомянутая св. конгрегация, после должного размышления учредила печатню со шрифтами разных языков, особенно же тех, которые являются общими для многих народов; этими шрифтами сейчас печатают разные книги с упомянутой целью, в надежде принести столько же пользы, сколько приносили и приносят сами миссионеры. И вот, учитывая, что падре Ничефоро Ирбочи доставил вашему святейшеству от грузинского царя послание, которого (из нас) никто не мог разобрать, было решено среди прочих шрифтов сделать и этот изощреннейший и прекраснейший шрифт. После того, как падре Ничефоро, пребывая в Риме, сообщил алфавит упомянутого шрифта и много тысяч слов упомянутого грузинского языка, — для пользы миссионеров, которые могли бы быть посланы и будут посланы в Грузию, были, наконец, напечатаны алфавит и псалтырь, вместе с настоящим словарем. Правда, этот последний не полон, так как у нас не было времени; однако, поскольку Стефано Паолини, выписывая под моим руководством слова, старался прежде всего отбирать наиболее употребительные в повседневном обиходе, — можно надеяться, что названные алфавит и словарь прекрасно послужат для надобностей упомянутых миссионеров. А так как на этом языке в Европе еще ни одной книги не было напечатано, то я решил, что, выпуская ее в свет, не следует посвящать ее никому, кроме вашего святейшества, под чьим покровительством была учреждена названная св. конгрегацией упомянутая печатня; нижайше умоляю Вас соблаговолить принять этот незначительный плод моего труда, который я подношу и посвящаю вашему святейшеству, моля бога даровать Вам самое полное счастье. Простершись на земле, целую ноги вашего святейшества.

В печатне св. конгрегации по распространению веры.
1 августа 1629.

Смиреннейший, преданнейший и покорнейший слуга и подданный вашего святейшества Акилле Венерио»¹.

Первая часть рукописного «Посвящения» на этом документе, которая воспроизведена на отдельной странице и приложена к первой части текста. Здесь сказано: «Конгрегация по распространению веры, которая занимается насаждением католической религии во всем мире, в случае если куда-то не может прийти живой голос ее служителей, старается прибегнуть к помощи бумаги и книг. А поскольку чужие письменна понять не менее трудно, чем языки, эти синьоры (имеются в виду сотрудники типографии «Пропаганды фиде» — Д. В.) стремятся расширить связи и познания с помощью различных иностранных шрифтов, до сегодняшнего дня неизвестных, и создают таким образом новые словари. Под счастливейшим покровительством имени вашего святейшества, которому известны многие наречия, все прочие языки надеются, что их отшлифуют и свяжут с романским, подобно тому как все реки стекаются в море, и каждая овечка в горах и отдаленнейших пустынях сможет быть услышана и понята верховным пастырем душ и получить от него духовное пропитание. Отдав все прилежание и труды свои этому столь повседневному делу, я посвящаю его вашему святейшеству, сливая каждый луч со светом солнца, которое испускает их тысячи. Пусть снизойдет ваше святейшество одобрить благое намерение там, где работа окажется несовершенной и даровать мне ваше святое благословение»².

Вышеприведенный архивный документ вызывает интерес не только тем, что сообщает некоторые сведения о трех непосредственных участниках издания первопечатных грузинских книг и указывает конкретную дату их выхода в свет, но, особенно тем, что способствует нашему представлению о специфике и отдельных деталях этого, на редкость значительного, культурного мероприятия. Весьма досаден тот факт, что в содержании процитированного документа не упомянут, как бы оставшийся «за кадром», четвертый, пожалуй, ведущий участник этого достопамятного события в жизни грузинского народа. Речь идет об одном из отмеченных выше двух резчиков букв

¹ APF, SPC, Stamperia, 1622—1720, vol. 1, f. 97(95) r-v.

² APF, SRC, Stamperia, 1622—1720, vol. 1, f. 98 (96)—v. Обе части процитированного выше документа, по нашему наблюдению, писаны одной рукой, что внешне очень походит на текст двух, датированных 1625 и 1627 годами, собственноручных расписок Стефано Паоллини, которые хранятся в той же связке архивных документов. Не исключено, что текст «Посвящения» переписан его же рукой. В левом верхнем углу страницы, где помещается вторая часть «Посвящения», ясно прочитывается надпись, выполненная другим, слегка отличительным, почерком (А. Венерио?): «Memoria di un memoriale a St(ampato)re peril Caratter Giorgiano e far una dedicatoria», что означает: «Напоминание печатнику по поводу грузинского шрифта и посвящения». Вдоль этой приписки, перпендикулярно к тексту, указана та же дата: «1 agosto 1629» (1 августа 1629 г.).

и словолитчиков типографии «Пропеганды фиде», которому было поручено изготовление грузинского шрифта. К сожалению, имя и фамилия его остались неизвестны истории. В архивных документах он упомянут итальянским словом, указывающим на его национальную принадлежность, — «Тедеско», что в переводе означает «немец»¹. «Тедеско» был блестящим знатоком своего дела и это наглядно усматривается по отлито-му им грузинскому шрифту, особенно по тем, с филигранным искусством изготовленным, лигатурам грузинских букв, которые с трудом сумеет выполнить столь тщательно даже современный мастер - полиграфист. Можно предположить, что при переносе специфики грузинского гражданского алфавита («мхедрули») в металл, что в ту пору осуществлялось посредством деревянных пуансонов-матриц, «Тедеско» в этом деле, помимо Никифора Ирбаха и Стефано Паolini, помог его коллега, второй известный словолитчик типографии «Пропеганды фиде» Джамбатиста Сотилле, который, как уже отмечалось, раньше трудился вместе с «Тедеско» в Ватиканской типографии.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что издание первопечатных грузинских книг было осуществлено на интернациональной основе. Этот факт в свою очередь указывает на то, что уже к концу первой трети XVII века печатное слово являлось довольно действенным средством для углубления международных культурных взаимоотношений, что столь наглядно подтвердилось на примере издания в Риме первопечатных грузинских книг. Что касается заслуг участников этого выдающегося события, то на основании существующих фактических данных, и, особенно, содержания вышеприведенного «Посвящения», можно сделать общее заключение о том, что главным вдохновителем созданной в 1629 году в типографии «Пропеганды фиде» грузиноязычной печатной продукции являлся Никифор Ирбах. Это заключение представляется нам справедливым независимо от того, что А. Венерио (в «Посвящении») и С. Паolini (в титуле «Словаря») проявляют определенную тенденцию главную заслугу в этом деле приписать себе. Их заслуга, особенно Стефано Паolini, поистине безгранична и неопределима, но ведь и то неоспоримо, что вместе с составлением грузинской азбуки самую трудноосуществимую обязанность — составление словника «Грузино-итальянского словаря», насчитывающего 3084 единиц, взял на себя Никифор и более или менее удовлетворительно выполнил ее. Весьма симптоматичен в этом смысле тот факт, что в одном из архивных документов, в отличие от титульных данных: «Грузино-итальянского словаря», единоличным автором этой книги указан Никифор Ирбах². И это не исключение.

В архиве «Пропеганды фиде» мы обнаружили справку о том, что в 1629 году в типографии этого духовного учреждения помимо «Грузинской азбуки с молитвами» и «Грузино-итальянского словаря» имела место и третья разновидность

¹ W. Henkel. Die Druckerei der Propaganda Fide im Dienste der Glaubensverbreitung, — «Communicatio Socialis», 1976, N2, S. 107.

² APE, SRC, Stamperia, 1622-1720, vol. 1, f. 123((121)-r.

публикации первопечатного грузинского текста, единичным автором которого снова был указан Никифор Ирбах. Одно дело, однако, установить посредством архивного документа столь неожиданный и важный для грузинской историографии факт, и совершенно другое — воспринять его непосредственно, через реальное осязание (*de visu*). После весьма трудного и продолжительного поиска единственный («обязательный») экземпляр этого неизвестного до сих пор грузинского печатного текста мы обнаружили в ватиканской «Библиотеке апостолика». Им оказалось не оригинальное произведение Никифора Ирбаха, а переведенный с латинского на грузинский язык текст весьма популярной в прошлом молитвы в честь богородицы под названием «Литания Лауретана» (по имени итальянского города Лорето), который поместился на одном, так сказать, «открытом» листе (*in apertum*) и был напечатан с довольно большим по тому времени тиражом¹. Перевод выполнен весьма своеобразно, в нем усматриваются ляпсусы с точки зрения грузинского языка, так называемые европеизмы и, особенно, сильное влияние греческого языка, что непосредственно перекликается с аналогичными ошибками, допущенными в «Грузино-итальянском словаре». Соображения по этим вопросам будут высказаны в другом нашем исследовании. Здесь отметим лишь то, что выявление нового фактического материала о первопечатных грузинских книгах, хотя и пролило определенный свет на отдельные проблемы, существующие в научной истории этого события, но, одновременно, породило и ряд новых вопросов, ответить на которые можно после всестороннего осмысления и сопоставления этого материала, что является делом ближайшего будущего.

Среди вопросов, нуждающихся в уточнении, обращает на себя внимание судьба грузинского церковного шрифта в Риме. Из рассмотренного выше архивного документа известно, что конгрегация на заседании 20 июня 1628 года вынесла решение об отливке вместе с грузинским гражданским («мхедрули») и церковного шрифта («нусха-хуцури»). Но опубликованные в 1629

¹ APF, SRC, Stamperia, 1622–1720, vol. 1, f. 419–v.

Трудный поиск грузинского печатного текста «Литании Лауретана» способствовал нашему ознакомлению с некоторыми из раритетов «Библиотеки апостолика». Одним из них является так называемый типографский фонд Барберини («*Stampata Barberini*» — Барберини была фамилия Урбана VIII). Именно здесь сосредоточены уникальные экземпляры первопечатных грузинских текстов (исключая перевод «Литании Лауретана») с позолоченным изображением на их обложках фамильного герба Барберини, которые в свое время особо были изданы для поднесения папе римскому. Эта традиция в типографии «Пропаганды фиде» имела общий характер и касалась не только латиноязычных книг, но и любого нового издания этой типографии, даже повторного, независимо от языковой принадлежности. В этом пришлось убедиться лишним раз, когда в фонде Барберини нам довелось ознакомиться с предназначенными для римского папы экземплярами «Грузинской грамматики» Марии-Франциско Маджо 1643 и 1670 годов издания (второе издание этой книги поступило в названный фонд уже после смерти Урбана VIII).

году в типографии «Пропананды фиде» все три грузинских текста отпечатаны шрифтом «мхедрули». Согласно архивным сведениям, которыми мы располагаем, специфика грузинского церковного алфавита не воспрепятствовала изготовлению шрифта «нухса-хуцури» в этой же типографии. Выясняется однако, что первоначальное решение конгрегации об отливке этого шрифта осталось невыполненным по неизвестной причине. Примерно три месяца спустя «Пропананда фиде» вновь рассмотрела этот вопрос при обсуждении мероприятия для создания новых шрифтов на различных языках. В протоколе заседания конгрегации, состоявшегося 31 октября 1628 года, об этом сказано следующее: «Состоялось заседание во дворце достославного господина кардинала Бандини, присутствовали четыре кардинала: сам Бандини, Миллино, Борджа и Барберини. Во-первых, решили, чтобы изготовили пуансоны и матрицы букв, которыми пользуются грузины для священных текстов, а также букв абиссинских, или эфиопских и матрицы малых греческих букв, чтобы в типографии св(ятой) конгрегации были и большие и малые греческие буквы...»¹.

Это решение, принятое кардиналами уже в отсутствие посла грузинского царя, было выполнено. Об этом свидетельствует, прежде всего, тот факт, что секретарь «Пропананды фиде» Франческо Инголи в одном из своих выступлений на заседании конгрегации (1640 г.) наряду со шрифтами азбук на различных языках упомянул также грузинский гражданский и церковный шрифты². В более позднем архивном документе — отчете руководства типографии о состоянии шрифтового хозяйства, представленном в конгрегацию «Пропананды фиде» в 1648 году, указано наличие к тому времени количество, в частности грузинского шрифта. Согласно этому отчету два варианта грузинского шрифта в типографии были представлены в следующей пропорции: «Грузинский церковный шрифт: пять ящиков в пятьсот двадцать фунтов—520, и еще (тот же) шрифт в кульках общим весом двести двадцать один фунт — 221; грузинский гражданский шрифт: три ящика весом триста семьдесят семь фунтов — 377, и еще два «печатника» (имеются в виду, как нам кажется, лигатуры грузинского гражданского шрифта — Д. В.) в кульках общим весом двести семьдесят один фунт — 271»³. Когда мы попытались суммировать количественные данные о грузинском шрифте, что составило 1389 фунтов, выяснилось, что этот показатель превосходит приведенные в том же документе соответствующие данные о шрифтах на греческом (1202 ф.), иберийском или ирландском (589 ф.) и арабском (1163 ф.) языках.

Не менее интересные сведения содержит и другой, еще бо-

¹ APF, Acta, 1628–1629, vol. 6, f. 151.

² APF, C. P. vol. 3, f. 249 r–v. Текст этого доклада впервые опубликовал Г. Метцлер: G. Metzler. «Annales Pont. univ. Urban», Romae, 1968, f. 49; ср.: W. Henkel. «Francesco Ingoli erster Sekretär der Propaganda Fide über Druckerpresse und Mission», — «Comunicatio Socialis», 1970, N1, S. 170.

³ APF, SRC, Stamperia, 1622–1720, vol. 1, f. 266–r.

лее поздний документ, датированный 1696 годом, который возглавлен: «Счет книг, переданных синьору Франческо-Марии Стерамирете синьором Франческо Росси, печатником, 31 декабря 1694 г., отданных и проданных названным Стерамирете в 1695 — 1696 гг., цены проданных книг». В этом документе приведены соответствующие циркулярные сведения и о грузинских книгах, опубликованных в Риме на протяжении XVII века, хотя по ним, к сожалению, невозможно установить даже приблизительный тираж этих изданий. О грузинских книгах и текстах, отпечатанных в типографии «Пропаганды фиде», в документе последовательно указывается, в частности, что «Грузинскую азбуку (с молитвами)» вручили (миссионерам) — 376 экз., преподнесли (духовным лицам высшего ранга) — 12 экз., а к Рождеству 1697 года в типографии осталось 364 экз. этой книги. Аналогичные циркулярные данные о других грузинских книгах выглядят так: «Лексикон грузинского языка» («Грузино-итальянский словарь»): 157—12—145; «Строение языков» (Грузинская грамматика) М.-Ф. Маджо): 28—11—16; «Литания Лауретана» (грузинский текст): 611—11—600; «Доктрина» на грузинском языке (подразумевается грузинский перевод труда кардинала Р. Беллармино «Доктрина христиана»): 433—12—421»¹. Представленный в архивном документе циркуляр подразумевал также сведения о количестве проданных книг и их стоимости. Выясняется, что из опубликованных в типографии «Пропаганды фиде» грузинских книг была продана только «Грузинская грамматика» М.-Ф. Маджо да и то один лишь экземпляр, стоимость которого в соответствующей графе обозначена цифрой «1», что, должно быть, означает одно скудо. Остальные грузинские книги были розданы безвозмездно².

Установленный выше факт об отливке в типографии «Пропаганды фиде» грузинского шрифта в довольно значительном количестве может служить основанием для предположения о том, что часть его с самого начала предназначалась для отправки в Грузию. Возможность издания соответствующей литературы в самой Грузии значительно сократила бы издержки конгрегации, не говоря уж о том, что в научной литературе зафиксирован факт отправки в конце 20-х годов XVII века из типографии «Пропаганды фиде» персоязычного шрифта в Иран через посредство миссионеров — представителей ордена босоногих кармелитов, которые однако не смогли доставить его по назначению, ибо были ограблены в пути³. Высказанное выше предположение ни фактически, ни документально подтвердить не представляется возможным; не вызывает сомнений лишь то, что, как в период публикаций первопечатных грузинских книг, так и после этого, между Римом и Грузией установились определенные взаимоотношения по части обмена печатной и рукописной литературы, о чем свидетельствуют новые, выявленные нами, архивные сведения.

¹ APF, SRC, Stamperia, 1622—1720, vol. 1, f. 419—x.

² APF, SRC, Stamperia, 1622—1720, vol. 1, f. 419—v.

³ A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the XVIth and XVIIth centuries, vol. 1, 1939, London, p. 139.

Согласно их содержанию, «Пропаганда фиде» сочла недостаточным приобщение Никифора Ирбаха к католической вере и, для удовлетворения предъявленных им от имени Теймураза I требований, поставила обязательным условием обращение в католичество самого царя Иберии. На заседаниях конгрегации были рассмотрены особо составленные «Соображения секретаря Инголи о требованиях грузинского посла», суть которых в том, что для достижения этой цели автор предлагал, прежде всего, «просветить» Теймураза в соответствующей католической литературе. Как явствует из документа, Инголи подобрал, оказывается, даже конкретные книги, предназначенные для отсылки грузинскому царю через его посла. В связи с этим в «Соображениях» отмечалось: во имя того, чтобы «его величество (Теймураз I) соединился со святым престолом на условиях, выработанных вселенским Флорентийским собором... надо дать послу печатный экземпляр «Акт» этого собора для передачи названному царю, дабы тот мог ознакомить с ними прелатов своего царства. А чтобы уния совершилась наилучшим образом, пусть ему еще дадут и печатные экземпляры «Акт» всех соборов, которые признал и одобрил... святой апостолический престол, дабы посол смиреннейше ознакомил с ними царя, — и пусть совершится на прочных основаниях нерушимая уния»¹.

Из этого же документа видно, что для Никифора Ирбаха была предусмотрена, оказывается, специальная инструкция, в соответствии с которой он должен был себя вести по возвращении в Грузию. В третьем и четвертом пунктах этой инструкции внимание снова было заострено на печатной продукции духовного содержания: «3) Может быть, нужно будет дать ему (послу) несколько экземпляров «Исповедания веры» на греческом, в форме предписанной Григорием XIII; и еще очень хорошо было бы дать ему «Исповедание», составленное для эфиопов, как более подробное и содержащее определения вселенских соборов; 4) Может быть, дать ему для наставления его народа «Большую» и «Малую доктрину» кардинала Беллармино, которые напечатаны на простонародном греческом»².

Первой среди книг духовного содержания, которые называет Ф. Инголи в своих «Соображениях», является двухтомное издание о флорентийском вселенском церковном соборе³, осуществленное Стефаном Паолини в типографии «Пропаганды

¹ АРФ, СОСГ, 1628, vol. 147, f. 292–293.

² АРФ, СОСГ, 1628, vol. 147, f. 293.

³ Более точно этот церковный вселенский собор именуется «Вселенским собором Базеля — Ферарры — Флоренции — Рима». Он состоялся в 1431 — 1445 гг. и известен тем, что в нем наряду с представителями католической церкви участвовали также и представители восточно-православной церкви. Собор лишь формально достиг своей цели: на нем было принято постановление об объединении католической и православной церквей, которое осталось неосуществленным (об этом соборе и участии в нем представителей грузинской церкви см. статью О. Г. Жужунадзе в сборнике «Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств», Тб., 1970, с. 5–77).

фиде» в 1629 году почти одновременно с выходом в свет перепечатанных грузинских книг. В первом томе этого издания, озаглавленного «Флорентийский вселенский священный синод», излагается история названного вселенского собора, содержание его 25 заседаний и постановлений, принятых в ходе этих заседаний. Здесь же воспроизведены подписи тех участников собора, которые были солидарны с его постановлениями. Второй том издания состоит из текста четырех бесед духовного содержания, авторами которых указаны константинопольский патриарх Георгий Схоларий², митрополит Никей Виссарийон, епископ Метоний Иосиф и иеромонах Григорий, который являлся протосинкелом (секретарем) константинопольского патриарха. В виде предисловия (Ad Lectorem) изданию предпослано двуязычное (греко-латинское) вступление, подписанное известным греческим церковным деятелем Иоанном-Матфеем Кариофилом (1586—1669)³, который являлся горячим сторонником объединения католической и православной церквей. В сентябре 1622 года он был назначен титулярным архиепископом Иконии, а в октябре того же года ему разрешили священнослужение в Риме на греческом и латинском языках. И.-М. Кариофил являлся автором нескольких теологических произведений, которые были опубликованы в типографии «Пропаганды фиде». Эта личность представляет интерес для грузинской истории не только тем, что он являлся составителем и автором предисловия к книге, которая была отправлена Теймуразу I, но, главным образом, тем, что среди проживавших в то время в Риме греческих духовных особ он, наверное, теснее других непосредственно был связан с Никифором Ирбахом, ибо именно на него были возложены, оказывается, обязанности переводчика при после грузинского царя. Из вышеприведенного архивного документа («Соображения

¹ Книга имеет двуязычный (греко-латинский) заголовок идентичного содержания. В отличие от греческого варианта заголовка, под латинским заголовком «Sancta Generalis Florentina Synodus» отмечено «Excudebat Stephanus Paulinus», что означает: «Издано Стефаном Паолини». С содержанием этой книги мы ознакомились в Римском (папском) институте ориенталистики.

² Георгий Схоларий (1405—1472) — известный под именем Геннадия II, константинопольский патриарх (1454—1456). Как генеральный секретарь базилевса и проповедник константинопольского двора, он сперва проявил себя пламенным сторонником объединения католической и православной церквей, но впоследствии занял непримиримую позицию в отношении католической догмы проистечения «святого духа» и отверг постановление флорентийского собора об объединении. Под именем Геннадия он принял монашеский обет и стал первым патриархом занятого турками Константинополя. Дважды отставленный от патриаршества, он нашел пристанище в обители Афонской горы. Из его творческого наследия следует отметить трактаты, направленные против римской церкви, о проистечении «святого духа» (см. grand Zaraus, encyclopedique, т. 9).

³ По другой версии И.-М. Кариофил скончался в мае 1635 года, погребен в Риме.

Ф. Инголи»), в частности, выявляется, что требования из четырех пунктов, составленные Никифором Ирбахом, от своего имени и от имени Теймураза I и адресованные папе римскому были доставлены в конгрегацию «Пропаганды фиде» ни кем иным, как именно Кариофилом. Об этом свидетельствует надпись вдоль заглавия этого документа («Требований»), которая гласит: «Письмо, переданное монсиньором Кариофилом, переводчиком посла»¹.

Согласно новым данным выясняется, что печатная продукция духовного содержания типографии «Пропаганды фиде» отсылалась в Грузию неоднократно². Но совершенно иное значение имеет архивное сведение об отправке в Грузию первопечатных грузинских книг, которое зафиксировано в документе весьма оригинального содержания. Это — текст инструкции, составленный 7 сентября 1630 года и предназначенный для миссионеров, которые направлялись в Грузию. В «Инструкции» внимание заострено, прежде всего, на трудностях, с которыми миссионеры могли столкнуться в пути; кстати, здесь содержится ссылка на неприятное происшествие, имевшее место, оказывается, на возвратном пути Никифора Ирбаха в Грузию. В документе в связи с этим сказано, что первое, чего следует опасаться посланцам римской церкви в «чужих» странах, это «чума и большая опасность, которая им угрожает быть ограбленными, как это случилось с другими миссионерами, которых его святейшество и св. конгрегация послали в различные части света, здесь можно напомнить о судьбе падре Пьетро (Авитабиле) и Джакомо (Стефано), и падре Ничефоро (Ирбаха), у которых отобрали почти все, что они везли в Грузию»³.

VI—IX пункты инструкции касаются непосредственно первопечатных грузинских книг и свидетельствуют о том пытливом интересе, который римская церковь проявляла к грузинской рукописной духовной и гражданской литературе с целью ее размножения печатным способом. Здесь сказано:

«6. Пусть сообщат (миссионеры), хорошо ли удались грузинский шрифт и отпечатанные тексты, которые они возьмут с собой, или есть ошибки, и тогда пусть пришлют их список, чтобы можно было их исправить, и если там будет что-либо опущено, пусть почтительно сообщат об этом.

¹ APF, SOCG, 1628, vol. 147, f. 292.

² 2 мая 1631 г., например, так называемая малая конгрегация приняла решение о том, что направлявшиеся в Грузию «миссионеры могут брать с собой книги, отпечатанные в типографии святой конгрегации «Пропаганды веры», против ошибок греческой церкви, (в частности) сочинение Петра Ареудия о таинствах, и с их помощью легче и успешнее опровергать заблуждения грузин (в вопросах вероисповедания). Его преосвященство господин кардинал Убальдини приказал также выдать отцу Горацио Юстиниани, аббату Иллариону и господину Фоме де Аффлитти книги того же Петра Ареудия о происхождении (святого) духа, против греков, дабы им легче было составлять и исправлять свою инструкцию (для отправлявшихся в Грузию миссионеров)» — APF, Acta, 1630 — 1631, vol. 7, f. 3.

³ APF, Istruzioni, 1623—1638, f. 152—r.

7. Пусть дадут сведения о книгах, церковных и светских, которые есть в тех краях, об их авторах и содержании, а главное о Библии и священных книгах, как то о литургиях, поднесенных молитвенниках и т. п., с тем чтобы послать копии их в св. конгрегацию, если только они стоят не дорого, в противном же случае пусть запросят св. конгрегацию прежде чем входить в расходы.

8. Они (миссионеры) должны научиться хорошо читать и писать на языке этого царства, особое внимание обращая на произношение, с тем, чтобы, вернувшись в Италию, могли научить других, пусть посмотрят также, есть ли там словари и грамматики языков, на которых там говорят, с тем чтобы снять с них копии и послать их (сюда), учитывая оговорку, сделанную выше.

9. Пусть сообщат, хорошо ли понимают в том царстве греческий язык, простонародный и литературный, с тем чтобы знать нельзя ли послать кое-что отсюда на пользу этим душам»¹.

Содержание приведенных выше четырех небольших пунктов «Инструкции» весьма ценно с научной точки зрения, поскольку оно содержит емкую и многозначительную историческую информацию. Она свидетельствует не только о том, что 1629 год — год смерти шаха Аббаса I — явился символическим для Грузии своим хронологическим совпадением с изданием первопечатных грузинских книг, которые в последующем, как выясняется, были не только отправлены, но и доставлены в Грузию² для, если можно так выразиться, апробации в местных условиях. Обращает на себя внимание и то, что эти два взаимосвязанных события послужили первым лучом света, направленным на развеяние тьмы, которая временно охватила Грузию вследствие нашествий этого тирана. Приведенные выше факты, наряду с зафиксированным в «Инструкции» интересом Ватикана к существовавшей в тогдашней Грузии духовной и гражданской литературе дают основание для единственно правильного, на наш взгляд, заключения: хотя издание первопечатных грузинских книг было осуществлено в Италии, явившись как бы «приложением» к доброжелательным грузино-итальянским политическим отношениям того времени, оно всем своим содержанием увязывалось с исторической действительностью тогдашней Грузии, в частности, с государственными и общественными интересами Восточно-грузинского царства и ими же было обусловлено.

¹ APF, Istruzioni, 1623—1638, f. 152—153.

² О том, что первопечатные грузинские книги были доставлены в Грузию, мы судим по тому факту, что миссионеры Джузеппе Джудиче и Арканджело Ламберти, для которых была составлена частично процитированная выше «Инструкция» от 7 сентября 1630 года, благополучно прибыли в Грузию в мае 1631 года. Они некоторое время жили в Гори, но затем перебрались в Мингрелию, где основали новую миссию театинских монахов (см. Дж. Джудиче (из Милана). Письма о Грузии, XVII век. Текст в переводе на грузинский язык издан Б. Г. Гиоргадзе, Тб., 1964, стр. 4).

В соответствии с содержанием «Инструкции» можно сделать заключение и о том, что католическая церковь деятельность своих миссионеров в Грузии не рассматривала временным явлением и, для расширения своего влияния в этом крае, стремилась умножить их количественно и обеспечить всем необходимым. Этой же цели должны были служить и те лексикографические издания на грузинском языке, которые «Пропаганда фиде» планировала осуществить в ближайшем будущем. После того, как руководители католической церкви убедились в том, что в Грузии основным языком местного населения являлся грузинский, а греческий язык не имел никакой силы и влияния, типография «Пропаганды фиде» не замедлила с изданием лексикографического труда соответствующего содержания: этим трудом явилась изданная в 1643 году «Грузинская грамматика» миссионера Франциско-Мари Маджо¹.

Таков лишь общий обзор тех некоторых новых архивных сведений, которые проливают свет на достоверный факт публикации в Риме первых печатных книг и однолистного текста на грузинском языке, явившихся предтечей, началом развития грузинского книгопечатного дела. В истории многовековой грузинской культуры событие это переоценить трудно. Зарождение книгопечатания в Грузии сразу же четко разграничило функции и обязанности грузинской печатной и рукописной литературы. Следствием их соперничества в Грузии, как и везде, явилось постепенное, но полное вытеснение с арены грузинской общественной жизни труда переписчика книг прогрессирующим печатным способом распространения литературы. Тем не менее грузинская печатная книга вобрала в себя лучшие традиции уходящей корнями в глубь веков национальной рукописной литературы, превратив в реальность, не только фиксацию уникальных памятников этой литературы, но и их популяризацию. За этим в грузинском просветительстве постепенно последовал сдвиг огромного социального значения: в отличие от рукописной книги, которая являлась достоянием и, как отмечалось в архивном документе, «средством развлечения» исключительно привилегированных классов общества, грузинская печатная книга, преодолев социальные барьеры, постепенно пробила себе путь к широкому слою народа, чем объективно во многом способствовала превращению многовековой грузинской литературы в общенародное достояние. Несмотря на то, что первый этап развития грузинской печатной книги характеризовался определенным преобладанием духовной литературы над гражданской, из грузинских книг, изданных в Италии, России и Грузии, отдельные имели гражданское содержание. Среди них ярко выделяется для своего времени блестяще осуществленное Вахтангом VI в 1712 году издание «Вепхисткаосани» («Витязя в тигровой шкуре»). Это был своеобразный венец первого этапа в истории развития грузинского печатного дела, начало которому в 1629 году положили опубликованные в Риме первопечатные грузинские книги.

¹ Второе издание «Грузинской грамматики» М.-Ф. Маджо было осуществлено в 1670 году в той же римской типографии.

Несмотря на то, что это достопамятное в жизни грузинского народа событие, в силу конкретных исторических обстоятельств, имело место за пределами Грузии и что его осуществление, в определенном смысле, было обусловлено узкокультуральными целями католической церкви, оно имеет огромное значение, прежде всего, своим глубоко национальным содержанием. Начиная с 1453 года, когда Грузия оказалась в кольце агрессивно настроенного мусульманского окружения, а жизнь многострадального ее народа характеризовалась самыми отрицательными чертами партикуляризма, опубликование в 1629 году первых грузинских печатных книг в Риме следует рассматривать в качестве первой успешной попытки прорыва вражеского окружения и восстановления в культурной сфере активных взаимоотношений с западным христианским миром. Поэтому сам по себе этот факт, безусловно, относится к тому ряду выдающихся событий, которые предопределили и обусловили духовное возрождение грузинского народа.

Весьма символично то обстоятельство, что две важнейшие даты в истории грузинской культуры почти совпали одна с другой: в прошлом году наша общественность отметила 1500-летие бессмертного творения Иакова Цуртавели «Мученичество святой Шушаник», которая по сей день является изначальным этапом грузинской литературы, а в текущем году отмечается 350 лет того переломного события в развитии грузинской рукописной литературы, каким явилось издание в Риме впервые печатным способом изготовленных грузинских книг. Между этими двумя датами, неизгладимыми в памяти народа, почти двенадцативековой разрыв, но их объединяет одна и та же национальная традиция — нерукотворность грузинского языка и письменности, которая перешагнула через столетия и сохранила более или менее полную летопись седого прошлого грузинского народа.

ЦЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД

Прошло сто лет со дня окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг., которая, как известно, сыграла решающую роль в освобождении болгарского и других народов Балканского полуострова от османского ига. В последнее десятилетие в связи с юбилейной датой заметных успехов достигла советская балканистика.

Было создано немало трудов, посвященных вопросам национально - освободительного движения балканских народов, в первую очередь болгарского народа в 1875—1878 гг. Однако вне поля зрения советской историографии осталась такая важная проблема, притом ранее недостаточно изученная, как борьба болгарского народа против фанариотского господства, являвшаяся одной из форм национально - политической борьбы за освобождение Болгарии.

«Монография доцента Тбилисского государственного университета К. С. Лилуашвили «Национально - освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия», вышедшая в издательстве Тбилисского государственного университета (1978 г.) — попытка воспол-

нить этот пробел. Она посвящена исследованию этой проблемы и освещению роли России в этой борьбе в 50—60-е годы XIX века, т. е. в ранний период национального движения болгар. Если во второй половине 70-х годов XIX века среди балканских народов для решающей борьбы против османского владычества более подготовленными оказались болгары, то это можно объяснить опытом, накопленным в борьбе за освобождение в предшествующий период национального движения, когда им еще до окончательного национального освобождения удалось добиться значительных успехов — признания османским правительством независимости болгарской церкви (т. е. создания автокефальной болгарской церкви, освобожденной от засилия греческого духовенства, от фанариотского господства), а также признания болгар самостоятельной нацией внутри Османской империи.

В труде освещены социальные - экономические предпосылки и своеобразие религиозной по форме, а по существу национальной борьбы болгар против фанариотов, которые в сущности способствовали господству осман над болгарами. Процесс болгарского Возрождения рассматривается автором на фоне разложения османской феодальной системы и развития капиталистических отношений, зарождения нацио-

нальной болгарской буржуазии, которая возглавила национальную борьбу болгарских крестьян и ремесленников (стр. 18—24).

К. С. Лилуашвили, тщательно исследуя проблему, приходит к определенным выводам, на основании которых убедительно утверждает, что борьба против господства греческой церкви являлась кардинальным вопросом болгарского национального Возрождения, т. е. болгарская церковь борьбой за свою независимость «сохраняла национальное чувство самосознания болгарского народа» (Г. Димитров), и что эта борьба привела к «духовному освобождению Болгарии и признанию болгарской нации внутри Османской империи» (стр. 6.)

Прогрессивный, революционный характер этой борьбы и заключался в том, что она одновременно была направлена против турецкого ига. По поводу этого основатель болгарской коммунистической партии Д. Благоев писал: «Церковная борьба была национальной политической борьбой не только потому, что имела целью признание болгарской национальности в Турции, но и потому, что в нее была вовлечена вся нация, вся болгарская народность».

Достоинством работы К. Лилуашвили является и то, что автор уделяет особое внимание положительной роли России, которая постоянно оказывала помощь болгарам в их борьбе против фанариотов и вообще против османского ига.

Материалы, использованные автором в книге, свидетельствуют о том, как передовая русская общественность активно поддерживала болгарский

народ в его борьбе за духовное и политическое освобождение. Они также свидетельствуют о стремлении западных держав использовать болгарский церковный вопрос с целью ослабления влияния России среди христианского населения на Балканах.

Автору удалось наглядно показать, как балканские народы, находившиеся под османским игом, проявляли свои симпатии к болгарам, солидаризировались с ними. Более того, в работе указано, впервые в советской научной литературе, что к борющемуся болгарскому народу сочувственно относилось христианское арабское население Сирии и Палестины, что в сущности было поддержкой, являющейся результатом русской политики в болгарском вопросе.

Чрезвычайно интересны и те страницы монографии, где рассматривается отношение болгар и западных держав к восстанию греков на о. Крит в 1866—1869 гг. В то время как западноевропейские государства, не поддерживая инициативу России потребовать у султана передать Крит Греции, способствовали закреплению османского господства на этом острове, болгарские резолюционеры, несмотря на охлаждение отношений между болгарскими и греками вследствие церковной борьбы, восприняли восстание на Крите как общее дело.

Заслуживает внимания тот факт, что события на Крите послужили сигналом к выступлению болгар против султана.

Подавление восстания на Крите повлияло на решение греко-болгарского церковного вопроса. Русская диплома-

тия, убедившись в том, что греко - болгарские церковные противоречия невозможно решить путем соглашения, стала активно поддерживать требования болгар о восстановлении независимой болгарской церкви. Турецкие власти вынуждены были уступить. В 1870 г. султан издал фирман о создании самостоятельной болгарской церкви. Борьба за церковную независимость сыграла важную роль в деле сплочения болгарского народа.

В заключительной части книги автор уделяет особое внимание последующему периоду революционного движения болгарского народа, возглавляемого Г. Раковским, Л. Каравеловым, В. Левским, Х. Ботевым, которые условием успешности освобождения Болгарии от османского гнета считали тесное сотрудничество болгарского народа с русским и славянскими народами на Балканах.

Революционное движение 70-х годов XIX в. в Болгарии завершилось в 1876 г. Апрельским восстанием. Несмотря на поражение, восстание сильно поколебало османский феодальный режим в Болгарии, способствовало углублению внутриполитического кризиса в Османской империи и придало болгарскому вопросу международный характер. Но значение Апрельского восстания не только в этом. Оно показало, что после успешного завершения церковно - национальной борьбы освободительное движение болгарского народа вступило в новую, выс-

шую фазу развития, которая и закончилась окончательным освобождением болгар, чему способствовала победа русской армии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Следует отметить высокий полиграфический уровень книги. Она снабжена указателем имен и иллюстрирована.

В целом монография К. С. Лилуашвили — глубокое по содержанию, научное обоснованное по изложению с привлечением большого источниковедческого материала исследование. В работе основная проблема поставлена четко и подвергнута анализу с большим знанием вопроса, выводы благодаря хорошей аргументации убедительны.

Достоинство работы не только в новизне постановки проблемы, но и в том, что в ней привлечены в значительной мере новые опубликованные труды, а также никем до него не использованные архивные материалы. Автор, отражая достижение исторической науки в области изучения интересующей его проблемы, отдает должное болгарским и русским исследователям, внесшим вклад в разработку вопросов, прямо или косвенно касающихся данной проблемы.

Исследование К. Лилуашвили является шагом вперед в изучении вопросов национально-освободительной борьбы болгарского народа против османского и фанариотского ига.

Ил. ТАБАГУА,
А. ЧХЕИДЗЕ.

НОДАР ДУМБАДЗЕ

В КНИГУ известного грузинского писателя, лауреата премии ЦК ВЛКСМ и Государственной премии имени Шота Руставели, вошли его новый роман «Закон вечности» и ряд рассказов. Здесь, как и в других своих произведениях, Н. Думбадзе привержен своей излюбленной теме — современности и ее наиболее острым проблемам. Русскому читателю хорошо известны его романы «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце», «Не бойся, мама!», «Белые флаги», а также многие рассказы. Теперь к ним прибавился «Закон вечности», который в минувшем году был признан строителями Нурекской ГЭС лучшим романом года. Они удостоили его своей рабочей премии.

Выпущенная в этом году на русском языке издательством «Мерани» книга Нодара Думбадзе позволит русскому читателю ознакомиться с его новыми произведениями.

ЭММАНУИЛ ФЕЙГИН

ВЫШЕЛ третий том собрания сочинений хорошо известного русскому читателю прозаика Эммануила Фейгина. Широкие хронологические рамки позволяют объединить в одну книгу (Тбилиси, изд. «Мерани», 1979) как недавно написанные произведения, так

и более ранние. Это — повесть «Синее на желтом», поднимающая вопрос о мере понимания долга, об ответственности человека перед совестью, поэтическая повесть-раздумье «Тбилиси, предвечернее небо», романы «Солдат, сын солдата» и «Часы командарма», а также очерк «Писательский взвод», где автор делится своими воспоминаниями времен Великой Отечественной войны о работе писательской группы газеты Закавказья «Боец РККА», о своих друзьях и товарищах по перу.

МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ

РОМАН «Неизвестный», повесть «Час сенокоса» и историческая повесть «Громовый гул», составившие недавно вышедшую книгу (изд. «Мерани»), привлекли к себе внимание как широкого круга читателей, так и литературной критики. Рецензии на них были напечатаны в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», в «Литературной газете» и т. д. Читателей и критику в этих произведениях М. Лохвицкого привлекли искания автора, исследующего вопросы истории человечества, стремящегося к единству, поиск личностью своего места в жизни, основанного на чистоте нравственного чувства.

ЮБИЛЕЙ МИХАИЛА ДЖАВАХИШВИЛИ

В НОЯБРЕ 1980 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося грузинского писателя Михаила Джавахишвили.

Создана юбилейная комиссия под председательством председателя правления Союза писателей Грузии Г. Абашидзе. Состоялось заседание этой комиссии, на которой ее председатель рассказал о подготовке к юбилею. Этой дате ведущие издательства Грузии посвящают ряд книг. Завершается издание шеститомника собрания сочинений писателя. Готовится к выходу в свет монография академика Академии наук Грузии Г. Джибладзе о М. Джавахишвили, биографический очерк дочери писателя Кетеван Джавахишвили, а также полная библиография произведений писателя.

Московское издательство «Художественная литература» выпустит на русском языке произведение М. Джавахишвили «Арсен из Марабды». Главная редакционная коллегия по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии подготовила перевод нескольких произведений писателя, осуществленных Э. Анианишвили.

В столице Грузии будет установлен памятник писателю, выполненный лауреатом Государственной премии СССР и премии имени Руставели скульптором М. Бердзенишви-

ли, на родине писателя в Марнеули откроется мемориал. Будет выпущена также юбилейная медаль.

Торжественный юбилейный вечер состоится в Тбилиси. Юбилей своего земляка широко отметят труженники Марнеульского района Грузии.

В Республиканской библиотеке имени К. Маркса будет развернута экспозиция, посвященная творчеству писателя.

В дни юбилея в кинотеатрах республики будут демонстрироваться фильмы, созданные по мотивам произведений М. Джавахишвили.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ПИСАТЕЛЯ

В БОЛЬШОМ концертном зале Грузинской государственной филармонии состоялся творческий вечер известного грузинского писателя Реваза Иванишвили.

Вечер вступительным словом открыл и вел Вахушти Котетишвили. В своем выступлении он рассказал о творчестве писателя, случаи из его жизни и сам прочел несколько миниатюр Р. Иванишвили.

Р. Иванишвили занимает особое место в современной грузинской литературе. Творчество его глубоко национально по своему духу.

И организаторам этой встречи, и актерам З. Лебанидзе, З. Кверенчиладзе, Г. Сихарулидзе, К. Саканделидзе и другим удалось в полной мере передать аудитории всю

неповторимость и очарование рассказов писателя.

Этот вечер, никого не оставивший равнодушным, надолго запомнится всем.

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ— ГРУЗИНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

В КОБУЛЕТИ состоялась встреча за «круглым столом» на тему: современные искания грузинской исторической прозы.

На встречу, организованную по инициативе Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии и редакцией журнала «Литературная Грузия», приехали гости из Москвы — известные критики и писатели Б. Окуджава, А. Марченко, В. Сафонов, А. Руденко-Десняк, Э. Ананишвили, Н. Иванова и Г. Корнилова, гости с Украины — Н. Ильницкий и П. Федоровская, М. Ауэзов (Казахстан) и Х. Хирш (Латвия), а также их грузинские коллеги — Р. Джапаридзе, Ч. Амирэджиби, О. Чиладзе, Г. Магулария, Г. Асатиани, Г. Гвердцители, О. Нодия, З. Абзианидзе, Г. Гачечиладзе, У. Рижинашвили, Г. Лебанидзе, О. Пачкория.

Встречу вступительным словом открыл председатель Главной редакционной коллегии О. Нодия.

В ближайшем номере «Литературной Грузии» читатели подробно познакомятся с материалами об этой встрече.

НА РОДИНЕ ПОЭТА

В ЯРКИЙ праздник поэзии и труда вылилась традиционная встреча — день Акакия Церетели в Сачхерском районе Грузии.

В торжествах приняли участие труженики района, а также гости из Тбилиси и других районов республики.

Участники встречи возложили цветы к памятнику великого Акакия в районном центре, а затем направились в село Саване, где прошли детские годы поэта.

В Доме-музее А. Церетели в селе Схвители прошел праздничный митинг.

Вечером того же дня в районном Доме культуры Сачхерского района Грузии состоялось торжественное заседание, которое вступительным словом открыл первый секретарь Сачхерского райкома КП Грузии Э. Чихладзе.

Перед присутствующими выступили писатели и поэты Р. Джапаридзе, М. Поцхидшвили, М. Мачавариани, Н. Шаманадзе, Э. Самхарадзе-Джгамадзе, профессор К. Церетели и другие.

Вечер завершился концертом артистов Грузинской филармонии и Чиатурского государственного театра.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1979 ГОД

ПОЭЗИЯ

- АБАШИДЗЕ И. I, 3.
АМИСУЛАШВИЛИ Ш. VIII,
9.
АХМАТОВА А. VII, 85.
БЕДИАНИДЗЕ Д. IV, 6.
БЕКИШВИЛИ Т. IV, 10.
БЕСИКИ. VII, 32.
БУЧИС А. VIII, 48.
ВЕГИН П. II, 28.
ГОНЧА БЕГУМ, V, 131.
ГУРЕШИДЗЕ Н. V, 5.
ИБРАГИМОВ А. II, 32.
ИВАРДАВА Д. V, 8.
ИЗ ГРУЗИНСКОГО ФОЛЬК-
ЛОРА. II, 35.
КАЛАНДАДЗЕ А. VII, 3.
КАХИДЗЕ М. VIII, 3.
КВЛИВИДЗЕ М. III, 6; XII,
42.
КУБУСИДЗЕ В. XI, 64.
КУТАТЕЛАДЗЕ Н. VI, 10.
ЛЕОНИДЗЕ Г. III, 3.
МАМПОРИЯ О. VI, 6.
МАЧАВАРИАНИ М. V, 3.
НАДИРАДЗЕ К. I, 38.
ОРЛОВА Н. II, 33.
ПОРЧХИДЗЕ Ш. X, 8.
СТУРУА Л. I, 42; IX, 3.
ХАЛВАШИ Ф. II, 10.
ЧАНТУРИЯ Т. XI, 3.
ЧАРКВИАНИ Д. X, 3.
ШАЛАМБЕРИДЗЕ О. IX, 8.
ШАНШИАШВИЛИ С. XII,
94.
ШЕНГЕЛИ Ш. VI, 7.
ШОШИН В. XII, 93.
ЭРАДЗЕ Л. XII, 99.

ПРОЗА

- АНДРОНИКАШВИЛИ ИЛИ Б.
Рассказы. XII, 47.
ГАБРИАДЗЕ Р. Дюма на
Кавказе. I, 46.
ГЕГЕШИДЗЕ Г. Гость. I, 5;
II, 40.
ДЖОХАДЗЕ М. Рассказы. IV,
40.
ДУМБАДЗЕ Н. Бесы. II, 3.
КАВЖАРАДЗЕ И. Мальчик
из Ферейдана. III, 13.
КАРЧХАДЗЕ Д. Иги. V, 11.
ЛАНЧАВА Т. Рассказы. XII,
69.
ЛОРДКИПАНИДЗЕ К. Дож-
дливой ночью. III, 7.
МОРЧИЛАДЗЕ М. Начало.
IV, 62; V, 40.
ОСИНСКИЙ В. Отпуск на
Земле. VIII, 15.
ПАНДЖИКИДЗЕ Г. Два рас-
сказа. II, 14; Год активного
Солнца, IX, 12; X, 15; XI,
7; XII, 7.
ПЕТРИАШВИЛИ Г. Сказки.
VI, 24.
РАСПОРКИН Ф. Генералы и
солдаты. V, 60.
РИЖИНАШВИЛИ У. Реше-
ние. III, 42.
СЕЙРАНЯН Б. Два рассказа.
VII, 23.
СЕРГЕЕВА И. Тбилисские за-
писки. III, 69.
ТАБУКАШВИЛИ Л. Расска-
зы. IV, 48.

ТОПУРИДЗЕ Д. Диоскурия—
город, затопленный морем.
IV, 16.

УРДЖУМЕЛАШВИЛИ В. А
Москва у нас одна! VI, 44.

ЦУЛЕЙСКИРИ Н. Как умер
Абрагия. VI, 18.

ЧХИКВИШВИЛИ А. Зной.
VIII, 51.

ШАТАИДЗЕ Н. Рассказы. VII,
5.

ОЧЕРК

БУРЛАКОВ Ю. Возвративший
легенду. II, 113; III, 126.

ГВЕЛЕСИАНИ С. Когда сча-
стлив ученый. X, 125.

ГИГИНЕИШВИЛИ О. Альпи-
низм и литература о нем. III,
132.

ДУМБАДЗЕ Н. Возвращение
Одиссея. VIII, 122; IX, 112.

ЕГОРОВ Л. Директор. IV,
124.

ПУБЛИЦИСТИКА

БАГРАМОВ Э. Марскизм-ле-
нинизм — научное мировоз-
зрение. IX, 97.

БАНДЗЕЛАДЗЕ Г. Програм-
ма идеологической работы.
VI, 3.

БРАЙЛОВСКАЯ Л. Добрые
дела абашцев. XI, 69.

КВИРКВЕЛИЯ Т. Урбанисти-
ческий взрыв и исторические
памятники. V, 117.

ЛАБАРТКАВА Т. По закону
правды. VII, 101.

МЕЛАДЗЕ В. Детище первой
пятилетки. VI, 127.

ПАЙЧАДЗЕ Г. На земле бе-
лорусской. VII, 116.

МЕТРЕВЕЛИ Р. «...В связи с
конкретным опытом истории».
XII, 81.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АБЗИАНИДЗЕ З. Трудный
жанр. IV, 106; Диалог на
пороге 80-х X, 81.

АСАТИАНИ Г. Мир ^{входя-}
щим! IV, 88; «Маяковский
начинается...» VIII, 118; Обы-
ное и исключительное. XI,
79.

БАЛУАШВИЛИ В. Констан-
тин Федин и грузинская ли-
тература. X, 88.

БАРУЗДИН С. О Григоле Чи-
ковани. VI, 74.

ВАДАЧКОРИЯ Ш. Богатейшая
палитра литературной друж-
бы. VII, 64.

ВАСАДЗЕ А. «Кто была Мери
Галактиона Табидзе?» или
о типе и прототипе. VIII,
82.

ГЕНИЕВА Е. «Джакомо
Джойс», воскрешенный по-
русски. IX, 85.

ДОИАШВИЛИ Т. «И все же
я не согласен с Магелланом».
VII, 56.

ЕЛИГУЛАШВИЛИ Э. Как
рождалась книга. XII, 110.

ЖОРДАНИЯ С. Символ как
он есть. VII, 39.

ЗЫЦАРЬ Ю. «Гадюка со-
средним — образован и ем».
VIII, 90.

ИМЕДАШВИЛИ К. Личность
и становление жанра. VIII,
68.

КАКАБАДЗЕ Н. Раздумья о
Грузии. I, 92.

КИКАНС В. Оценка «состоя-
ние мира и человека». II,
93.

МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. Ры-
царь без страха и упрека.
XII, 123.

МЕРКВИЛАДЗЕ Г. Динами-
ка современного грузинско-
го романа. III, 81.

НЕРЛЕР П. Эпическая при-
вивка. XI, 97.

НОВИЦКИЙ О. Глубинность,
всеобъемлемость. VII, 33.

НОДИЯ О. Символ веры Гран-
та Матевосяна. VI, 77.

САРИБЕКОВА Л. «...Я опти-
мист!». X, 98.

- СЕМЕНОВА С. «В усилие к будущему времени». XI, 104.
 СОЛОД Н. «Горе от ума» в интерпретации грузинского ученого. VII, 72.
 ФЕЙГИН Э. В согласии с правилами чести и чистой нравственности. V, 95.
 ХОРОС В. Кормчий на тонущем корабле. XII, 114.
 ЦАИШВИЛИ С. Первая грузинская повесть. II, 76.
 ЧАНТУРИЯ Т. Смысл жизни — поиск прекрасного. V, 78.
 ЧАРКВИАНИ Д. Доброго пути, друзья! IV, 3.
 ЧИЛАДЗЕ Т. Уроки Толстого. IX, 73.
 ШОШИН В. Песенная радуга. V, 84.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- АЛАНИЯ В. «Ты пройдеши умы и земли...» VIII, 113.
 ГАБУНИЯ Г. Из летописи переписки с Л. Толстым, IV, 119.
 КАПЛАН А. «Тбилиси — основной старт моей литературной деятельности». XI, 128.
 КОРЧИЛАВА Д. Популяризатор Л. Н. Толстого. VII, 94.
 НЕРЛЕР П. Надежды, надежды, надежды... V, 148.
 СПЕКТОР У. «Образ Грузии живет в моей душе». III, 120.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

- МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. О пустом космосе и изяществе аналитических ходов. VI, 91.

РЕЦЕНЗИИ

- БОГОМОЛОВ И. Чехов в грузинском театре. V, 113.
 ВОЛИНА Ж. Режиссерские уроки мастера. X, 151.

- ГЕРШТЕНБЛИТ А. Пропагандируя грузинскую литературу. VIII, 108.
 ЕНУКИДЗЕ Д., НАДАРЕИШВИЛИ Т. Новые аспекты творчества Ильи Чавчавадзе. V, 108.
 ЗЛАТКЕВИЧ Л. Грузинских женщин имена. III, 117.
 КИРИЛЮК З. Духовное единение. I, 108.
 ЛАПЕРАШВИЛИ В. Маяковский в музыке. I, 112; О грузинской фронтовой поэзии. V, 107.
 МИКАВА Н. Жизнь родине одной предназначал. II, 110.
 НАТРОШВИЛИ Т. Заложник Картли. II, 107.
 ОСИНСКИЙ В. Смешное — не только смешно. III, 112.
 РАЗМАДЗЕ М. Время в эпохе. VIII, 105.
 ТАБАГУА И., ЧХЕИДЗЕ А. Ценный научный труд. XII, 150.
 ТУРНАВА С. Новый номер картвелологического журнала. VIII, 109.
 ТУХАРЕЛИ Д., ПОРАКИШВИЛИ Н. Углубляя мотивы прежних работ. II, 101.
 ТУХАРЕЛИ Д. Четыре книги о дружбе. XI, 122.
 ФЕЙГИН Э. Самые добрые пожелания. IV, 112.
 ЧАЧАНИДЗЕ В. Уникальный документ, впервые увидевший свет. III, 107.
 ШАВШУКОВ Е. Постигаю правду жизни. I, 113.
 ШАМЕЛАШВИЛИ Р. Первый словарь несклоняемых слов. I, 114.
 ШЕСТАЛОВ Ю. «Поезд Грузии — Сибирь». IV, 114.

ИСКУССТВО

- АНДЖАПАРИДЗЕ В. Искусство дарить людям счастье. VI, 139.
 БАРАНОВ М. Художник мысли и чувства. V, 145.

საქართველოს
 ეროვნული
 ბიბლიოთეკა

НАУКА

БУАЧИДЗЕ Г. Пиросмани
или Прогулка Оленя. I,
125.

ГАЛУСТОВА Э. Актер искал
драматурга. XI, 145.

ГАЧЕВ Г. Гроздь и гранат.
VII, 123.

ЗАРИДЗЕ В. Щедрость та-
ланта. IV, 135.

ЗАУТАШВИЛИ И. О некото-
рых вопросах традиции и
новаторства в новой гру-
зинской живописи. VIII, 146.

ЗЛАТКЕВИЧ Л. В ритме жиз-
ни. VII, 143.

КАВТАРАДЗЕ Н. Играет Ва-
жа Чачава. IV, 129.

ЛЕКВЕИШВИЛИ Ш. Царица
Тамар и Рыбинск. XI, 154.

ОРДЖОНИКИДЗЕ Г. Кавказ-
ская киноповесть. II, 123.

РЕХВИАШВИЛИ С. Тепло,
побеждающее стужу. VIII,
151.

РЧЕУЛИШВИЛИ Л. Серго
Кобуладзе. VII, 134.

УРУШАДЗЕ П. «Жизнь и
смерть Ричарда III». IX,
125.

ЧИЛАДЗЕ Т. «Мачеха Сама-
нишвили» в Саарбрюкене.
V, 135.

ШКЛОВСКИЙ В. «Дон Ки-
хот». VI, 150.

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

БАРНОВЕЛИ Э. Богатейший
источник разнообразных све-
дений. VIII, 140.

ГУДИАШВИЛИ Л. Книга
воспоминаний. IX, 137; X,
136.

ГУРУЛИ В., МАЧАРАДЗЕ В.
Сраницы героической борь-
бы. I, 117.

МАРР С. М. «Ю. М. Марр в
Сирии». XI, 131.

МАСЛЕНИКОВА З. Портрет
поэта. II, 132; III, 137; IV,
137.

ЧАНИШВИЛИ В. Бессозна-
тельное — миф или реаль-
ность? X, 117.

ВАТЕИШВИЛИ Д. Предтеча
грузинской печатной летопи-
си. XII, 126.

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

АГЕЕВА Л., ЛАВРОВ В. Ве-
ликий музейный работник.
VI, 131.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИРАКЛИЯ АБАШИДЗЕ

Щедрый талант и доброе серд-
це. XII, 4.

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОСТА ХЕТАГУРОВА

ДЗУГАЕВ Г. Истоки поэзии
Коста — в народном твор-
честве. XII, 101.

ГОЗАЛИШВИЛИ Ш. Коста
Хетагуров и грузинская об-
щественность. XII, 105.

АННОТАЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ» ГРУЗИИ»

I, 154; II, 155; III, 155; IV,
155; V, 155; VI, 156; VII,
154; VIII, 156; IX, 156; X,
155; XI, 156; XII, 153.

ХРОНИКА

I, 156; II, 157; III, 158; IV,
158; V, 157; VI, 158; VII, 157;
VIII, 158; IX, 158; X, 158;
XI, 158; XII, 154.

yr. 40/12

АНДРОНИКАШВИЛИ Борис Борисович. Род. в 1934 г. в Тбилиси. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Печататься начал с 1961 г. Повести и рассказы публиковались в «Литературной Грузии», «Неделе», «Советской женщине», «Мнатоби», «Цискари» и в других журналах и альманахах, в том числе зарубежных. Автор прозаических сборников «Август-месяц», «Суббота, воскресенье», «Красные кони», «Мандариновый берег». Член Союза писателей и Союза кинематографистов СССР.

ВАТЕИШВИЛИ Джуаншер Иванович. Род. в 1931 г. Доктор исторических наук. Автор многочисленных научных трудов, основные из которых: «Из истории легальной рабочей печати Закавказья», «Русская общественная мысль и печать на Кавказе первой трети XIX века», «Из истории местной большевистской печати», «П. И. Иоселиани. Очерк жизни и научно-общественной деятельности» (в соавторстве с А. Барамидзе) и др.

ГОЗАЛИШВИЛИ Шалва Николаевич. Род. в 1909 г. Доктор филологических наук,

профессор. Автор многих научных трудов, монографий, книг, в том числе — «Революция 1905—1907 гг. и Иродион Евдшовили», «К истории грузинской революционной художественной литературы» и др.

ДЗУГАЕВ Георгий Хасакович. Род. в 1911 г. Автор поэтических книг, рассказов для детей. Первый сборник стихов «Луч солнца» вышел в 1938 году. В стихах Дзугаева отражена история осетинского народа.

МЕТРЕВЕЛИ Роин Викторович. Род. в 1939 г. Заместитель главного редактора Грузинской Советской Энциклопедии. Доктор исторических наук, профессор, работает над проблемой классовой и внутриклассовой борьбы средневековой Грузии. Автор свыше 50 трудов.

ХОРОС Владимир Георгиевич. Род. в 1938 г. Кандидат исторических наук. Окончил факультет журналистики МГУ. Интересуется проблемами философии и истории общественной мысли. Автор ряда книг и статей, опубликованных в научных журналах.

„ლიტერატურული მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური უწყისი (რუსულ ენაზე)“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური უწყისი (რუსულ ენაზე)

ბათუმის 1957 წლის იანვარი. № 11 ნომერი, 1979 წ.

Сдано в набор 12 ноября 1979 г. Подписано к печати 21 декабря 1979 года. 5 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

С ЯНВАРЯ 1980 ГОДА ЖУРНАЛ «ЛИ-
ТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» БУДЕТ ВЫХОДИТЬ
В УВЕЛИЧЕННОМ ОБЪЕМЕ. В СВЯЗИ С
ЭТИМ РОЗНИЧНАЯ ЦЕНА ЗА КАЖДЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР СОСТАВИТ 60 КОП., А
СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ —
7 РУБЛЕЙ 20 КОП.

УБЕДИТЕЛЬНО ПРОСИМ ВСЕХ ПОД-
ПИСЧИКОВ ДЛЯ ПЕРЕОФОРМЛЕНИЯ
ПОДПИСКИ ОБРАТИТЬСЯ В ГОРОДСКИЕ
И РАЙОННЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПЕЧАТИ.

40 коп

ИНДЕКС 76117

УДК 62-50

2-025.000.000.000